

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2025

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Ильина О.Ю.

О множественности отцов в родительском правоотношении7

Штыков Д.В.

Ретроспективность зачета в праве Российской Федерации.....18

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Интересы местного сообщества как конституционно-правовая ценность.....24

Баранов И.В.

Новые меры защиты права на русский язык.....34

Васильчук Ю.В.

Правовое значение кадастровой стоимости земельных участков.....42

Вобликов А.Б.

Направления совершенствования таможенного законодательства.....55

Крусс В.И.

Проблемы и перспективы повышения эффективности комплексного обеспечения конституционного права на жилище в Российской Федерации.....63

Крусс И.А.

Взаимодействие Центрального банка Российской Федерации с международными финансовыми и банковскими организациями с точки зрения защиты интересов Российской Федерации.....74

Кувырченкова Т.В.

Миграция в условиях действия административно-правовых режимов: проблемы правового регулирования.....81

Рязанова Е.А.

Духовно-нравственные ценности России как объект внимания Государственного Совета Российской Федерации.....88

Сладкова А.А.

Позиция декларанта и таможенного органа в выборе метода определения таможенной стоимости импортных товаров.....95

Федина А.С.

Уголовная ответственность за неисполнение судебных актов.....107

Яковлева Н.Г.

Новые правовые процедуры возобновления производства по уголовному делу.....116

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Бакаева О.Ю., Мошкина Н.А.

Эксперимент как эффективный инструмент правового регулирования общественных отношений (на примере налогообложения).....124

Барткова О.Г.

О равенстве в гражданском праве: научная доктрина и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации135

Гайдашов А.В.

Уголовно-правовая характеристика контрабанды денежных средств и (или) денежных инструментов: теоретические и практические аспекты.....144

Гипич А.Э., Переварюха Д.В.

Правовая культура и готовность бизнеса к партнерской модели государственного надзора: социолого-правовой анализ.....151

Жуков Ф.Ф.

Гражданско-правовые споры по договорам о комплексном развитии территории: обзор актуальной судебной практики163

Иванова М.С.

Проблемные вопросы общей собственности супругов при банкротстве.....173

Сапронова Т.П.

Посмертное осуждение в уголовном праве России: правовые и этические проблемы.....180

Туманова Л.В.

Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения.....186

Харитошкин В.В., Огаркова Н.О.

О некоторых особенностях назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: статистический и практический анализ.....199

Шаров К.В., Бузов С.А.

Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в условиях проведения специальной военной операции.....209

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н., Цыганова А.В.

К вопросу об изучении в отечественной науке правовых и организационно-управленческих аспектов деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (краткий историографический обзор).....220

Трибуна молодого ученого

Васильченко В.Н.

Неуважение к суду в арбитражном процессе: теория и практика.....236

Дроздов П.П.

Правовое регулирование посмертной репродукции: статус эмбриона и пределы волеизъявления потенциальных родителей.....243

CONTENT

Topical issues of private law

Ilyina O.

On the plurality of fathers in parental legal relationships.....7

Shtykov D.

Retrospective effect of setoff in Russian law.....18

Topical issues of public law

Antonova N.

Interests of the local community as a constitutional and legal value.....24

Baranov I.

New measures to protect the right to the russian language34

Vasilchuk Yu.

The legal significance of the cadastral value of land plots.....42

Voblikov A.

Directions for improving customs legislation.....55

Kruss V.

Problems and prospects of increasing the effectiveness of comprehensive provision of the constitutional right to housing in the Russian Federation....63

Kruss I.

Interaction of the Central bank of the Russian Federation with international financial and banking organizations in terms of protecting the interests of the Russian Federation.....74

Kuvyrchenkova T.

Migration under administrative and legal regimes, problems of legal regulation.....81

Ryazanova E.

Spiritual and Moral Values of Russia as a Focus of the State Council of the Russian Federation.....88

Sladkova A.

Violation of official discipline as a reason dismissal from service in the customs authorities.....95

Fedina A.

Criminal liability for non-execution of court orders.....107

Yakovleva N.

New legal procedures for reopening criminal proceedings.....116

Topical issues of science and law enforcement practice

Bakayeva O., Moshkina N.

Experiment as an effective tool for the legal regulation of public relations (on the example of taxation).....124

Bartkova O.

On equality in civil law: in scientific doctrine and in legal positionsb
Constitutional Court of the Russian Federation.....135

Gaidashov A.

Criminal and legal characteristics of contraband of money and (or) money
instruments: theoretical and practical aspects.....144

Gapich A., Perevaryukha D.

Legal culture and business readiness for a partnership model of state oversight:
a sociological and legal analysis.....151

Zhukov F.

Civil law disputes over contracts on the integrated development of the territory:
overview of current judicial practice.....163

Ivanova M.

Problematic issues of the spouses' common property in case of
bankruptcy.....173

Sapronova T.

Posthumous conviction in Russian Criminal Law: legal and ethical
issues.....180

Tumanova L.

The impact of informatization on law enforcement and family relations.....186

Kharitoshkin V., Ogarkova N.

Peculiarities of imposing a punishment in the form of deprivation of the right
to hold certain positions or engage in certain activities: statistical and practical
analysis.....199

Sharov K., Burov S.

Features of investigating crimes related to illegal arms trafficking during a
special military operation.....209

Issues of state history and law

Smirnov S., Tsyganova A.

On the study of legal and organizational-managerial aspects of the activities of
the Imperial Orthodox Palestine Society in Russian science (brief
historiographical review).....220

Tribune of young scientist

Vasilchenko V.

Contempt of court in the arbitration process: theory and practice.....236

Drozдов P.

Legal regulation of posthumous reproduction: embryo status and the limits of
intended parents' will.....243

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.634/.637

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.4.007

О множественности отцов в родительском правоотношении

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обозначается проблематика установления правовой связи между ребенком и лицом, претендующим на статус отца. Исследуются правоотношения, возникающие при решении судом вопроса об оспаривании отцовства мужчины, не являющегося биологическим родителем ребенка. Акцентируется внимание на понятии «интересы ребенка» и их содержании при разрешении судом спора между мужчинами, из которых один является биологическим отцом ребенка, а другой был записан отцом при регистрации рождения ребенка и фактически воспитывает его с этого момента. Автор апеллирует к материалам судебной практики, разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выявляя критерии обеспечения интересов ребенка при рассмотрении судом спора мужчин, претендующих на установление своего отцовства.

Ключевые слова: *родительское правоотношение; интересы ребенка; отцовство; биологический родитель.*

Конституция Российской Федерации провозглашает принципы государственной поддержки и защиты семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 38), неоднократно по вопросам установления и оспаривания отцовства (материнства) свою позицию выражал Конституционный Суд Российской Федерации (определения от 26.05.2011 г. № 875-О-О, от 20.04.2017 г. № 887-О, от 27.02.2020 г. № 370-О, постановления от 02.03.2021 г. № 4-П, от 27.11.2024 г. № 55-П и др.).

Сведения о родителях ребенка вносятся в запись акта о рождении ребенка в порядке, установленном ст. 17 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [3].

Родительство, будучи социально-правовым институтом, предполагает различные варианты формирования соответствующей правовой связи между ребенком и каждым из лиц, записанных в качестве родителей. Как правило, основанием возникновения правоотношения между родителями и детьми является кровное родство, то есть фактическое происхождение ребенка непосредственно от лиц, записанных в качестве его родителей. Именно такая установка традиционно прослеживается при толковании содержания ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] «Права и

обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке».

В то же время не исключаются ситуации, когда в качестве отца либо матери ребенка записаны мужчина или женщина соответственно, не являющиеся биологическими родителями (родителем) данного ребенка. Так, отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, может быть установлено путем подачи в орган записи актов гражданского состояния совместного заявления отцом и матерью ребенка (п. 3 ст. 48, п. 2 ст. 51 СК РФ).

Заметим, что законодатель весьма императивен. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 52 СК РФ «Требование лица, записанного отцом ребенка на основании пункта 2 статьи 51 настоящего Кодекса, об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка». Таким образом, если мужчина и мать ребенка, не состоящие в браке между собой, подали в орган загса совместное заявление об установлении отцовства, то впоследствии ни при каких обстоятельствах отцовство не может быть оспорено по заявлению данного мужчины (кроме мотивов нарушения его волеизъявления, на что обращает внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – ПВС РФ) в постановлении от 16.05.2017 г. № 16 [16]), хотя и данному мужчине, и, возможно, матери ребенка известно, что лицо, записанное отцом ребенка, таковым не является по крови.

Не стоит исключать и так называемой конкуренции презумпции отцовства. В частности, п. 2 ст. 48 СК РФ распространяет действие презумпции отцовства мужа матери ребенка не только на период брака, но и в течение 300 дней с момента его расторжения, признания недействительным или прекращения смертью мужа, если не доказано иное (ст. 52 СК РФ). Таким образом, если после смерти мужа беременная вдова выходит замуж, то отцом ее ребенка может быть записан как умерший муж, так и новый супруг. Учитывая оговорку «если не доказано иное», следует исходить из оспоримого характера совершенной записи об отце, что, однако, не исключает правоотношения между ребенком и отцом, не являющимися кровными родственниками.

Такой подход законодателя явно демонстрирует приоритет публично-правовых аспектов, то есть факта государственной регистрации установления отцовства перед фактом кровного родства, вернее, его отсутствия.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что наличие кровного родства не обозначается законодателем как исключительное и единственное основание для возникновения правоотношения между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца. Более того, устанавливая ранее отмеченный запрет на оспаривание отцовства, законодатель подчеркивает социальное и юридическое значение факта

установления происхождения ребенка, а не факта наличия кровного родства между ребенком и женщиной.

Происхождение ребенка не может соотноситься исключительно с кровным родством, на что совершенно верно обращали внимание представители науки семейного права и советского периода, и современного нам. Так, еще Е.М. Ворожейкин писал, что «право не создает отношения родства и не способно устранить их с помощью норм» [5, с. 39].

Е.Г. Комиссарова, анализируя понятия «кровное родство» и «социальное родство» применительно к родительскому правоотношению, также отмечает различные нормативные модели происхождения ребенка [12, с. 73–109].

Определенные векторы для суда установлены и в постановлении ПВС РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». В частности, разъяснения, содержащиеся в п. 27, 29 данного постановления применимы при рассмотрении соответствующих споров.

Таким образом, и в действующем законодательстве, и в юридической науке, и в правоприменительной практике предполагается (не исключается) возникновение и существование родительского правоотношения при отсутствии кровного родства между ребенком и женщиной, записанным в качестве его отца.

Однако в цивилистике родительское правоотношение, характеризующееся не просто отсутствием кровного родства между ребенком и женщиной, записанным в качестве его отца, но и возникновением спора об оспаривании отцовства по иску биологического родителя, длительное время рассматривалось с единственным прогнозируемым вариантом – иск подлежит удовлетворению. Справедливости ради отметим, что биологический отец достаточно редко выступает истцом по делам об оспаривании отцовства, но именно такие споры стимулируют научную дискуссию.

Обратимся к двум судебным решениям, одно из которых было вынесено Хабаровским районным судом Хабаровского края 15.12.2021 г. и вступило в законную силу [18], другое вынесено Тверским районным судом г. Москвы 03.12.2025 г. (заседание по делу было открытым) [19].

Примечательно, что хотя сюжетная линия обеих историй имеет различные правовые основания для установления отцовства, в обоих случаях ребенок знает, что тот отец, который указан в свидетельстве о его рождении, не является биологическим родителем.

Суть дела, рассмотренного Хабаровским районным судом Хабаровской области, в следующем: будучи в браке, А.А. некоторое время сожительствовала с А.Н., от которого и родила в 2016 г. дочь. В соответствии с презумпцией отцовства К.А. (супруг А.А.) был записан отцом ребенка, хотя А.Н. предлагал А.А. записать его отцом дочери, но

мать ребенка не согласилась. Через пять лет после рождения дочери А.Н. обратился в суд с иском об оспаривании отцовства К.А. и установлении своего отцовства. В ходе рассмотрения дела было установлено, что истец действительно является биологическим отцом девочки (заключение экспертизы), более того, мать даже позволяла видеться истцу с дочерью, но затем запретила общение, сославшись на возражения со стороны супруга. Суд отказал в удовлетворении соответствующего иска, хотя молекулярно-генетическая экспертиза подтвердила наличие кровного родства между ребенком и истцом. Апелляционная инстанция (Хабаровский краевой суд, определение от 01.04.2022 г.) оставила решение без изменения, такую же позицию продемонстрировал и кассационный суд, оставив без изменения решение суда первой инстанции и апелляционное определение.

Дело, которое было рассмотрено Тверским районным судом г. Москвы, также отличается открытостью взаимоотношений между родителями ребенка, а именно матерью, юридическим отцом и биологическим отцом, кроме того, мать также разрешала последнему общение с ребенком. В данной истории отцовство было установлено на основании совместного заявления С.А. (матери ребенка) и У.Я. – мужчины, который является отцом старшего сына С.А., при этом отцовство было установлено точно в таком же порядке. Примечательно, что оба ребенка С.А. проживали совместно с матерью и У.Я., воспринимая последнего исключительно как отца, что нашло подтверждение в заключении внесудебной комиссионной комплексной психологической экспертизы. Об установлении отцовства непосредственно при государственной регистрации рождения ребенка знал и его биологический отец Г.Ю., который решил заявить о своем отцовстве по прошествии семи лет, хотя в течение всего этого времени мать ребенка не препятствовала общению сына с биологическим отцом. Рассмотрев все обстоятельства дела, суд вынес решение об отказе в удовлетворении требований биологического отца об оспаривании отцовства У.Я. и установлении своего отцовства, несмотря на подтверждение кровного его родства с ребенком (заключение экспертизы).

Таким образом, несмотря на различные правовые основания установления правовой связи между ребенком и мужчиной, записанным в качестве его отца, а именно презумпцию отцовства при рождении ребенка замужней женщиной и совместное заявление мужчины и матери ребенка, не состоящих в браке между собой, родительское правоотношение возникло, дети воспитываются в семье. Предъявление биологическим родителем иска не только об оспаривании отцовства лица, записанного в качестве отца ребенка, но и об установлении своего отцовства (как правило, потому как это требование может и отсутствовать), вызывает множество вопросов. В частности, чем

руководствуется суд при разрешении соответствующих вопросов при наличии заключения молекулярно-генетической экспертизы, однозначно подтверждающей наличие кровного родства между истцом и ребенком?

Заметим, что ПВС РФ в п. 9 указанного ранее постановления разъясняет: «При рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей, судам следует учитывать положения статьи 12 Конвенции о правах ребенка и статьи 57 СК РФ, в соответствии с которыми ребенок вправе свободно выражать свое мнение по всем вопросам, затрагивающим его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства (например, по делу об установлении факта признания отцовства ребенок может быть опрошен судом по обстоятельствам, имеющим значение для правильного рассмотрения дела)».

Как следует из материалов второго дела, малолетний ребенок явно и осознанно выражает свое мнение относительно взаимоотношений с истцом, а именно «нежелание общаться и взаимодействовать с ним».

Соответствующее мнение малолетнего ребенка, выраженное неоднократно в той или иной форме в ходе проведения внесудебной комиссионной психологической экспертизы, безусловно, должно быть принято судом во внимание в силу прямого предписания ст. 57 СК РФ и с учетом разъяснений ПВС РФ [8; 10, с. 27–38].

Более того, именно учет мнения ребенка будет свидетельствовать об обеспечении интересов ребенка в рамках рассмотрения судом соответствующего спора. Понятие «интересы ребенка» используется в Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. [1], СК РФ, иных федеральных законах достаточно часто при отсутствии нормативного определения, что, в свою очередь, свидетельствует об универсальном характере данной оценочной категории, возможности устанавливать содержание интересов ребенка с учетом обстоятельств конкретной ситуации.

В науке семейного права понятие «интересы ребенка» исследуется как критерий осуществления родительских прав; как критерий разрешения споров, связанных с воспитанием детей и т.п. [7, 14].

В ст. 65 СК РФ содержится императивная норма, в которой законодатель оперирует данной оценочной категорией: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию». Таким образом, законодатель устанавливает исключительную взаимосвязь между характером осуществления родительских прав и интересами детей.

Представляется, что установление правовой связи между ребенком и биологическим отцом, заявляющим свои притязания на установление отцовства, в большинстве случаев будет противоречить интересам

ребенка, что исключает перспективу надлежащего осуществления истцом своих родительских прав.

В соответствии со ст. 3 Конвенции о правах ребенка «во всех действиях в отношении детей ... первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка», при этом в ст. 1 СК РФ среди основных начал семейного законодательства зафиксирован принцип приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи.

Следовательно, при осуществлении родителями своих прав и обязанностей, а также при рассмотрении судом споров, возникающих из семейных правоотношений и так или иначе затрагивающих интересы детей, следует учитывать два аспекта: а) интересы ребенка должны быть обеспечены наилучшим образом; б) интересы ребенка должны быть обеспечены в приоритете.

Таким образом, при рассмотрении иска биологического отца необходимо, в первую очередь, руководствоваться принципами приоритетной защиты и наилучшего обеспечения интересов ребенка, что, конечно же, не исключает учета интересов истца и ответчиков [6, с. 74–76; 11, с. 62–73].

Безусловно, при рассмотрении дел об оспаривании отцовства юридического отца и установлении отцовства биологического отца следует апеллировать к понятию «эмоциональная привязанность», дабы охарактеризовать отношения между ребенком и истцом, ребенком и ответчиком. Данное понятие обычно используется в судебной практике при рассмотрении споров между родителями ребенка об определении места жительства малолетнего (несовершеннолетнего), порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно от него, и т.п. Так, в п. 5 постановления от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [17] ПВС РФ разъясняет: «... суд принимает во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи...».

В то же время необходимо подчеркнуть, что применительно к спорам об установлении отцовства ПВС РФ в п. 29 постановления от 16.05.2017 г. № 16 также не просто акцентирует внимание на обозначенном понятии, а подчеркивает его доказательственную силу [9, с. 127–136; 13].

В частности, при рассмотрении требования об оспаривании отцовства лица, записанного в качестве отца ребенка, но фактически им не являющимся, суд апеллирует к следующим обстоятельствам: «в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка и исходя из приоритетной защиты его прав и интересов (ст. 3 Конвенции о правах ребенка, п. 3 ст. 1 СК РФ), а также с учетом конкретных обстоятельств дела (например, длительных семейных отношений, сложившихся между ребенком и

лицом, записанным в качестве его отца, устойчивой эмоциональной привязанности ребенка к этому лицу, намерения данного лица продолжать воспитывать этого ребенка и заботиться о нем как о своем собственном ребенке) ...».

Как следует из материалов второго дела, в семье воспитывается двое детей, являющихся единоутробными, характер и формы взаимоотношений между родителями и детьми соответствуют традиционным семейным ценностям (совместное проживание, организация семейного быта и отдыха и т.п.). В частности, в заключении эксперта указывается, что взаимоотношения, сложившиеся между братьями, родителями (мать и юридический отец), бабушкой и дедушкой по линии матери, характеризуются наличием эмоциональной привязанности ребенка к каждому из названных лиц, что, в свою очередь, обуславливает восприятие ребенком данных лиц как членов своей семьи.

Безусловно, специфика доказывания определяется наличием заключения молекулярно-генетической экспертизы, свидетельствующей о наличии родства между истцом и ребенком.

В то же время следует учитывать, что в силу ч. 3 ст. 86 Гражданского процессуального кодекса РФ [4] (далее – ГПК РФ) «Заключение эксперта для суда необязательно и оценивается судом по правилам, установленным в статье 67 настоящего Кодекса». В соответствии же с ч. 2 ст. 67 данного кодекса «Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы».

Важно отметить и тот акцент, который делает законодатель в ч. 3 ст. 67 ГПК РФ: «Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности».

ПВС РФ в п. 20 постановления от 16.05.2017 г. № 16 также разъясняет, что «заключение эксперта (экспертов) по вопросу о происхождении ребенка является одним из доказательств, оно не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами». К сожалению, ПВС РФ разъяснил норму закона не в полном объеме, что приводит в правоприменительной плоскости к неправильному ее толкованию.

Речь должна идти не только о том, что суд оценивает заключение экспертизы, в том числе молекулярно-генетической, в совокупности с другими имеющимися по делу доказательствами. Суд оценивает *взаимную связь* (курсив мой – О.И.) заключения экспертизы и других доказательств в их совокупности.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении по делу о проверке конституционности ст. 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М. от 27.11.2024 г. № 55-П также указал на необходимость оценки судом взаимной связи доказательств в их совокупности, кроме того, подчеркнул: «результаты оценки

доказательств суд обязан отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими» [15].

Таким образом, оценка судом именно взаимной связи имеющихся доказательств по таким делам (заключение внесудебной комиссионной психологической экспертизы, заключение молекулярно-генетической экспертизы, объяснения сторон и третьих лиц и др.) в их совокупности обеспечит установление обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ст. 55 ГПК РФ), а также приоритетную защиту наилучших интересов ребенка.

Своеобразным «камнем преткновения» при рассмотрении судом иска об оспаривании записи об отце ребенка в записи акта о рождении ребенка, предъявленного мужчиной, фактически являющимся отцом ребенка (биологическим родителем), выступает п. 29 постановления ПВС РФ.

Правильное понимание позиции ПВС РФ и разъяснений, содержащихся в п. 29 названного постановления, возможно посредством применения грамматического толкования.

Итак, процитируем соответствующий пункт: «Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что лицо, записанное отцом (матерью) ребенка, не является его биологическим родителем, *суд вправе* (курсив мой – О.И.) вынести решение об удовлетворении иска об оспаривании записи об отце (матери) ребенка в записи акта о рождении ребенка».

Использование конструкции «вправе» означает вариант возможного, но отнюдь не должного варианта, как это имеет место в других случаях. Например, в п.15 данного постановления подчеркивается обязанность судьи возвратить исковое заявление, если будет установлено, что истец не обращался в орган опеки и попечительства за получением согласия на установление его отцовства в органе записи актов гражданского состояния в порядке п. 3 ст. 48 СК РФ.

Заметим, что конструкция «вправе» применительно к рассмотрению и разрешению соответствующих споров встречается неоднократно в соответствующем постановлении ПВС РФ, что следует признать объективно обоснованным. Так, например, в п. 21 постановления разъясняется, что «при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения

которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым».

Приведенные примеры наглядно демонстрируют специфику рассмотрения судом дел данной категории, варианты должного и возможного поведения судьи.

Таким образом, указание в п. 29 упомянутого постановления ПВС РФ на то, что суд вправе вынести решение об удовлетворении соответствующего иска совершенно не означает, что даже если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что лицо, записанное отцом ребенка, не является биологическим родителем, такое решение должно быть вынесено во всех случаях предъявления иска об оспаривании сведений об отце в записи акта о рождении ребенка.

В соответствующем толковании нуждаются и разъяснения, содержащиеся в третьем абзаце п. 29 названного постановления ПВС РФ. Цитируем: «при этом судам следует иметь в виду, что, если одновременно с иском об оспаривании отцовства матерью ребенка либо опекуном (попечителем) ребенка не заявлено требования об установлении отцовства в отношении биологического отца ребенка либо такое требование не предъявлено биологическим отцом ребенка, а лицо, записанное в качестве отца ребенка, возражает против удовлетворения иска, в исключительных случаях ... суд может отказать в удовлетворении иска об оспаривании отцовства».

Данные разъяснения применимы непосредственно лишь к тем случаям, когда ни мать, ни опекун (попечитель), ни биологический отец ребенка не инициируют установление отцовства биологического отца. Соответственно, в такой ситуации учитывается позиция лица, записанного в качестве отца ребенка, с учетом которой суд может отказать в удовлетворении иска об оспаривании отцовства, сохранив тем самым правовую связь между ребенком и юридическим отцом.

Фабула дела, рассмотренного Тверским районным судом г. Москвы, совершенно иная, в связи с этим соответствующие разъяснения (абзац третий п. 29) к данной истории не применяются. В то же время позиция ПВС РФ в части учета конкретных обстоятельств, характеризующих взаимоотношения между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца, но не являющимся биологическим родителем, вполне применима при оценке взаимоотношений, сложившихся между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца (истцом).

Таким образом, действующее законодательство не исключает, а судебная практика подтверждает возможность обоснованного отказа в удовлетворении судом иска, предъявленного биологическим родителем и содержащего требования об оспаривании отцовства лица, записанного в качестве отца ребенка, а также об установлении отцовства биологического родителя. Ключевым критерием при этом выступают интересы ребенка, поскольку удовлетворение как в полном объеме, так и

частично требований, заявленных биологическим отцом, будет противоречить принципу приоритетной защиты наилучших интересов несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР.1993. Выпуск XLVI.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // РГ. 1997. № 224.
4. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // РГ. 2002. № 220.
5. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
6. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном законодательстве: объективные формы и субъективное содержание // Судебная психиатрия: современные проблемы теории и практики (диагностика, экспертиза, профилактика): сб. материалов научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Е.В. Макушкина, Г.А. Фастовцова. 2018.
7. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. Монография. М.: Городец, 2006. 192 с.
8. Ильина О.Ю. Мнение и согласие ребенка при рассмотрении споров о его воспитании: формы выражения и правовые последствия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок и правосудие» (г. Москва, 13 декабря 2018 г.). М.: АППП, 2018. С. 66–72.
9. Ильина О.Ю., Русаковская О.А. Об использовании специальных знаний при рассмотрении судебных споров о воспитании детей родителями, проживающими раздельно // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 127–136.
10. Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании // Психология и право. 2022. № 12(3). С. 27–38.
11. Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Материальные основания и процессуальные условия обеспечения интересов ребенка при рассмотрении судами дел об установлении его происхождения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 1. С. 62 – 72.
12. Комисарова Е.Г. Происхождение ребенка и порядок его установления по нормам семейного права: монография. М.: Статут, 2025. 242 с.
13. Русаковская О.А., Ильина О.Ю. Понимание «привязанности» наивными носителями языка, судьями и судебно-психологическими экспертами // Коченовские чтения. Психология и право в современной России: сб. тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М., 2018. С. 104–105.
14. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика. Монография. М., Проспект, 2024. 271 с.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2024 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // РГ. 2024. № 285.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // РГ. 2017. № 110.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // РГ. 1998. № 110.

18. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 г. № 88-7262/2022, дело № 2-1629/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Решение Тверского районного суда г. Москвы от 03.12.2025 г. по делу 02-1084/2025 (02-6149/2024) – М-5774/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, зав. кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

On the plurality of fathers in parental legal relationships

O.Y. Ilyina

Tver State University, Tver

This article addresses the issue of establishing a legal relationship between a child and a person claiming paternity. It examines the legal relationships that arise when a court decides to challenge the paternity of a man who is not the child's biological parent. The focus is on the concept of the “interests of the child” and their content when the court resolves a dispute between men, one of whom is the biological father of the child, and the other was registered as the father when registering the child's birth and has actually been raising him from that moment on. The author appeals to the materials of judicial practice and the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, identifying the criteria for ensuring the interests of the child when the court considers a dispute between men claiming to establish their paternity.

Keywords: *parental relationship, interests of the child, paternity, biological parent.*

About author:

ILYINA Olga – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. О множественности отцов в родительском правоотношении // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 7–17.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Ретроспективность зачета в праве Российской Федерации

Д.В. Штыков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются проблемы правоприменительной практики, связанные с использованием такого основания прекращения обязательства, как зачет. Рассмотрены существующие концепции действия зачета во времени и определено практическое значение таких концепций на конкретном примере. В заключение автором предложены изменения законодательства, которые бы позволили в дальнейшем избежать неправильного правопреемника при использовании такого инструмента, как зачет.

Ключевые слова: зачет, ретроспективный зачет, перспективный зачет, ретроактивный зачет, прекращение обязательств, момент прекращения обязательства зачетом, правоприменительная практика.

Глава 26 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержит перечень оснований прекращения обязательств, одним из которых является зачет.

Так, в силу ст. 410 ГК РФ обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования.

На первый взгляд все просто и предельно ясно – взаимные однородные (денежные) обязательства сторон подлежат зачету. Если ООО «Ромашка» должна ООО «Люттик» 1 000 рублей, а ООО «Люттик» должен ООО «Ромашка» 1 500 рублей, то очевидно, что обязательства этих цветочных компаний по отношению друг к другу подлежат прекращению на 1 000 рублей.

Однако на практике правоотношения сторон сложнее, чем указанный выше пример, обязательства сторон различны по своему характеру, составу, сроку возникновения, что часто вызывает большое количество вопросов и споров, на которые даже суды различных инстанций смотрят по-разному, что заставляет Верховный Суд Российской Федерации вмешиваться и указывать на верный порядок рассмотрения тех или иных вопросов, связанных с зачетом.

Так, 30.10.2025 г. Верховный Суд РФ определением № 306-ЭС22-21279 по делу № А65-24051/2019 отменил судебные акты нижестоящих судов и отправил дело на новое рассмотрение, указав на неверное применение ст. 319 ГК РФ при проведении судами зачета [2]. Верховный Суд закономерно обратил внимание на то, что проценты, указанные в ст. 319 ГК РФ, не являются мерой ответственности, а представляют собой

плату за пользование денежными средствами, и именно они погашаются первоочередно по отношению к основному долгу. Проценты же, являющиеся мерой ответственности (договорная неустойка или проценты по ст. 395 ГК РФ), в очередности погашения следуют за основным долгом. Игнорирование указанного правила судами привело к тому, что в ситуации частичного погашения долга, погашенной оказалась договорная неустойка, а не основной долг, что привело к дальнейшему начислению неустойки на непогашенную часть основного долга.

Характерно, что в указанном примере зачет проводили суды, которые и допустили ошибки, исправленные высшей судебной инстанцией. Указанное подтверждает, что кажущаяся простота такого инструмента, как зачет, обманчива.

Еще больший интерес и частые ошибки, в том числе судебные, вызывает использование зачета без учета времени возникновения встречных обязательств, подлежащих зачету, чему и посвящена настоящая статья.

Как отмечает Е. Коновалов, указанная проблема возникла в связи с тем, что действующим законодательством не урегулирован момент прекращения обязательств в результате зачета, т. е. законодатель не обозначил в какой именно момент наступает правовой эффект сделки, именуемой «заявление о зачете» [8].

В юридической литературе, посвященной зачету, выделяются два варианта (принципа) определения момента прекращения обязательства зачетом. Принцип применения обратной силы принято именовать «ретроспективным» или «ретроактивным», в противоположность принципу перспективности (либо проспективности) – направленности исключительно на будущее время. Соответственно, ретроспективность зачета означает, что зачтенные обязательства будут считаться прекратившимися не с момента получения другой стороной заявления о зачете, а с того момента, когда обязательства могли быть зачтены [6, с. 115–117].

То есть доктрина выделяет две концепции зачета – перспективную и ретроспективную, которые по-разному работают в зависимости от времени возникновения обязательств, подлежащих зачету.

Перспективная концепция подразумевает, что зачет считается состоявшимся с момента получения второй стороной заявления о зачете, т. е. на будущий период. Ретроспективная же концепция зачета означает, что обязательства считаются прекращенными зачетом не с момента получения заявления о зачете, а с момента, в который обязательства стали способными к зачету.

На примере указанных выше цветочных компаний это означает, что если ООО «Ромашка» должна ООО «Лютик» с 01.01.2025 г., ООО «Лютик» должен ООО «Ромашка» с 01.05.2025 г., а заявление о зачете сделано 01.10.2025 г., то при перспективной концепции зачета он

считается состоявшимся 01.10.2025 г., а при ретроспективности зачета – с 01.05.2025 г., т. е. с момента, когда встречные обязательства стали существовать и могли быть зачтены.

В Российской правовой системе закрепление получила именно ретроспективная концепция зачета.

Ретроактивность есть след влияния древнеримского подхода к зачету, согласно которому «обязательства прекращаются в силу закона тогда, когда они стали зачетоспособными» [6, с. 4].

Ретроспективная концепция зачета в нашей стране сложилась исторически. В русском проекте Гражданского уложения был принят ретроспективный подход: в соответствии со ст. 155 книги пятой Проекта «для производства зачета требуется заявление о том одной стороной другой». Составители Проекта подчеркивали, что, несмотря на принятую Проектом конструкцию зачета по заявлению стороны, а не *invisem debetur ipso iure compensare*, последний принцип все равно остается в действии – зачет, совершенный по заявлению стороны, предполагается осуществившимся не с момента заявления о зачете, а с того момента, когда требования могли подлежать зачету (так называемое ретроактивное действие зачета) [7, ст. 155].

В современной российской правовой системе впервые концепция ретроспективности подтверждена в п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» [3], согласно которому обязательства считаются прекращенными зачетом с момента наступления срока исполнения того обязательства, срок исполнения которого наступил позднее.

Дальнейшее развитие данная концепция получила в п. 25 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018)», в котором отмечено, что при зачете встречных однородных требований обязательства сторон прекращаются в момент наступления срока исполнения того обязательства, срок которого наступил позднее, в том числе в случаях, когда заявление о зачете выражается в предъявлении встречного иска [4].

Окончательно указанная концепция получила свое закрепление в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» [5], в котором Верховный Суд РФ указал, что обязательства считаются прекращенными зачетом в размере наименьшего из них не с момента получения заявления о зачете соответствующей стороной, а с момента, в который обязательства стали способными к зачету (ст. 410 ГК РФ). Например, если срок исполнения активного и пассивного требований наступил до заявления о зачете, то обязательства считаются прекращенными зачетом

с момента наступления срока исполнения обязательства (или возможности досрочного исполнения пассивного обязательства), который наступил позднее, независимо от дня получения заявления о зачете.

Несмотря на однозначность позиции, вызывает удивление, что на практике, с которой в своей работе столкнулся и автор настоящей статьи, судами зачастую игнорируется указанный ретроспективный подход и они используют перспективную концепцию, фиксируя момент зачета текущей датой.

Указанную неоднозначность подходов судов подтверждает анализ судебной практики за 2018–2019 гг., подготовленный О.И. Романовой, который показал, что в практике нижестоящих судов позиция о ретроспективном характере зачета не является не только общепринятой, но даже и преобладающей. Так, О.И. Романова отмечает, что в случае прекращения обязательств путем внесудебного зачета примерно в 30 % решений суды используют ретроспективную модель. Большинство же судов, напротив, настаивают на прекращении зачитываемых обязательств в момент получения контрагентом заявления о зачете [9].

Какое же практическое значение имеет выбор той или иной концепции и почему так важно, что бы суды не допускали ошибок при проведении зачетов?

Ответ на этот вопрос также можно найти в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 6 [5], в котором ВС РФ указал, что если лицо находилось в просрочке исполнения зачитываемого обязательства, срок исполнения по которому наступил ранее, то проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) и (или) неустойка (ст. 330 ГК РФ) начисляются до момента прекращения обязательств зачетом. Если проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) и (или) неустойка (ст. 330 ГК РФ) были уплачены за период с момента, когда зачет считается состоявшимся, до момента волеизъявления о зачете, они подлежат возврату.

То есть дело в том, что с момента зачета, который состоялся в прошлом, прекращают начисляться неустойки на сумму долга, т. к. она с момента зачета уже не существует, при перспективном же зачете неустойка начисляется до даты зачета, который произошел только в момент получения второй стороной соответствующего заявления.

Для примера работы указанного принципа на практике можно привести ситуацию с нашими цветочными компаниями. Так, например, ООО «Ромашка» должно ООО «Лютик» с 01.01.2020 г. 10 млн рублей, а ООО «Лютик» с той же даты должно ООО «Ромашка» 8 млн рублей. Фактически ООО «Ромашка» должно ООО «Лютик» 2 млн рублей.

Вместе с тем, согласно условиям договора между указанными компаниями на долг, ООО «Ромашка» начисляются проценты по ст. 395

ГК РФ, а на долг ООО «Лютик» договорная неустойка в размере 0,1 % в день.

Допустим, что указанные компании судились в суде по вопросу взыскания друг с друга своих долгов и 31.12.2022 г. суд вынес решение. С учетом разного размера неустоек, которые начислялись на суммы долга, если суд проведет зачет на дату вынесения решения, то есть на 31.12.2022 г. (перспективная концепция зачета), ООО «Лютик» останется должно ООО «Ромашка» около 5 млн рублей, тогда как изначально ООО «Ромашка» должно было ему 2 млн рублей.

Если же провести зачет на дату возникновения взаимного долга (ретроспективная концепция зачета), т. е. по состоянию на 01.01.2020 г., то долг ООО «Ромашка» перед ООО «Лютик» на 31.12.2022 г. составит 2 млн рублей и начисленные на них проценты за период с 01.01.2020 г. по 31.12.2022 г. по ст. 395 ГК РФ в размере 428 298,55 рублей.

То есть, очевидно, что от даты зачета может зависеть итоговое сальдо взаиморасчетов сторон и, как следствие, исход того или иного спора.

Следовательно, правильность и единообразие применения такого инструмента прекращения обязательств, как зачет, имеет важное значение для стабильности гражданского оборота и судебной практики.

По мнению автора, для закрепления в правоприменительной практике ретроспективной концепции зачета необходимо на законодательном уровне зафиксировать момент прекращения обязательств в результате зачета моментом, в который обязательства стали способными к зачету, а не в момент получения второй стороной заявления о зачете.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.10.2025 г. № 306-ЭС22-21279 по делу № А65-24051/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 г.) (ред. от 01.06.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Бевзенко Р.С., Фахретдинов Т.Р. Зачет в гражданском праве: Опыт исследования теоретической конструкции и обобщения судебной практики. М., 2006. 172 с.

7. Гражданское уложение. Книга пятая (статьи 1–276). Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Самара, 2003. 287 с.

8. Коновалов Е.А. Верховный Суд РФ подтвердил ретроспективность зачета в России [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/08/28/verhovnyj_sud_rf_podtverdil_retrospektivnost_zacheta_v_rossii (дата обращения: 09.11.2025)

9. Романова О.И. Анализ судебной практики по вопросу момента прекращения обязательств зачетом // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 9. С. 172–188.

Об авторе:

ШТЫКОВ Дмитрий Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), eLIBRARY ID: 63620892, e-mail: Shtykov.DV@tversu.ru

Retrospective effect of setoff in Russian law

D.V. Shtykov

Tver State University, Tver

This article analyzes the challenges of law enforcement practice associated with the use of setoff as a basis for terminating obligations. Existing concepts of setoff over time are examined and their practical significance is determined using a specific example. In conclusion, the author proposes legislative changes that would help avoid the creation of an incorrect successor when using setoff.

Keywords: *setoff, retrospective setoff, prospective setoff, retroactive setoff, termination of obligations, moment of termination of an obligation by setoff, law enforcement practice.*

About author:

SHTYKOV Dmitry – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), eLIBRARY ID: 63620892, e-mail: Shtykov.DV@tversu.ru

Штыков Д.В. Ретроспективность зачета в праве Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 18–23.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.553:330.16

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.4.024

Интересы местного сообщества как конституционно-правовая ценность

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы определения интересов местного сообщества как конституционно-правовой ценности. Местное сообщество – первичный субъект местного самоуправления является выразителем своих интересов, которые призваны определять развитие местного самоуправления как формы публичной власти. Рассмотрение интересов местного сообщества как конституционно-правовой ценности осуществляется на основе анализа существующих подходов к определению содержания понятия «конституционная ценность», а также вопросов иерархической структуры таких ценностей. Доказывается необходимость характеристики интересов местного сообщества как конституционно-правовой ценности, являющейся базовой для формирования и реализации местного самоуправления как основы конституционного строя.

Ключевые слова: *местное самоуправление, интересы местного сообщества.*

В правовом регулировании и организации местного самоуправления в Российской Федерации проходит очередная серьезная реформа, которая заставляет обратиться к анализу центральных понятий данного института. Одним из основополагающих понятий, определяющих природу местного самоуправления, является понятие «интересы населения муниципального образования», или «интересы местного сообщества». Категория «интерес» была закреплена в самом определении местного самоуправления, прописанном в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [2]. Согласно ст. 1 названного акта местное самоуправление в Российской Федерации рассматривалось как форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций. В определении местного самоуправления в Федеральном законе от 20.03.2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33) [1], пришедшем на смену Федеральному

закону № 131-ФЗ, нет указания на то, что муниципальная публичная власть осуществляется, исходя из интересов населения. Однако в ст. 4 этого акта, закрепляющей принципы правового регулирования местного самоуправления, установлено, что оно должно учитывать социально-экономические, природно-климатические, территориальные и иные особенности местности, а также исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и обеспечивать решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. То есть самоорганизация граждан должна осуществляться в интересах самих граждан.

Следует обратить внимание на смену акцента законодателя в определении роли интересов населения в осуществлении местного самоуправления. Если прежний Федеральный закон № 131-ФЗ обозначал местное самоуправление как форму осуществления власти, исходящей из интересов населения, то в Федеральном законе № 33 законодатель ограничивается лишь указанием на то, что местное самоуправление призвано обеспечивать решение задач в интересах населения соответствующей территории, т. е. в интересах местного сообщества. Другими словами, законодатель призывает местное самоуправление учитывать интересы населения, но не рассматривает эту форму публичной власти как форму, реализация которой осуществляется, исходя из интересов населения. Таким образом, интересы населения из категории, лежащей в основе природы местного самоуправления, перешли в категорию, «сопутствующую» механизму осуществления местного самоуправления.

Обеспечение, охрана и защита интересов населения – задача теперь не только органов местного самоуправления, но и органов государственной власти, поскольку эти два вида органов, организационно обособленных друг от друга, согласно ст. 132 Конституции РФ, входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Конституционная формула о единстве системы публичной власти, функционирующей с целью «наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории», вызывает один вопрос: а само население может обеспечить решение задач публичной власти, источником которой оно является, в своих собственных интересах? Если обратиться к законодательному регулированию местного самоуправления, то ответом на этот вопрос будут нормы, закрепляющие значительный ряд форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. Однако это лишь формы участия его, этого населения, в решении задач местного самоуправления, формы выявления его мнения, которое в идеале должно быть учтено

органами местного самоуправления при принятии собственных решений. При этом четких правовых гарантий учета мнения населения при решении вопросов местного значения (вопросов непосредственного жизнеобеспечения населения), практически нет. Хотя, как справедливо считает Н.С. Бондарь. «само по себе местное самоуправление является диалектическим единством институтов гражданского общества, правового положения личности и организации публичной власти» [12, с. 14]. Тема соотношения гражданского общества и государства поддерживается и Г.А. Гаджиевым, который подчеркивает значение гражданского общества и государства как важнейших общечеловеческих ценностей [14, с. 18].

В этой связи есть необходимость рассмотреть категорию «интересы местного сообщества» как конституционно-правовую ценность, как основу развития местного самоуправления – элемента системы публичной власти, соотнести это понятие с такими категориями, как «публичный интерес», «государственный интерес».

Но прежде чем говорить об интересах населения муниципального образования, следуя методу последовательного анализа от общего к частному, необходимо обратиться к исследованию самого понятия «интерес». Этому посвящены были работы многих ученых. Принято считать авторами идеи «социологии интересов» Э. Дюркгейма, М. Вебера и их последователей, которые через эту категорию пытались осмыслить те социальные процессы, которые происходили в начале XX века. Анализ категории интереса шел преимущественно в контексте поиска индивидуальных механизмов формирования частных интересов личности как субъекта, осуществляющего свою деятельность в обществе, имеющем общие интересы. Согласно идеям, высказанным Вебером и Дюркгеймом историю творят рядовые люди, обладающие мотивацией, интересами, потребностями и ценностными ориентациями [15, с. 27–30]. Этот подход актуален и в наши дни, поскольку население, интересы которого определяют направление развития муниципального образования, является само субъектом, в том числе реализующим эти интересы (или, во всяком случае, обладающим установленными законом правами на обеспечение своих интересов).

Целью деятельности муниципального хозяйства является именно социальное благополучие населения, обслуживание его интересов. И здесь возникает вопрос: каковы интересы населения? Очевидно, что население неоднородно, оно имеет определенную структуру, которая изменяется в связи с развитием общества, экономическими преобразованиями, иногда в связи с геополитическими изменениями, происходящими в мире. Поэтому необходимо рассматривать интересы населения муниципального образования как совокупность интересов тех социальных групп, которые формируют это население.

Однако, если говорить об интересах населения муниципального образования как муниципального сообщества, то можно вести речь о том, что в этом случае интересы людей, к какой бы группе они не принадлежали, могут быть общими.

Обращаясь к той же социологии, можно найти характеристику интереса как осознанной потребности, а также реальной причины социальных действий. И этот тезис абсолютно прослеживается и в законодательстве о местном самоуправлении, в соответствии с которым существует достаточно широкий круг организационно-правовых форм защиты интересов населения в виде форм участия населения в осуществлении местного самоуправления.

В этой связи такая категория, как «интересы местного сообщества», может быть определена как конституционная ценность, лежащая в основе организации и функционирования местного самоуправления. При этом следует отметить, что на сегодняшний день существует множество подходов к определению понятия конституционной ценности. Н.А. Богданова рассматривает конституционные ценности как понятие или логическое обобщение, которое отражает наиболее значимые устойчивые свойства и признаки группы явлений конституционно-правовой действительности [10, с. 164]. Г.Б. Ройзман под конституционными ценностями предложил понимать «совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов» [20, с. 8]. Е.В. Ереклинцева предлагает определять конституционные ценности как совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов [16, с. 12].

Обобщая имеющиеся подходы к определению понятия «конституционные ценности», В.М. Бурла определяет их как «наиболее значимые для конкретного государственно организованного общества на определенном историческом этапе социальные ценности (цели, приоритеты, принципы организации и деятельности государства)» [13, с. 16]. Давая такое определение, указанный автор подчеркивает приоритетность конституционных ценностей.

Конституция признает и гарантирует в Российской Федерации местное самоуправление, в основе которого лежит интерес местного сообщества. При этом понятие «местное сообщество» законодательно не закреплено. Более того, федеральные законы о местном самоуправлении разных лет использовали и используют несколько терминов: «население муниципального образования», «граждане, проживающие в муниципальном образовании», «жители муниципального образования» и т. п.

В этой связи в науке муниципального права не раз давались определения понятию «местное сообщество». Так, оно иногда определяется как сообщество людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов жизнедеятельности [19, с. 14]. Либо местным сообществом называют группу людей, проживающих совместно на ограниченной территории и потому связанных общими интересами [22, с. 173]. Местное сообщество рассматривается и в качестве организованной социальной группы, обладающей набором таких признаков, как общность индивидов в группе, организационная власть, наличие цели» [8, с. 13–14]. Местному сообществу присущ и особый статус – субъект местного самоуправления, формируемый по признаку не психологической, а политико-территориальной связи, «локализованной по территориальному признаку общности в целях решения проблем жизнеобеспечения посредством демократического действия» [9, с. 3].

Используется понятие «местное сообщество» и в правовых позициях Конституционного Суда РФ. В частности, термин «местное сообщество» встречается в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 г. № 7-П; от 26.06.2014 г. № 19-П; от 01.12.2015 г. № 30-П.

Н.С. Бондарь характеризует «местное сообщество» как более точное определение по сравнению с «территориальным коллективом», и при этом отмечает, что в основе соединения жителей в местное сообщество положено «наличие у соответствующих лиц взаимных интересов, связанных с организацией жизнедеятельности по месту проживания» [11, с. 91]. Именно наличие общего интереса и является тем объединяющим фактором, который и формирует местное сообщество. Поэтому интерес местного сообщества первичен по отношению к местному самоуправлению как конституционной ценности, и в этой связи нельзя местное самоуправление рассматривать вне такой конституционной ценности, как интересы местного сообщества.

Весьма точным выражением конституционно-правового содержания местного самоуправления является его характеристика О.А. Кожевниковым, который подчеркивает, что именно от самой близкой к населению власти зависит уровень доверия населения ко всей системе публичной власти и уровень удовлетворения ее действиями для каждого жителя той или иной территории [17, с. 50]. Без учета и удовлетворения интересов населения муниципального образования нет смысла в организации и функционировании всей системы публичной власти.

В основе любого законного интереса лежит потребность. Описанием потребностей как таковых, их классификацией и установлением последовательности в их удовлетворении широко занимается управленческая наука. Разные категории потребностей формируют и разные интересы. При этом роль государства в лице его институтов (в том числе института местного самоуправления) состоит в учете

разнообразных потребностей, формировании инструментов их защиты и удовлетворения.

Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти определяет и близость общегосударственных вопросов и местных интересов. Более того, они неразрывно связаны. Интересы непосредственного жизнеобеспечения населения неразрывно связаны с общегосударственными вопросами: каждый житель муниципального образования имеет потребности, такие как качественные дороги, комфортное уличное освещение, тепло в домах, организация досуга и прочее. И в обеспечении этих потребностей, защите соответствующих интересов участвует не только муниципальное образование, но и государство в целом.

Тенденция развития законодательства о современной системе публичной власти свидетельствует о фактическом интегрировании местного самоуправления в государственное управление (об этом свидетельствуют как некоторые конституционные положения, так и положения современного законодательства об организации государственной власти субъектов Российской Федерации и местном самоуправлении). И как справедливо отмечают Е.С. Кочухова и В.С. Мартянов, органы местного самоуправления, будучи фактически встроенными в механизм государственной власти, фактически утратили роль выразителей воли местных сообществ [18, с. 53].

Такая ситуация демонстрирует, что отсутствие механизма реализации и обеспечения такой конституционной ценности, как интересы местного сообщества, ведут к выхолащиванию ценности самого института местного самоуправления.

В этой связи возникает вопрос о необходимости баланса интересов государственного уровня (всероссийских или региональных) и интересов местных, т. е. интересов каждого отдельно взятого муниципального образования, которое должно являться выразителем интересов местного сообщества. Для достижения такого баланса необходимо, наличие у местного самоуправления, во-первых, полномочий на самостоятельное решение вопросов защиты интересов жителей, а именно интересов, обусловленных потребностями непосредственного жизнеобеспечения местного населения, и, во-вторых, полномочий на участие в подготовке решений органов государственной власти, затрагивающих интересы этих жителей. Поскольку единая система публичной власти – это механизм управления в государстве, без такого взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти эта система работать не сможет.

О том, что названные интересы касаются не только муниципальных образований и их населения, свидетельствует принятие на федеральном уровне стратегических документов: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.; Стратегия

пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.; Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.; Стратегия в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 г.; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [3–7].

Таким образом, национальные проекты и стратегические документы, направленные на их реализацию, имеют целью защиту интересов населения всей страны и интересов каждого местного сообщества. Органы местного самоуправления, реализуя свою функцию организационно-правового обеспечения участия населения в осуществлении местного самоуправления, должны обеспечивать обратную связь населения муниципального образования с органами публичной власти в рамках реализации национальных проектов и стратегий.

Поскольку в основе стратегических документов лежат интересы населения, большое значение имеет вопрос о выявлении такого интереса, поиске тех форм, которые позволят объективно выявить такой интерес. В этой связи повышается значение тех форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, которые получили законодательное закрепление, а также правотворческая деятельность муниципальных образований, направленная на создание таких нормативных правовых актов, которые могли бы способствовать наилучшему порядку выявления мнения населения по вопросам непосредственного жизнеобеспечения в муниципальном образовании.

К сожалению, в Федеральном законе № 33 сократилось число форм осуществления населением местного самоуправления, а в ряде случаев сузилась возможность их применения. Так, исчезли правотворческая инициатива, голосование по отзыву депутата, обращения граждан, что сокращает возможности влияния населения на органы муниципальной публичной власти. В связи с изменением территориальной организации местного самоуправления, предлагаемой в новом Законе, проведение схода предусмотрено только по введению и использованию средств самообложения граждан и выдвижению кандидатуры старосты сельского населенного пункта. Все это приведет лишь к сокращению возможностей влияния населения на органы местного самоуправления, а, соответственно, обеспечения интересов местного сообщества.

Более того, такие действия законодателя разрушают местное сообщество. В условиях муниципального образования это местное сообщество фактически состоит из ряда иных более мелких сообществ: жители подъезда, многоквартирного дома, микрорайона, поселка и т. п. Поэтому, когда жители этих территорий, которые являются по Федеральному закону территориями действия территориального

общественного самоуправления, реализуют свои интересы, они одновременно заинтересованы и в том, чтобы были созданы благоприятные условия непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения на всей территории муниципального образования, т. е. наиболее эффективно решались вопросы местного значения.

В условиях современного развития российского государства возможно использовать новые технологии выявления территориальных, хозяйственных, экономических и финансовых интересов, объединяющих муниципальное сообщество, и с условием этого реализовать предусмотренные Федеральным законом нормы, направленные на необходимое выявление мнения населения (его интересов) при решении таких вопросов, как, например, территориальная реорганизация муниципального образования, изменение его границ, определение системы муниципальных органов и др. И с этой целью необходимо не сокращать число форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, а развивать их путем выработки наиболее оптимальных моделей правового регулирования этих форм на уровне муниципальных образований.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 16.10.2019 г. № 501 «О Стратегии в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Правительства России от 29.05.2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022 г.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Бабичев И.В., Решетников О.В. Местные сообщества как одна из основ и адресатов гражданской институциональной модернизации в современной России // Местное право. 2019. № 2. С. 3–14.
9. Баженова О.И. Местное сообщество как субъект местного самоуправления: между социальным и конституционно-правовым // Местное право. 2024. № 4. С. 3–14.
10. Богданова Н.А. Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 334 с.
11. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть. Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М., 2004. 352 с.
12. Бондарь Н.С. Обеспечение баланса власти и свободы - главная задача конституционного правосудия // Проблемы совершенствования российского законодательства. М., 2005. 93 с.
13. Бурла В.М. Конституционные ценности как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 11–26.
14. Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 16–28.
15. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, прим. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
16. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 25 с.
17. Кожевников О.А. Местное самоуправление как конституционно-правовая ценность: от истоков к современному состоянию // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4. С. 49–55.
18. Кочухова Е.С., Мартынов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // Антиномии. 2019. Т. 19, Вып. 2. С. 45–62.
19. Лапин В.А. Ценности групповых интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 14–24.
20. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 25 с.
21. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития: Монография / отв. ред. В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова. М.: Норма; Инфра-М, 2017. 447 с.
22. Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т., Лаврова Т.Г. Теории местного экономического развития: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2013. 102 с.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Interests of the local community as a constitutional and legal value

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

The article discusses the issues of defining the interests of the local community as a constitutional and legal value. The local community, the primary subject of local self-government, is the representative of its interests, which are designed to determine the development of local self-government as a form of public authority. Consideration of the interests of the local community as a constitutional and legal value is carried out on the basis of an analysis of existing approaches to defining the content of the concept of "constitutional value", issues of the hierarchical structure of such values. The necessity of characterizing the interests of the local community as a constitutional value, which is the basis for the formation and implementation of local self-government as the basis of the constitutional system, is proved.

Keywords: *local government, interests of the local community.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33,), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Интересы местного сообщества как конституционно-правовая ценность // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 24–33.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Новые меры защиты права на русский язык

И.В. Баранов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются изменения, вносимые в законодательство Российской Федерации, посвященные некоторым аспектам защиты русского языка как государственного, а также поднимается ряд актуальных проблем их правоприменения.

Ключевые слова: защита государственного языка, русский язык, актуальные проблемы правоприменения.

Президентом Российской Федерации 24.06.2025 г. был подписан Федеральный закон № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – 168-ФЗ) [3], который направлен на достижение ряда целей по защите русского языка как государственного, на снижение использования иностранных слов в публичном пространстве и на обеспечение соблюдения норм современного литературного языка. Он вступает в силу с даты своего принятия за исключением ст. 1 и 4, вступающих в силу с 01.03.2026 г.

При этом корректировке был подвергнут не Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее – 53-ФЗ) [4], в преамбуле которого защита и развитие языковой культуры указаны в качестве основных целей, а ряд других нормативно-правовых актов, на первый взгляд мало связанных с защитой национального языка: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» [9], Закон Российской Федерации от 09.10.1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [8], Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [7] и Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [5].

Фактически указанные изменения являются продолжением вектора, который был заложен главой нашего государства еще 09.11.2022 г. в указе № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором в качестве реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической

памяти» определялись задача по защите и поддержке русского языка как языка государствообразующего народа, а также обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение использования нецензурной лексики) и противодействие излишнему использованию иностранной лексики [2].

Принятие 168-ФЗ наглядно демонстрирует, что обеспечение использования государственного языка на всей территории Российской Федерации по-прежнему актуально. Это касается не только и не столько проблемы взаимодействия с государственными языками республик в составе России, а также иных народов, населяющих нашу страну, что само по себе как порождает лингвистические вопросы аутентичности текстов, так и требует разграничения статусов государственного языка и официального языка.

Так, например, с 01.03.2026 г. согласно ст. 8 закона о защите прав потребителей потребитель получит право потребовать предоставления необходимой и достоверной информации об изготовителе (исполнителе, продавце), режиме его работы и реализуемых им товарах (работах, услугах) в наглядной и доступной форме при заключении договоров купли-продажи и договоров о выполнении работ (оказании услуг) способами, принятыми в отдельных сферах обслуживания потребителей, на русском языке, а дополнительно, по усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца), на государственных языках республик и иных языках народов Российской Федерации.

В свою очередь, информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством субъектов Российской Федерации, может быть выполнена также на государственных языках республик и (или) иных языках народов Российской Федерации. При этом информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей и выполненная на государственных языках республик и (или) иных языках народов Российской Федерации, должна быть идентичной по содержанию информации, предназначенной для публичного ознакомления потребителей и выполненной на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а также равнозначной по размещению и техническому оформлению в соответствии с ч. 2 ст. 3 № 53-ФЗ.

Наиболее острой и обсуждаемой остается проблема использования иностранных языков наряду с русским, в том числе полный или частичный запрет иностранных слов. В частности, ранее нами уже поднимался вопрос об использовании русского языка и иностранных языков в средствах массовой информации, в том числе при распространении научной информации посредством издания научных журналов [10], а также некоторые конституционно-правовые и

международно-правовые аспекты статуса современного русского языка [11].

Согласно 168-ФЗ вывески и иные средства размещения информации – надписи, указатели, внешние поверхности, информационные таблички, информационные знаки, конструкции, сооружения, технические приспособления и другие носители, предназначенные для распространения информации, за исключением рекламных конструкций при осуществлении торговли, бытового и иных видов обслуживания потребителей должны быть написаны на русском языке. При этом, по усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца), информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, может быть выполнена (продублирована) также на иностранных языках. Исключением из общего правила являются только случаи использования фирменных наименований, товарных знаков, знаков обслуживания, а также другие случаи, предусмотренные федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, требованиями технических регламентов в соответствии с Федеральным законом от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [6], актами, составляющими право Евразийского экономического союза [1].

Данные нововведения затрагивают значительное количество предпринимателей и вызывают немало вопросов с точки зрения последующего правоприменения.

Первоначальная редакция закона [12], который был внесен еще в октябре 2023 г., предусматривала необходимость указания всех коммерческих наименований, за исключением фирменных названий, на русском языке, а использование латиницы предполагалось только дополнительно к кириллице. В этом случае российские компании, имеющие названия на иностранном языке, были бы обязаны продублировать свои наименования переводом на русский язык, а средства размещения информации использовать исключительно на русском языке или одновременно на русском и на латинице.

В Пояснительной записке к законопроекту указывались ссылки на ч. 2 ст. 3 53-ФЗ, согласно которой использование наряду с русским языком иных языков должно быть идентичным по содержанию, равнозначным по размещению и техническому оформлению (иметь одинаковые параметры – цвет, тип и размер шрифта) и выполняться разборчиво. При этом отмечалось, что на практике имеет место агрессивное активное использование вывесок, надписей, размещение информации о проводимых акциях, скидках и распродажах на иностранном языке. Рекламные щиты, вывески на магазинах, названия жилых комплексов и элементов планировочной структуры (в том числе наименования застраиваемых микрорайонов и кварталов) повсеместно пестрят привлекающими внимание иностранными словами. В связи с чем доведение до сведения потребителей информации о классе или виде

товара, его дополнительных потребительских свойствах и характеристиках, условиях доступности организации, проводимых стимулирующих мероприятиях, акциях, скидках, распродажах и льготах, используемом коммерческом обозначении должно осуществляться на русском языке. Таким образом, должно стать невозможным использование на вывесках и витринах таких надписей, как, например, «coffee», «fresh», «sale», «shop», «open» и т. п.

Первоначальная редакция закона вызвала большое волнение, прежде всего, среди предпринимателей, на плечи которых фактически должны были лечь все расходы на смену вывесок и иных средств размещения информации о себе, а также, при необходимости, регистрацию новых товарных знаков. Самую большую обеспокоенность высказали Ассоциация компаний розничной торговли (АКОРТ) и Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ), которые обратились с официальными письмами в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, указав, что исторически большинство сайтов в интернете пишутся латиницей, названия компаний с ними коррелируются – это позволяет четко идентифицировать компанию.

В мае 2024 г. был внесен уже измененный законопроект, в котором, в числе прочего, были следующие предложения:

– ч. 1 ст. 3 № 53-ФЗ дополнить п. 71 следующего содержания: «71) в коммерческом обозначении (за исключением фирменного наименования в составе коммерческого обозначения)»;

– закон о защите прав потребителей дополнить ст. 101, в которой указать, что информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а дополнительно, по усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца), наряду с государственным языком Российской Федерации также на государственных языках субъектов Российской Федерации, языках народов Российской Федерации и иностранных языках. При этом указанная информация должна быть идентичной по содержанию информации, предназначенной для публичного ознакомления потребителей и выполненной на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а также равнозначной по размещению и техническому оформлению в соответствии с 53-ФЗ. Вышеуказанные положения не распространяются на фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, а также на другие случаи, предусмотренные федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, требованиями технических регламентов в соответствии с Федеральным законом от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», а также актами, составляющими право Евразийского экономического союза, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей»;

– внести в ст. 5 федерального закона о рекламе изменения, дополнив ч. 72 следующего содержания: «72. Информация, содержащаяся в рекламе и выполненная на языках народов Российской Федерации либо на иностранном языке, должна быть идентичной по содержанию информации в рекламе, выполненной на государственном языке Российской Федерации, а также равнозначной по размещению и техническому оформлению в соответствии с Федеральным законом “О государственном языке Российской Федерации”, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации»;

– ст. 321 закона о средствах массовой информации дополнить ч. 8 следующего содержания: «трансляция информационных программ на общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах осуществляется на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а также на государственных языках республик и иных языках народов, проживающих на территориях субъектов Российской Федерации, в случае трансляции в эфире общероссийских обязательных общедоступных телерадиоканалов блоков региональных программ»;

– ст. 6 федерального закона о порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации дополнить ч. 4 следующего содержания: «сообщения в информационных программах государственных аудиовизуальных средств массовой информации распространяются (передаются) на русском языке как государственном языке Российской Федерации, а также на государственных языках республик и иных языках народов, проживающих на территориях субъектов Российской Федерации, в случае трансляции в государственных аудиовизуальных средствах массовой информации блоков региональных программ»;

– ст. 21 федерального закона об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации дополнить ч. 12 следующего содержания: «12. Коммерческое обозначение, индивидуализирующее объект (группу объектов) капитального строительства (в случае строительства многоквартирных домов – наименование жилого комплекса), должно быть выполнено на русском языке как государственном языке Российской Федерации»;

– изменить Градостроительный кодекс Российской Федерации, добавив, что «наименования планируемых для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения, сведения о которых указываются в положениях о территориальном планировании, должны быть выполнены на русском языке как государственном языке Российской Федерации».

Таким образом, в новой редакции законопроекта были учтены просьбы предпринимателей, и требования к наименованиям и средствам

размещения информации значительно упростились. В свою очередь, Советом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации было принято решение перенести его рассмотрение на 2025 г. В результате обсуждения и работы над проектом в нижней палате парламента в него был внесен ряд изменений. Итоговая версия была подписана Президентом России 24.06.2025 г.

В итоге, в окончательной редакции закона осталось совсем немного предложений. Если кратко описать принятый закон, то можно выделить следующие основные и, к сожалению, незначительные, на наш взгляд, нововведения, направленные на развитие непосредственно права на русский язык. Правда, пока не уточняются меры ответственности за возможные нарушения этих норм:

1. Вся информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей: вывески, витрины, указатели и т. п. – должны размещаться на русском языке. Если надпись все-таки содержит слова на иностранном языке, она должна быть переведена на русский язык и выполнена тем же шрифтом, быть того же цвета и размера, т. е. быть равнозначной по размещению и техническому оформлению. Вывески с названиями или логотипами заведений могут не выполняться на русском языке только при условии, что они подпадают под предусмотренное законом исключение в виде зарегистрированного товарного знака или фирменного наименования.

2. Наименование объекта (группы объектов) капитального строительства, наименование малоэтажного жилого комплекса – коммерческие обозначения, индивидуализирующие соответственно объект (группу объектов) капитального строительства, малоэтажный жилой комплекс, которые застройщик планирует использовать в рекламе, связанной с привлечением денежных средств участников долевого строительства, должны быть выполнены только с использованием кириллицы. То есть само название может быть и иностранное, но написано оно должно быть только на кириллице. В данном случае использование латиницы не допускается даже при условии его дублирования на русском языке.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

3. Федеральный закон от 24.06.2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 26 (часть I). Ст. 3498.

4. Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

5. Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть I). Ст. 40.

6. Федеральный закон от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СЗ РФ. 2002. № 52 (часть I). Ст. 5140.

7. Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

8. Закон Российской Федерации от 09.10.1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 46. Ст. 2615.

9. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.

10. Баранов И.В. Использование русского и иностранных языков при распространении информации посредством издания научных журналов // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: Сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели: в 4 ч. Ч. 3. Москва, 2024. С. 13–16.

11. Баранов И.В. Некоторые конституционно-правовые и международно-правовые аспекты статуса современного русского языка // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 30–35.

12. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/468229-8> (дата обращения: 10.10.2025).

Об авторе:

БАРАНОВ Иван Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2695-4324, AuthorID: 597261; e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

New measures to protect the right to the russian language

I.V. Baranov

Tver State University, Tver

The article analyzes the changes introduced into the legislation of the Russian Federation, devoted to some aspects of the protection of the Russian language as the state language, and also raises a number of urgent problems of their enforcement.

Keywords: *protection of the state language, Russian language, actual problems of law enforcement.*

About author:

BARANOV Ivan – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 2695-4324, AuthorID: 597261, e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

Баранов И.В. Новые меры защиты права на русский язык // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 34–41.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Правовое значение кадастровой стоимости земельных участков

Ю.В. Васильчук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются вопросы, связанные с исследованием правового значения кадастровой оценки и кадастровой стоимости земельных участков. Целью работы является выявление практических аспектов осуществления в Российской Федерации кадастровой оценки земель и применения результатов определения кадастровой стоимости земель.

Ключевые слова: *земельный участок, кадастровая стоимость, кадастровая оценка земель.*

С развитием земельно-имущественных отношений в Российской Федерации появилась потребность разработки нормативно-правовой базы, связанной с проведением государственной кадастровой оценки объектов недвижимости с целью определения их кадастровой стоимости.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 03.07.2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [5] (далее – ФЗ № 237), государственная кадастровая оценка – совокупность законодательно установленных процедур, направленных на определение кадастровой стоимости и осуществляемых в порядке, установленном настоящим законом. Под кадастровой стоимостью объекта недвижимости понимается полученный на определенную дату результат оценки объекта недвижимости, определяемый на основе ценообразующих факторов в соответствии с настоящим Федеральным законом и методическими указаниями о государственной кадастровой оценке.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 05.07.2016 г. № 15-П «кадастровая стоимость представляет собой не объективно существующую безусловную величину, установленную (исчисленную и проверенную) в качестве действительной цены, обязательной для любых сделок с объектами недвижимости, а, как следует из части третьей статьи 3 Федерального закона Об оценочной деятельности в Российской Федерации, их предполагаемую (условную) стоимость, установленную в ходе корректного исполнения законных процедур государственной кадастровой оценки, которая считается достоверной, пока не пересмотрена по правилам оценочной деятельности с установлением в итоге столь же законной рыночной стоимости этих объектов» [17].

Особую значимость имеет проведение кадастровой оценки и определение кадастровой стоимости в отношении таких объектов

недвижимости, как земельные участки. Согласно п. 3 ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) земельный участок как объект права собственности и иных, предусмотренных настоящим Кодексом прав на землю, является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. В случаях и в порядке, которые установлены федеральным законом, могут создаваться искусственные земельные участки [1].

Вопрос о кадастровой оценке в последнее время приобретает все большую актуальности в сфере правоприменения, т. к. действующее законодательство значительно расширяет перечень юридически значимых действий, напрямую связанных с установлением кадастровой стоимости в результате государственной кадастровой оценки земель. Следует отметить, что наряду с кадастровой стоимостью земельного участка возможно установление рыночной стоимости земельного участка, в связи с чем нередко возникает вопрос о соотношении этих двух правовых величин. В силу п. 3 ст. 66 ЗК РФ в случаях определения рыночной стоимости земельного участка кадастровая стоимость этого земельного участка устанавливается равной его рыночной стоимости в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной кадастровой оценке.

ЗК РФ в ряде случаев допускает возможность выбора между кадастровой стоимостью и рыночной оценкой земельного участка. Так, в соответствии с п. 12 ст. 39.11 ЗК РФ по выбору уполномоченного органа начальной ценой предмета аукциона по продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, является рыночная стоимость такого земельного участка или кадастровая стоимость, если результаты государственной кадастровой оценки утверждены не ранее чем за пять лет до даты принятия решения о проведении аукциона. Подобная вариативность предусмотрена и при определении начальной цены предмета аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Так можно ли считать кадастровую стоимость наиболее справедливой по сравнению с рыночной? Понятие справедливости по своему значению весьма близко к целесообразности. Как известно, целесообразность выражает соотношение между целью человека и деятельностью по объективации данной цели [14]. Поэтому с точки зрения публично-правового образования, кадастровая стоимость является величиной, отражающей наиболее вероятную стоимость земельного участка на определенный момент времени – на момент проведения государственной кадастровой оценки земель различных категорий. Следует отметить, что кадастровая оценка земель является достаточно сложной процедурой, не лишенной недостатков, несмотря на

то что, как справедливо утверждает Д.Е. Шереметьев, «к настоящему времени в России сформировался институт государственной кадастровой оценки, проводимой в соответствии с Законом о кадастровой оценке, бюджетные учреждения созданы и функционируют в каждом субъекте Российской Федерации, проведена государственная кадастровая оценка земель различных категорий и объектов капитального строительства, накоплен значительный опыт проведения подобных работ в субъектах Российской Федерации» [16]. Действительно, за последнее время в целях устранения проблем, связанных с государственной кадастровой оценкой объектов недвижимости, был разработан и принят ряд нормативных актов, включая ФЗ № 237, Методические указания о государственной кадастровой оценке, утвержденные Федеральной службой по государственной регистрации, кадастру и картографии 04.08.2021 г. [11].

Новеллой, направленной на повышение качества выполнения работ по оценке объектов недвижимости, было введение института оценщиков: в соответствии со ст. 6 ФЗ № 237 определение кадастровой стоимости осуществляется специально созданным бюджетным учреждением (в Тверской области – ГБУ «Центр кадастровой оценки»).

Действующем законодательством, в частности ФЗ № 237, предусмотрена система мер, направленных на оперативное внесение изменений и корректировку кадастровой стоимости объектов недвижимости. В частности, в соответствии со ст. 20 данного Закона, бюджетное учреждение предоставляет разъяснения, связанные с определением кадастровой стоимости, на основании обращения о предоставлении разъяснений, связанных с определением кадастровой стоимости, с которым вправе обратиться юридические и физические лица в случае, если результаты определения кадастровой стоимости затрагивают права или обязанности этих лиц, а также органы государственной власти и органы местного самоуправления. На основании ст. 21 данного Закона возможна подача заявления об исправлении ошибок, допущенных при определении кадастровой стоимости, например, при несоответствии определения кадастровой стоимости положениям методических указаний о государственной кадастровой оценке либо описки, опечатки, арифметической ошибки или иной ошибки, повлиявших на величину кадастровой стоимости одного или нескольких объектов недвижимости (табл. 1). Такое заявление подается в бюджетное учреждение или многофункциональный центр лично, регистрируемым почтовым отправлением с уведомлением о вручении или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая портал государственных и муниципальных услуг.

Таблица 1

**Статистика рассмотрения заявлений ГБУ Тверской области
«Центр кадастровой оценки» об исправлении ошибок,
допущенных при определении кадастровой стоимости¹**

Период		2023	1 квартал 2024	ИТОГО	
Количество рассмотренных заявлений	ОКС	0	5	5	
	ЗУ	106	9	115	
Количество объектов недвижимости, в отношении которых поданы заявления	ОКС	0	5	5	
	ЗУ	352	29	381	
Принято решение по результатам рассмотрения заявления (количество ОН)	о необходимости пересчета	ОКС	0	4	4
		ЗУ	230	11	241
	об отказе в пересчете	ОКС	0	1	1
		ЗУ	122	18	140

Особо следует подчеркнуть, что определение кадастровой стоимости объектов недвижимости в результате кадастровой оценки является предметом судебного контроля. В порядке административного судопроизводства осуществляется оспаривание результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости, в том числе земельных участков (гл. 25 Кодекса административного судопроизводства РФ) [4].

Безусловно, активное развитие законодательства в сфере государственной кадастровой оценки, единство методологии, создание системы специальных бюджетных учреждений по определению кадастровой стоимости, обязательность утверждения результатов государственной кадастровой оценки актом уполномоченного органа субъекта Российской Федерации, возможность оперативного исправления ошибок на основании обращений заинтересованных лиц, гарантированность оспаривания в судебном порядке – все эти меры направлены на установление справедливой кадастровой стоимости объектов недвижимости.

Вместе с тем нельзя не отметить, что государственная кадастровая оценка земель носит массовый характер, в отличие от рыночной оценки земельного участка. Более того, анализ правоприменительной, в том числе судебной, практики показывает, что кадастровая стоимость может значительно превышать рыночную оценку земельного участка. Так, административный истец обратился в Московский областной суд с административным иском о пересмотре результатов определения кадастровой стоимости в отношении двадцати одного

¹ Данные предоставлены ГБУ Тверской области «Центр кадастровой оценки».

земельного участка. В обоснование заявленных требований указано, что административный истец является собственником данных объектов недвижимости. С определенной кадастровой стоимостью административный истец не согласен и полагает, что она не соответствует рыночной стоимости, в связи с этим он просил установить кадастровую стоимость в размере, определенном в отчете об оценке. Несоответствие внесенной в Единый государственный реестр недвижимости кадастровой стоимости объектов рыночной стоимости нарушает права административного истца как плательщика налога, размер которого исчисляется в зависимости от кадастровой стоимости объектов недвижимости. В соответствии со ст. 387–391 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), ст. 65–66 ЗК РФ административный истец в отношении принадлежащих ему на праве собственности земельных участков является плательщиком земельного налога, размер которого исчисляется исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения, в связи с этим наделен правом на оспаривание кадастровой стоимости земельных участков. Разрешая административный спор, суд первой инстанции исследовал и оценил представленные доказательства, пришел к обоснованному выводу об установлении кадастровой стоимости земельных участков равной их рыночной стоимости, подтвержденной заключением судебной оценочной экспертизы, которое признал надлежащим доказательством [18].

Представляется, что существенный разрыв между рыночной стоимостью земельного участка и кадастровой имеет существенные правовые последствия. В частности, оспаривание кадастровой стоимости и признание ее равной рыночной неизбежно повлечет изменение налоговых платежей в интересах налогоплательщиков, при этом скажется на прогнозах экономического развития публичных образований, т. к. приведет к сокращению поступлений в доходную часть бюджета. С другой стороны, повышение кадастровой стоимости создает дополнительную нагрузку, в том числе на собственников, арендаторов земельных участков, снижает инвестиционный потенциал территории и препятствует развитию предпринимательства. Существенные различия между двумя этими величинами не только способствуют росту споров, связанных с оспариванием кадастровой стоимости, но и создают правовую неопределенность, подрывая доверие к процедуре государственной кадастровой оценке земель.

В действующей редакции ЗК РФ регламентирована процедура изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Устанавливая особенности определения возмещения стоимости за изъятые земельные участки, законодатель закрепил в ст. 56.8 ЗК РФ, что при определении размера возмещения в него включаются рыночная стоимость земельных участков, в то время как в предыдущих редакциях

ЗК РФ при определении размера возмещения стоимости использовалась кадастровая стоимость. Переход к определению размера выплат на основе рыночной стоимости земельного участка порождает споры о справедливости такого возмещения, т. к. собственники земельных участков в данном случае предпочли бы, что бы участки изымались у них для государственных или муниципальных нужд по кадастровой стоимости, как более высокой цене и обеспечивающей в данном случае более равноценное возмещение в связи с прекращением в принудительном порядке права собственности на земельный участок и иные объекты недвижимости не по их вине. В связи с этим многие правообладатели обращаются в суд, оспаривая сумму, подлежащую возмещению, а не решение органа публичной власти об изъятии у них земельного участка.

Следует отметить, что кадастровая оценка земель и земельных участков зависит от очень многих факторов и осуществляется в отношении земель различных категорий. В соответствии с ФЗ № 237 при определении кадастровой стоимости земельных участков обязательному рассмотрению на предмет влияния на указанную стоимость подлежат сведения о местоположении земельного участка, нахождении объекта недвижимости в границах зоны с особыми условиями использования территории, а также иные ценообразующие факторы, предусмотренные методическими указаниями о государственной кадастровой оценке. При определении кадастровой стоимости земельного участка бюджетным учреждением должны учитываться: обеспеченность (наличие либо отсутствие) инженерной и транспортной инфраструктурой (наличие инженерного и транспортного обеспечения до границ земельного участка), социальной инфраструктурой; характеристики окружающей территории земельного участка; существующий рельеф земельного участка (при наличии информации о влиянии на стоимость).

Анализ действующего законодательства позволяет определить практическую значимость государственной кадастровой оценки земель и, как следствие, определения кадастровой стоимости земельных участков, а также выделить следующие правоприменительные аспекты, раскрывающие юридическую значимость данной правовой категории.

Прежде всего, можно выделить, что согласно ст. 4 ФЗ № 237 кадастровая стоимость определяется для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе для целей налогообложения, на основе рыночной информации и иной информации, связанной с экономическими характеристиками использования объекта недвижимости, в соответствии с методическими указаниями о государственной кадастровой оценке.

Таким образом, кадастровая оценка земельного участка имеет ярко выраженную фискальную функцию, т. к. лежит в основе налогообложения земель. В соответствии со ст. 390 Налогового кодекса

РФ (далее – НК РФ) налоговая база определяется как кадастровая стоимость земельных участков, признаваемых объектом налогообложения в соответствии со ст. 389 НК РФ [2]. Налоговая база определяется в отношении каждого земельного участка как его кадастровая стоимость, внесенная в Единый государственный реестр недвижимости и подлежащая применению с 1 января года, являющегося налоговым периодом, с учетом особенностей, предусмотренных ст. 391 НК РФ. По общему правилу изменение кадастровой стоимости земельного участка в течение налогового периода не учитывается при определении налоговой базы в этом и предыдущих налоговых периодах. В случае изменения кадастровой стоимости земельного участка вследствие установления его рыночной стоимости сведения об измененной кадастровой стоимости, внесенные в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН), учитываются при определении налоговой базы, начиная с даты начала применения для целей налогообложения сведений об изменяемой кадастровой стоимости (п. 1.1 ст. 391 НК РФ).

Однако этим не исчерпывается правовое значение государственной кадастровой оценки земель и кадастровой стоимости земельных участков.

Как уже отмечалось, кадастровая стоимость необходима для определения цены при продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, для проведения аукциона по продаже земельного участка или аукциона на право заключения договора аренды земельного участка.

Кадастровая стоимость имеет важное значение при определении выкупной цены земельного участка, если земельный участок предоставляется в собственность без торгов. Так, в силу п. 3 ст. 39.4 ЗК РФ при заключении договора купли-продажи земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов цена такого земельного участка не может превышать его кадастровую стоимость или иной размер цены земельного участка, если он установлен федеральным законом.

На основе кадастровой стоимости земельных участков рассчитывается арендная плата в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности: в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16.07.2009 г. № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» арендная плата при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, определяется

исходя из принципа предельно допустимой простоты расчета арендной платы, в соответствии с которым предусматривается возможность определения арендной платы на основании кадастровой стоимости [10].

Также необходимо определение кадастровой стоимости земельных участков при установлении залоговой стоимости земельного участка. В п. 2 ст. 67 Федерального закона от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» закреплено положение, что залоговая стоимость земельного участка, передаваемого в залог по договору об ипотеке, устанавливается по соглашению залогодателя с залогодержателем. Залоговая стоимость земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения по соглашению залогодателя с залогодержателем может быть определена исходя из его кадастровой стоимости без проведения оценки рыночной стоимости такого земельного участка [9].

Особое правовое значение кадастровая стоимость имеет при решении вопроса о возможности перевода земель из одной категории в другую, в частности это касается сельскохозяйственных угодий из состава земель сельскохозяйственного назначения: в соответствии с ч. 2 ст. 7 Федерального закона № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» перевод земель сельскохозяйственных угодий или земельных участков в составе таких земель из земель сельскохозяйственного назначения, кадастровая стоимость которых на 50 % и более превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (муниципальному округу, городскому округу), и особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, указанных в п. 4 ст. 79 ЗК РФ, в другую категорию не допускается, за исключением случаев, установленных п. 3, 6–8 ч. 1 данной статьи [6].

Важную роль играет кадастровая стоимость при установлении публичного сервитута, т. к. она имеет основополагающее значение при определении платы за публичный сервитут земельного участка. Согласно п. 4–5 ст. 39.46 ЗК РФ плата за публичный сервитут в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности и не обремененного правами третьих лиц, устанавливается в размере 0,01 % кадастровой стоимости такого земельного участка за каждый год использования этого земельного участка. Плата за публичный сервитут, установленный на 3 года и более, не может быть менее чем 0,1 % кадастровой стоимости земельного участка, обремененного сервитутом, за весь срок сервитута. В случае если в отношении земельных участков и (или) земель кадастровая стоимость не определена, размер платы за публичный сервитут рассчитывается исходя из среднего уровня кадастровой стоимости земельных участков по муниципальному району (городскому округу), муниципальному образованию в составе города федерального значения.

Данные о кадастровой стоимости используются при определении размеров административных штрафов за земельные правонарушения. В качестве примера можно привести ст. 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающую ответственность за использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием. Например, для граждан это влечет наложение административного штрафа в случае, если определена кадастровая стоимость земельного участка в размере от 0,5 до 1 % кадастровой стоимости земельного участка, но не менее 10 000 рублей [3].

Вопросы определения цены земельных участков в зависимости от кадастровой стоимости при определенных юридически значимых действиях регулируются, наряду с федеральными законами, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Например, п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» устанавливает: «В случае, если на земельном участке, расположенном в границах населенного пункта (за исключением городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга) и предназначенном для ведения сельскохозяйственного производства, отсутствуют здания или сооружения и такой земельный участок предоставлен сельскохозяйственной организации или крестьянскому (фермерскому) хозяйству на праве постоянного (бессрочного) пользования или на праве пожизненного наследуемого владения, указанные лица вправе приобрести земельный участок в собственность по цене, установленной законом субъекта Российской Федерации в размере не более пятнадцати процентов его кадастровой стоимости» [8]. В соответствии с п. 2 ст. 14 Закона Тверской области «О регулировании отдельных земельных отношений в Тверской области»: «в случае, если на земельном участке, расположенном в границах населенного пункта и предназначенном для ведения сельскохозяйственного производства, отсутствуют здания или сооружения и такой земельный участок предоставлен сельскохозяйственной организации или крестьянскому (фермерскому) хозяйству на праве постоянного (бессрочного) пользования или на праве пожизненного наследуемого владения, указанные лица вправе приобрести земельный участок в собственность по цене, равной 15 процентам его кадастровой стоимости» [13].

Следует отметить, что определение выкупной цены в зависимости от кадастровой стоимости может иметь социально значимые цели, в том числе связанные со стимулированием соблюдения действующего законодательства, необходимостью поощрения отдельных видов деятельности. Так, в соответствии с п. 2 ст. 15 Закона Тверской области «О регулировании отдельных земельных отношений в Тверской

области» продажа без проведения торгов земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, предназначенных для ведения сельскохозяйственного производства и переданных в аренду гражданину или юридическому лицу, этому гражданину или этому юридическому лицу по истечении 3 лет с момента заключения договора аренды с этим гражданином или этим юридическим лицом либо передачи прав и обязанностей по договору аренды земельного участка этому гражданину или этому юридическому лицу при условии отсутствия у уполномоченного органа информации о выявленных в рамках федерального государственного земельного контроля (надзора) и неустраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка в случае, если этим гражданином или этим юридическим лицом заявление о заключении договора купли-продажи такого земельного участка без проведения торгов подано до дня истечения срока указанного договора аренды земельного участка, осуществляется по цене, равной кадастровой стоимости земельного участка, в случае, если предоставленный в аренду земельный участок приобретен в государственную собственность Тверской области в соответствии со ст. 6 и 8 Федерального закона от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [7], в иных случаях – по цене, равной 20 % кадастровой стоимости земельного участка.

Также следует отметить, что при наличии определенных оснований кадастровая стоимость отдельного земельного участка может измениться в индивидуальном порядке вне зависимости от процедуры государственной кадастровой оценки земель. Так, изменение категории земельного участка или вида разрешенного использования повлияет на кадастровую стоимость земельного участка и, как следствие, на размер земельного налога, например.

Ставка по налогу устанавливается исходя из категории земель и (или) вида разрешенного использования земельного участка, учтенных при определении кадастровой стоимости. Изменение кадастровой стоимости, произошедшее в текущем налоговом периоде в результате перевода земель из одной категории в другую или изменения вида разрешенного использования земельного участка, может быть учтено только со следующего налогового периода. При исчислении налога за конкретный налоговый период применяется налоговая ставка с учетом кадастровой стоимости исходя из категории земель и (или) вида разрешенного использования земельного участка, установленных на 1 января налогового периода [12].

Как указал суд, признавая позицию инспекции Федеральной налоговой службы правомерной, увеличение кадастровой стоимости обусловлено тем, что в ЕГРН были внесены сведения об изменении в части вида разрешенного использования спорного земельного участка, а

не тем, что были утверждены новые результаты оценки или допущена ошибка определения кадастровой стоимости. Кадастровая стоимость объекта, у которого изменен вид разрешенного использования на вид использования, который приводит к максимизации его кадастровой стоимости, не может быть равной кадастровой стоимости, определенной на день постановки спорного участка, с иным видом разрешенного использования на кадастровый учет [15].

Следует особо подчеркнуть возможность оспаривания в судебном порядке кадастровой стоимости земельных участков, что также влечет определенные правовые последствия, т. к. в результате такого оспаривания суд может признать кадастровую стоимость земельного участка завышенной и снизить ее, как следствие – уменьшится размер земельного налога, арендной платы, а для лиц, имеющих право на выкуп земельных участков, – размер выкупной цены и других платежей.

Таким образом, кадастровая стоимость земельного участка имеет не только исключительно фискальное значение, но и играет социально значимую функцию как правовой способ стимулирования и поддержки определенных видов деятельности, в том числе в сфере сельского хозяйства и агропромышленного комплекса. Важной проблемой является поддержание определенного баланса между кадастровой стоимостью и рыночной. Возможность судебного оспаривания результатов кадастровой стоимости, действий или бездействий является достаточно эффективной и востребованной, о чем свидетельствует количество удовлетворенных исков, и одновременно показывает, что процедура определения кадастровой стоимости имеет недостатки и не позволяет в полной мере учесть характеристики земельного участка.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 237-ФЗ (ред. от 23.07.2025 г.) «О государственной кадастровой оценке» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 21.12.2004 г. № 172-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 26.12.2024 г.) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 г. № 582 (ред. от 22.06.2024 г.) «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Приказ Росреестра от 04.08.2021 г. № П/0336 «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2025).

12. Письмо ФНС России от 19.04.2017 г. № БС-4-21/7402@ «О расчете земельного налога в случае изменения категории земель и (или) вида разрешенного использования земельного участка» (вместе с Письмом Минфина России от 14.04.2017 г. № 03-05-04-02/22593) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Закон Тверской области от 09.04.2008 г. № 49-ЗО (ред. от 21.12.2024 г.) «О регулировании отдельных земельных отношений в Тверской области» (принят Законодательным Собранием Тверской области 27.03.2008 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Булгаков В.В., Тетушкина М.Е. Кадастровая оценка земельных участков // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2–6. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28790162> (дата обращения: 10.11.2025).

15. Кадастровая стоимость при изменении вида разрешенного использования // Подборка судебных решений [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kadastrrovaya_stoimost_pri_izmenenii_vida_gazreshennogo_ispolzovaniya/ (дата обращения: 10.11.2025).

16. Шереметьев Д.Е. Кадастровая оценка: нововведения и перспективы // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 1 (232). С. 20–26.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2016 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 24.18 Федерального закона "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" в связи с жалобой администрации муниципального образования города Братска» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 25.06.2024 по делу № 66а-1535/2024 (УИД 50OS0000-01-2023-000017-02) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2840-5509; e-mail: Vasilchuk.YV@tversu.ru

The legal significance of the cadastral value of land plots

Yu.V. Vasilchuk

Tver State University, Tver

This article examines issues related to the legal significance of cadastral valuation and the cadastral value of land plots. The aim of the study is to identify practical aspects of land cadastral valuation in the Russian Federation and the application of cadastral valuation results.

Keywords: *land plot, cadastral value, cadastral valuation of land.*

About author:

VASILCHUK Yulia – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activity of the Tver State University (Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 2840-5509; e-mail: Vasilchuk.YV@tversu.ru

Васильчук Ю.В. Правовое значение кадастровой стоимости земельных участков // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 42–54.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Направления совершенствования таможенного законодательства

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с правовым регулированием сферы таможенного дела. Предметом исследования выступают нормы таможенного права. Целью исследования является установление пробелов в правовом регулировании сферы таможенного дела с учетом последних изменений таможенного законодательства, разработка предложений по совершенствованию правовых норм, регламентирующих сферу таможенного дела. Необходимо исключить фрагментарность таможенного регулирования, обеспечить единообразное толкование и применение норм таможенного права, использование цифровых и информационных технологий в правовом регулировании деятельности таможенных органов.

Ключевые слова: таможенное законодательство, таможенное регулирование, фрагментарность правового регулирования, нормы таможенного права.

Президентом Российской Федерации 24.10.2025 г., после состоявшейся встречи с руководителем Федеральной таможенной службы Российской Федерации, издан Указ № 778 «Об особенностях регулирования на российско-казахстанском участке государственной границы Российской Федерации» [5], регламентирующий отдельные требования к маркировке товаров, перемещаемых из Киргизии и Казахстана на территорию Российской Федерации. Действие положений Указа ограничено коротким периодом и заканчивается в декабре 2025 г. Может ли детальное регулирование таможенных правоотношений на уровне Указов Президента РФ, иных подзаконных актов свидетельствовать о наличии признаков фрагментарности правового регулирования в таможенной сфере, его отрывочности, раздробленности или это проявление особенностей таможенного регулирования?

Таможенное регулирование носит многоуровневый и межотраслевой характер. Таможенное регулирование как установление таможенных правил, в соответствии с Конституцией РФ [1], осуществляется на федеральном уровне. Законы, регламентирующие сферу таможенного дела, подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации Федерального Собрания РФ. Положения ст. 74 Конституции РФ содержат требования обеспечения свободы перемещения товаров и предусматривают возможность введения

запретов и ограничений исключительно посредством принятия федеральных законов.

Следующим по юридической силе нормативным правовым актом в таможенной сфере является Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [2], действие норм которого охватывает таможенную территорию пяти государств, входящих в состав Евразийского экономического союза. Нормы ТК ЕАЭС подлежат корректировке с целью устранения как технических ошибок, например обозначение частей ст. 311 ТК ЕАЭС не соответствует их обозначению в других статьях кодекса, так и ошибочных правовых формулировок, например упомянутую в ст. 323 возможность применения к юридическим лицам такой формы таможенного контроля, как получение объяснений. Однако в целом совершенствование этого источника таможенного законодательства осуществляется на достаточно высоком уровне с учетом экономических, социальных и правовых реалий. С 2024 г. в ТК ЕАЭС действуют нормы, регулирующие осуществление электронной торговли, деятельность оператора электронной торговли и совершение таможенных операций с товарами электронной торговли. Ранее были внесены дополнения, уточняющие статус уполномоченного экономического оператора. Наличие в ТК ЕАЭС отсылочных норм позволяет избежать противоречий с положениями национального законодательства, например о сроках таможенного контроля после выпуска товаров, о временном периодическом таможенном декларировании.

Между тем нормы иных органических законов Российской Федерации, регулирующих сферу таможенного дела, изменяются весьма интенсивно. Многочисленные изменения и дополнения внесены в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3]. Следует отметить, что нормы гл. 16 КоАП РФ об ответственности за нарушения таможенных правил достаточно стабильны. Однако нормы других глав этого кодекса, имеющие отношение к таможенному регулированию, часто изменяются и дополняются. Примером может служить вступившие в силу в октябре 2025 г. положения Федерального закона от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 27.10.2025 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289) о дополнении ст. 32.4 КоАП РФ ч. 6 о реализации конфискованных товаров и продукции, в отношении которых законодательством Российской Федерации установлены требования по маркировке и нанесению информации. Существенные изменения были внесены в ст. 23.8, в соответствии с которой таможенные органы наделены процессуальными функциями, связанными с рассмотрением дел о совершении административных правонарушений, предусмотренных диспозициями ряда статей глав 11, 12, 16, 19 и 20

КоАП РФ. Меняются нормы уголовного законодательства об ответственности за преступления в таможенной сфере. В 2024 г. в соответствии с ФЗ № 289 утратила силу ст. 200.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4] о контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий. Следует отметить, что актуальная проблема уголовной ответственности за контрабанду алкогольной продукции и табачных изделий была решена не на уровне федерального законодательства, а на совершенно ином уровне правового регулирования. В Перечень стратегически важных товаров внесены изменения, в соответствии с которыми алкогольная продукция и табачная продукция являются стратегически важными товарами. С учетом установленного этим постановлением для алкогольной и табачной продукции крупного размера, превышающего 100 тыс. рублей, можно констатировать возможность квалификации незаконного перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза и государственную границу Российской Федерации стратегически важных товаров – алкогольной продукции и табачных изделий в крупном размере по ст. 226.1 УК РФ.

Федеральное законодательство, регламентирующее таможенную сферу, практически всегда сопровождается изданием подзаконных нормативных актов в качестве приложений к законам. К ним относится, например, необходимое для квалификации деяний по признакам преступлений, предусмотренных ст. 226.1 УК РФ, Постановление Правительства РФ от 29.12.2007 г. № 964 (ред. от 01.11.2025 г.) «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» [10].

Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах» [7] реализуется таможенными органами при выявлении их незаконного трансграничного перемещения на основании утвержденных Постановлением Правительства РФ перечней наркотических средств, психотропных веществ. Экспертные исследования, подтверждающие принадлежность выявленных веществ к указанным в перечнях, являются доказательствами совершения деяния, предусмотренного диспозицией ст. 229.1 УК РФ. Привлечение лица к уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей, а также за невозвращение культурных ценностей, осуществляется с учетом положений Закона РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 04.08.2023 г.) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [9] и утвержденным подзаконным нормативным актом – Перечнем культурных ценностей, подпадающих под действие этого закона. Предмет незаконного ввоза и вывоза товаров двойного назначения определен Федеральным законом от 18.07.1999 г. № 183-ФЗ

(ред. от 26.03.2022 г.) «Об экспортном контроле» [8] и утвержденными Правительством РФ шестью списками подлежащих экспортному контролю товаров. Деятельность, направленная на обеспечение соблюдения таможенных правил как результата таможенного регулирования (таможенное дело), осуществляется таможенными органами. Следует отметить, что правовой статус таможенных органов определяется положениями ТК ЕАЭС, ФЗ № 289 и иными нормативными правовыми актами. Нормы ТК ЕАЭС не содержат определения термина «таможенные органы». Предпринята попытка определения содержания деятельности таможенных органов посредством перечисления возложенных на них задач. Задача по обеспечению исполнения таможенного законодательства обозначена, но находится лишь на третьем месте после задачи по обеспечению национальной безопасности государств, входящих в Союз, и задачи по созданию условий ускорения и упрощения трансграничного перемещения товаров. Помимо стоящих перед таможенными органами задач, перечислены функции таможенных органов. Ни одна из восьми функций не содержит прямого указания на необходимость обеспечения таможенными органами соблюдения таможенных правил. Однако вполне очевидно, что реализация именно этого, не обозначенного в тексте закона условия, гарантирует реальное выполнение таможенными органами возложенных на них функций. На национальном уровне таможенное регулирование осуществляется, прежде всего, нормами ФЗ № 289 [6]. Представляют интерес формулировки закона, касающиеся определения таможенных органов и структуры, в которую таможенные органы входят в качестве составной части либо непосредственно ей подчинены. В соответствии с нормами гл. 45 этого закона, систему таможенных органов возглавляет осуществляющий контроль и надзор в области таможенного дела федеральный орган исполнительной власти. Такое определение содержит некоторые неточности. Таможенное дело как таковое – обеспечение соблюдения таможенных правил, выработанных посредством таможенного регулирования. Обеспечение исполнения таможенных правил возложено на таможенные органы. Именно таможенные органы, реализуя контрольные функции, осуществляют деятельность, именуемую таможенным делом. Вызывает сомнение уместность употребления в контексте деятельности таможенных органов термина «надзор». Таможенные органы не являются надзорными. На них возложены обязанности по осуществлению таможенного и иных видов государственного контроля. В настоящее время контроль исполнения таможенного законодательства осуществляет Федеральная таможенная служба России (далее – ФТС РФ). Федеральным законом о таможенном регулировании определен также орган исполнительной власти, вырабатывающий на федеральном уровне государственную политику и правовое регулирование в

таможенной сфере. Эти задачи выполняет Министерство финансов Российской Федерации. Ранее таможенные органы были подчинены Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации, затем – Правительству Российской Федерации. Представляется необходимым совершенствование таможенного регулирования на национальном уровне, приведение его в соответствие с действующими положениями ТК ЕАЭС. С этой целью следует внести дополнения в текст Федерального закона о таможенном регулировании в Российской Федерации. В первом разделе определить понятия электронной торговли, товаров электронной торговли, предназначенных для реализации физическим лицам, и товаров электронной торговли, приобретенных физическими лицами. В пятом разделе обозначить особенности трансграничного перемещения товаров электронной торговли, совершения с ними таможенных операций, а также регламентировать операции по временному хранению и таможенному декларированию товаров электронной торговли. Необходимо определить порядок помещения таких товаров под таможенную процедуру таможенного склада и условия нахождения их под данной таможенной процедурой. Необходимо также регулирование возникновения и прекращения обязанностей по уплате ввозных таможенных пошлин и налогов, антидемпинговых, специальных и компенсационных платежей операторами электронной торговли и применение таможенных платежей при приобретении товаров электронной торговли физическими лицами. Восьмой раздел должен быть дополнен нормами о деятельности оператора электронной торговли, квалификационными требованиями к работникам этого лица, осуществляющего деятельность в сфере таможенного дела. Следует указать условия включения оператора электронной торговли в соответствующий реестр Федеральной таможенной службы ФТС РФ, а также обязанности и ответственность оператора электронной торговли.

Совершенствование таможенного регулирования находится в прямой зависимости от перспектив развития таможенных органов, их правовой базы. Безусловным требованием, предъявляемым к деятельности таможенных органов, должностных лиц, осуществляющих фискальную и правоохранительную деятельность, является повышение уровня законности. Обеспечение законности деятельности должностных лиц, применяющих нормы права, контролирующих соблюдение таможенных правил, в немалой степени зависит от качества таможенного регулирования. Так, принятое на законодательном уровне решение о декларировании товаров исключительно в электронной форме существенно повысило законность действий в сфере таможенного дела, исключив личные (возможно коррупционные) контакты декларантов и должностных лиц. Повышению уровня законности и обоснованности решений таможенных органов способствуют нормативные правовые

акты, в соответствии с которыми таможенный контроль осуществляется не до выпуска товаров, а после их выпуска, связанного с помещением под таможенную процедуру, в период до трех лет (совпадает со сроком исковой давности) после выпуска товаров. Повышению уровня законности и обоснованности таможенного контроля способствует установленная нормативными правовыми актами система управления таможенными рисками. Детальное правовое регулирование ее организации, применения и оценки результатов во многом обеспечивает объективность, своевременность и результативность предупреждения, выявления и пресечения противоправных деяний в таможенной сфере. В настоящее время наблюдается значительное количество предъявляемых к таможенным органам судебных исков. Возникновение таких исков связано с негативным отношением участников внешнеэкономической деятельности к возможностям разрешения споров в административном, досудебном порядке. Высокий уровень подготовки нормативных правовых документов в таможенных органах, использование при этом аналитических и информационных систем приведет к укреплению доверия к урегулированию спорных вопросов в досудебном административном порядке.

На этом уровне таможенного регулирования необходимо обеспечить должное правовое обеспечение новых направлений деятельности таможенных органов как фискального, так и правоохранительного характера.

Этими направлениями являются использование искусственного интеллекта при осуществлении таможенных операций и помещении товаров под таможенные процедуры, намеченное на ближайшее время использование беспилотного транспорта при перемещении товаров, использование навигационных пломб при перемещении товаров наземными видами транспорта. Необходимы нормативные акты, регулирующие использование цифровых платформ при осуществлении фискальной функции таможенных органов и трансформацию технологий взыскания таможенных платежей, функционирования системы сквозного контроля и системы отслеживания товаров от места ввоза до точки доставки. Важным является создание и совершенствование нормативно-правовой базы таможенного аудита и таможенного мониторинга.

Проблема таможенного регулирования существует, но состоит она не во фрагментарности, а в необходимости единообразного толкования и применения норм права участниками таможенных правоотношений, что должно привести к снижению уровня конфликтности в этой сфере. Свидетельством существования этой проблемы является значительное количество споров между участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами, разрешаемых арбитражными судами. Решение проблемы состоит в совершенствовании правовых норм Евразийского экономического союза и законодательства Российской

Федерации в таможенной сфере. Кроме того, требуются существенные изменения в правовом регулировании деятельности таможенных органов, предусматривающие дальнейшее использование цифровых и информационных технологий с учетом цифровой трансформации всей системы государственного управления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 24.10.2025 г. № 778 «Об особенностях регулирования на российско-казахстанском участке государственной границы Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральным законом от 18.07.1999 г. № 183-ФЗ (ред. от 26.03.2022 г.) «Об экспортном контроле» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 04.08.2023 г.) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Правительства РФ от 29.12.2007 г. № 964 (ред. от 01.11.2025 г.) «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 7021-8090, e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Directions for improving customs legislation

A.B. Voblikov

Tver State University, Tver

The object of research is the social relations arising in connection with the legal regulation of customs affairs. The subject of research is the norms of customs law. The aim of the research is to identify gaps in the legal regulation of customs affairs, taking into account the latest changes in customs legislation, and to develop proposals for improving the legal norms regulating customs affairs. It is necessary to eliminate the fragmentation of customs regulation, ensure uniform interpretation and application of customs law norms, and utilize digital and information technologies in the legal regulation of customs authorities' activities.

Keywords: *customs legislation, customs regulation, fragmentation of legal regulation, norms of customs law.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – PhD of philosophy, associate Professor, Department of constitutional, administrative and customs law, Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 7021-8090, e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Вобликов А.Б. Направления совершенствования таможенного законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 55–62.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Проблемы и перспективы повышения эффективности комплексного обеспечения конституционного права на жилище в Российской Федерации¹

В.И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обосновывается суммарная несостоятельность «точечных» формально-аналитических исследований проблем эффективности правового регулирования общественных отношений в сфере жилищно-коммунальных отношений в Российской Федерации. Причиной этого, по мнению автора, является позитивистская методология большинства таких разработок в сочетании с известной неопределенностью в отношении необходимой конкретизации предметной сферы комплексного «жилищного» законодательства. Юридический позитивизм по своей сути не готов к ответам на вопросы, которые обусловлены, в том числе, спецификой материального инфраструктурного наследия советского периода и проявляются в издержках коммунальных монополий. Представленное в публикации обобщение широкого круга профильных работ специалистов и высказанных ими предложений подтверждает, как полагает автор, необходимость научной разработки и последующего законодательного восприятия институционально целостной модели сопряжения конституционных прав, свобод и обязанностей человека, гражданских общностей и государства. Такая установка вытекает из непосредственно конституционных установлений и актуальных актов конституционализации права.

Ключевые слова: *юридический позитивизм, конституционное правопонимание, конституционное право на жилище, жилищное законодательство, конституционные обязанности государства.*

Во многом уникальный и комплексный характер легитимно признанного в Российской Федерации конституционного права на жилище (ч. 1 и 2 ст. 40 Конституции РФ) предопределяет проблемы его надлежащего гарантирования и правосудного обеспечения. Многообразны и научно-юридические рекомендации решения этих проблем, при том что эффективность таких попыток влияния, а равно и самих результатов профильной законотворческой политики и практики, трудно признать убедительной. С одной стороны, государство, в лице уполномоченных к законотворческой (в широком смысле) деятельности органов всех уровней публичной власти, вполне адекватно, казалось бы, видит кризисные точки в жилищной сфере и предпринимает шаги,

¹ Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

необходимые, по его мнению, для исправления социально-опасных настроений. Тем более что иной вариант реагирования, с учетом определенного правового и социального статуса российского государства (ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), фактически исключается – как количеством официальных публично-значимых обращений граждан, претендующих на достойные жилищные условия и услуги, так и аналогичной, по сути, тональностью масштабных сетевых дискуссий. С другой стороны, «ответная реакция» жилищно-коммунальной среды на соответствующие («благонамеренные») публично-властные решения и действия невольно отсылает к мифологическому образу лернейской гидры, у которой на месте каждой отрубленной головы вырастали две новые. В этой связи нам представляется целесообразным отказ от реактивной тактики «аварийного ремонта» формальных конструкций нормативного регулирования жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) в пользу разработки институционально целостной («изоморфной») модели сопряжения конституционных прав, свобод и обязанностей человека, гражданских общностей и государства, вытекающих (посредством техник конкретизации и актуализации) как непосредственно из положений ст. 40 Конституции РФ, так и из архитектоники конституционного текста в целом. В плане первого приближения к решению намеченной задачи мы хотим обратить внимание на принципиальную несостоятельность того методологического настроя, который специалистам в области ЖКХ (включая не только юристов, но и представителей экономических [11], инженерно-технических, социальных дисциплин) видится собственно научным, а законодателю, разбирающему и «сортирующему» их предложения, – единственно правильным (во многом ввиду отсутствия артикуляции различия права и закона).

Не секрет, что обозначенный выше подход называется позитивизмом, но не всегда обращают внимание на то, как уверенно его представители характеризуют применение законодательных положений – правоприменением, конституционные права человека и обязанности государства – субъективными правами и обязанностями, а критерии эффективности «правового» (априори) регулирования сводят к показателям экономическим и/или финансовым. Противостоять такого рода двусмысленности и редукции, а следовательно и деструктивной фрагментации жилищного законодательства и практики его применения, призвано конституционное правопонимание [19], хотя бы и не предложившее пока развернутых институциональных обобщений. Тем более, когда соответствующий подход скорее декларируется и «сквозной» конституционный алгоритм подменяется элементарной (и уже широко распространенной) институциональной экспликацией доктринально-нормативных положений, включая правовые позиции,

вырабатываемые Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) [5, 20]. Научно-теоретическое обращение к наработкам высшего органа российской конституционной юстиции не может носить форму «повторения пройденного» или притязать на равнозначную авторскую интерпретацию услышанного, но, несомненно, должно иметь своими задачами поиск «дополнительных» аргументов утвержденной юридической истины и – полагаем, главное – актуальное противодействие стремлению и попыткам дискредитации этой истины как ее прямого или косвенного «опровержения».

Юридический позитивизм отнюдь не подобострастен титулу закона и не чурается полемического и/или критического настроя по отношению к ранее принятым законодательным решениям, опираясь в утверждении собственной правоты на некую «индивидуальную» догму. И здесь еще нет ничего предосудительного. Проблема в том, что ровно также реагирует он на установления и доводы совершенно иного – конституционного – качества, и готов, скорее, смириться с казусом «эпистемологического анархизма», чем с научно-юридическим требованием подчинения легитимной (конституционно ранжированной) истине.

Наглядным примером «позитивистского диссонанса» может служить полемика вокруг законодательно определенной обязанности собственников помещений многоквартирных домов (далее – МКД) платить взносы в фонд капитального ремонта (далее – ФКР), которая затем была содержательно конкретизирована в статусе уже конституционной фискально-экономической обязанности в Российской Федерации [2]. Позитивистский настрой не помешал критикам уравнивать законодателя и субъекта конституционализации в качестве лиц, чуждых идеалам равенства и социальной справедливости, причем сделано это было в стилистике «конституционного компаративизма», но с элементами политической (популистской) риторики. В противовес этому «выводу» мы постарались привести дополнительные доводы в пользу инновационного доктринально-нормативного обоснования Конституционным Судом РФ солидарной природы столь необычной (для отраслевой позитивистской догматики) и актуальной обязанности, от выполнения которой непосредственно зависит и возможность обеспечения права на жилище, а также обобщить конкретизированные и перспективные способы противодействия злоупотреблениям правом, связанным с выполнением этой обязанности [14, с. 14–19].. В комплексном институциональном формате (причем вновь вопреки позитивистской традиции конструирования), полнота конституционного установления раскрывается здесь как через выход фискального обременения за рамки сообщества МКД, так и через содержание другой (корреспондирующей) публично-властной конституционной обязанности государства: осуществлять правовое регулирование порядка

организации проведения капитального ремонта МКД на федеральном и региональном (законы субъектов РФ), а также – при наличии соответствующих конкретизаций – на муниципальном уровнях, и «озаботиться источниками» средств, объективно необходимых для несения солидарного экономического бремени. Последнее положение качественно отличается от демагогического вменения государству обязанности формирования ФКР за счет «своих» средств, с чем в итоге был связан и конституционно обоснованный отказ от модели Фонда содействия реформированию ЖКХ в беспрецедентных реалиях «унаследованной» от советской эпохи архаичной урбанистической среды [16, с. 45].

Конституционное правопонимание открыто признает, что эффективно обеспечить достойный человека уровень жизни – в смысле наличия, владения и пользования своим или предоставленным ему жилищем – механизм конституционализации права не может. Решающее значение в этом отношении имеет конституционно ответственная государственная политика, воплощенная, в том числе, в деятельных – законодательных и правоприменительных – формах и актах. В этой связи сохраняет юридическое значение выработанная Конституционным Судом РФ «дорожная карта» модернизации правового регулирования осуществления капитального ремонта МКД [1]. При этом в литературе нередко критически оценивается позиция федерального законодателя, которому надлежало установить правовой механизм обеспечения непрерывности исполнения соответствующих обязательств, в том числе в случае прекращения деятельности конкретного регионального оператора.

Действительно, объективная трудность адекватного юридико-технического переложения мер, сформулированных Конституционным Судом РФ, не должна была сказаться на содержании региональных программ капитального ремонта и критериях оценки состояния МКД. Действующий федеральный закон, принятый в контексте реализации упомянутой выше «дорожной карты», критиковался уже на стадии законопроекта, а затем и в связи с изменениями и дополнениями. Отмечалась, в частности, избыточность структурно обособленных новелл положений ч. 5.1 ст. 173 Жилищного кодекса РФ. Однако в том же законе находят положительные стороны, касающиеся, например, прояснения статусов ФКР как некоммерческих организаций, но не публично-властных органов, осуществляющих функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере ЖКХ [22]. Специалистами приветствуются и такие детализации, как легальное закрепление права собственников МКД определять в ходе совместных собраний способы аккумулирования средств на капитальный ремонт и лиц, на которых будет оформлен соответствующий специальный счет, а также решать вопрос о

максимальном пороге стоимости работ по капитальному ремонту и определять лицо, которому будут вверяться функции подписания акта приемки; включение в капитальный ремонт нежилых помещений, расположенных на первых этажах МКД; дополнение перечня зданий, которые подлежат внеочередному капитальному ремонту в рамках формируемых краткосрочных планов (в частности, это МКД, которые пострадали вследствие аварийных происшествий или чрезвычайных ситуаций), и др. [7]. Тем более что усилия в обозначенном направлении предполагается последовательно наращивать. Планируется, в частности, внедрение реестров протоколов собраний собственников МКД по вопросам капитального ремонта [12, с. 88].

В целом же, несмотря на ряд номинально-актуальных нововведений и очевидную их связь с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, принятие упомянутого федерального закона не способствовало, по мнению большинства авторов, повышению эффективности сохранения жилищного фонда в Российской Федерации посредством его надлежащей эксплуатации и оперативного восстановления. Ряд вопросов остались неразрешенными. Например, о сроках проведения капитального ремонта МКД и причинах их необоснованного переноса и неудовлетворительного качества работ [17, с. 65], что очевидно согласуется, в числе прочего, с конституционно-теоретическим представлением об ограниченном характере ресурсов законодательного противодействия злоупотреблениям правом и экономической преступности. Однако комментируя причины столь неудовлетворительных достижений, специалисты говорят преимущественно о тенденции снижения собираемости денежных средств и фокусируют внимание на повышении социально-экономической ответственности граждан, а по сути – на целесообразности полного переложения на них бремени солидарной ответственности за сохранение жилищного фонда. Уместным и оправданным находят, к примеру, постепенное, в контексте перманентной инфляции, увеличение ежемесячных взносов граждан (собственников) на капитальный ремонт МКД [21, с. 10]. Отрадно, что предлагают подобные решения все-таки не конституционалисты и даже не юристы.

Другие исследователи, напротив, приводят статистические данные, фактически опровергающие подобные приведенным выше утверждения социальной нелояльности россиян. Более красноречивыми находят они официальные показатели роста числа уголовных дел, касающихся случаев хищений средств при проведении капитальных ремонтов, фактов противоправной деятельности руководителей региональных операторов и подрядчиков, а равно их уполномоченных контрагентов в лице управляющих организаций [13, с. 58]. В этой связи справедливо признается, что на деле именно строгое соблюдение целевого

использования средств и прозрачность финансовых операций в сфере ЖКХ критически важны для стабильности работы управляющих компаний и защиты прав собственников помещений [18].

Конституционное правопонимание согласно с тем, что проблема эффективности правового регулирования в сфере ЖКХ во многом связана с девиациями общественного и индивидуального правосознания, а значит и с необходимым повышением его качества, со стимулированием роста правовой активности и ответственности граждан (жителей, собственников жилья, пользователей коммунальными услугами и т. д.). Очевидно правы и те авторы, которые открыто признают трудности социальной эволюции в данном отношении по вектору конституционно-ответственного правопользования. Отмечается, например, что даже усиление прав собственников жилья на заключение непосредственных контрактов на поставку коммунальных услуг напрямую от организаций-поставщиков (т. е. минуя управляющие компании) не стало действенным стимулом активной реализации таких возможностей [18].

Повсеместная социальная инерция подтверждает и ту мало обнадеживающую гипотезу, что непосредственный способ управления МКД является наиболее современным в хронологическом плане, однако и наиболее спорным с точки зрения применения на практике [10, с. 35].

Недобросовестное (неконституционное) позиционирование собственников помещений в МКД по отношению к решениям общих собраний, а значит и фактическое их пренебрежение к полноте своего конституционного права на жилище, выразительно проявляется в случаях, когда такие решения связаны с солидарными экономическими обременениями. Собственники готовы ставить вопрос о юридической ничтожности таких решений [3], однако судебная практика по этим заявлениям крайне неоднородна, что, в свою очередь, подчеркивает трудности перехода к реальному (судебному) конституционализму как залогому правопорядка.

Равным образом в сфере правосознания следует искать и коренную причину того, почему остается неэффективным механизм проведения общего собрания собственников помещений в МКД, включая формирование повестки, подсчет голосов, а также контроль за реализацией его решений [6]. Управляющие организации «научились» формировать повестку дня собраний в соответствии с формальными требованиями закона, но, как правило, без «излишней» детализации, предлагая собственникам уже готовый, единственно возможный вариант, который содержательно устраивает, прежде всего, саму организацию. Собственники, как правило, занимают пассивную позицию и соглашались с предложенным им вариантом, придавая легитимность последующим действиям управляющей организации. Даже если некоторые из них отказываются подписывать протокол собрания, он

вскоре «чудесным образом» появляется в «нужной» редакции, и оспорить такой акт в суде крайне проблематично. В этой связи в литературе ставят вопрос о необходимости и формах противодействия фальсификации результатов голосования и решений общих собраний собственников, включая меры по ограничению возможностей некорректного дистанционно-заочного воздействия третьих лиц [15]. Тем самым трудности институционального моделирования усугубляются необходимостью учета степени и последствий композиционной связи права на жилище с другими конституционными полномочиями.

Обозначенная выше ситуация коллективного равнодушия нередко усугубляется тем, что у собственников средств фонда капитального ремонта МКД отсутствует возможность влиять на распоряжение владельцем специального счета денежными средствами со счета в рамках проведения капитального ремонта. Более того, системно анализируя профильное законодательство, исследователи приходят к выводу об отсутствии необходимых рычагов воздействия на нарушителей со стороны публично-властных органов [6].

Вместе с тем специалистами заявлены методические рекомендации по расчету экономически оптимальной (справедливой) платы за содержание и ремонт МКД, при этом затрагивающие вопросы совершенствования правосудного механизма признания и защиты производных от следования таким указаниям материальных требований [4].

Помимо правосудных и правоохранительных мер, повышение эффективности правового регулирования отношений в сфере ЖКХ связывают с ресурсом обязательного страхования. Данную новацию справедливо характеризуют как конституционно обоснованную, социальную по направленности и носящую гуманистический характер. Находят, что в формально-юридическом плане процессуальные конструкции оценки результатов капитального ремонта МКД должны обеспечивать «подключение» страхового ресурса непосредственно после заявления в суд соответствующих требований [9].

Обобщая сказанное, можно заключить, что имеющее место широкое – в духе социологического позитивизма и «отраслевого» формально-аналитического подхода – согласие ученых-специалистов в критических оценках эффективности механизма правового регулирования отношений в сфере ЖКХ, сочетается преимущественно с «точечными» вариантами перспектив его усовершенствования. Искомая эффективность сводится при этом к рациональной «формуле» соотношения публично-частных издержек, расходов на сохранение, развитие и реновации жилищной инфраструктуры и ее объектов, проведение работ в области капитального ремонта и обновления МКД, коммунальных коммуникаций и сооружений, с целевым эффектом, который фокусируется на

приоритетах утилитарного благополучия и комфорта граждан и/или жителей отдельных регионов и территорий.

Конституционно-теоретический подход предполагает иное: комплексный анализ правового регулирования ЖКХ как сферы пользования конституционными правами, свободами и обязанностями человека и гражданина, имея в виду, прежде всего, конституционное право на жилище и корреспондирующие ему обязанности государства. При этом должны учитываться разнообразные факторы и следствия исторически и технологически сложившейся в России монополии коммунального хозяйства и публичного доминирования на рынке коммунальных услуг. Относительно отдельный институциональный блок составляют проблемы эффективного обеспечения конституционных прав лиц, проживающих в МКД, включая «настройки» корпоративно-солидарного взаимодействия собственников жилых помещений, частных и публичных обязанностей по капитальному ремонту, справедливой стоимости и качества коммунальных услуг, ответственности управляющих компаний, а также инновационных форм публично-частного партнерства. Постоянного внимания требуют вопросы противодействия экономическим правонарушениям и в особенности злоупотреблениям правом, для которых сфера ЖКХ является «благодатной почвой». Непрерывно «совершенствуемые» формы и практики таких неконституционных деяний чреваты причинением вреда широкому кругу лиц, подрывают коммунальную безопасность и перспективы эффективной социальной политики, влекут обосновательные бюджетные расходы в нарушение ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

В целом также важно признать, что ресурсы конституционализации объективно несоразмерны комплексу проблем, которыми отягощено так называемое жилищное законодательство. И потому, в том числе, следует максимально ответственно подходить к правоустанавливающему и ориентирующему значению продуктов, уже наработанных практикой Конституционного Суда РФ, осмысленное следование которым законодателя может содействовать повышению эффективности институционального обеспечения конституционного права на жилище.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2016 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и статью 4 Федерального закона «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О водоснабжении и водоотведении» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2018 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статей 181.4 и 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Логинова // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2016 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы // СПС «КонсультантПлюс».

4. Алексеевская Е.И. Метод расчета размера платы за содержание и ремонт общего имущества многоквартирного дома // Вестник арбитражной практики. 2019. № 4. С. 28–35.

5. Афанасьев С. Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2. С. 139–154.

6. Бажина М.А., Звездина Т.М. Собственники помещений – заложники собственного ТСЖ // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 27–30.

7. Балашов К.Г., Кравченко Н.В. Страхование капитального ремонта в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспективы // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 21–24.

8. Виноградов Т., Медников Д., Нефедова Е., Храмова Т., Иванов Л. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 121–137.

9. Данилов Д.И., Терников А.А., Рябов О.В. Страхование ответственности застройщика как коэффициент повышения надежности долевого строительства // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 372–373.

10. Канцер Ю.А. Непосредственный способ управления многоквартирным домом и ресурсоснабжение: нормативное регулирование и практика применения // Советник юриста. 2015. № 6. С. 33–36.

11. Картавый О.А. Формирование и развитие конкурентных отношений на рынке услуг по управлению многоквартирным домом: автореф. дисс. канд. эконом. наук. Москва, 2012. 28 с.

12. Кивилев В.В. Реновация жилищного фонда: восстановление эксплуатационных характеристик жилых зданий // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. № 4. С. 86–90.

13. Кожевников С.А. Особенности и проблемы формирования новой системы капитального ремонта многоквартирных домов в регионах России // Проблемы развития территории. 2018. № 12. С. 56–61.

14. Красс В.И. Конституционализация актуальной коммунальной обязанности и угрозы злоупотреблений правом // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 14–19.

15. Лаптев В.А. Право на информацию членов товарищества собственников жилья: гарантия законодателя и сущность корпоративной организации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 84–95.

16. Маслихова Е.А., Данилова С.В., Зяблицкая Н.В. Современное состояние жилищного фонда России и организация процесса его воспроизводства // Алтайский вестник Финуниверситета. 2019. № 8. С. 42–47.

17. Сильнягин Г.К. О возможности финансирования капитального ремонта многоквартирных домов за счет средств собственников жилья // Достижения науки и образования. 2019. № 12. С. 63–67.

18. Топоров Д.А. Особенности банкротства управляющих компаний: правовое регулирование и правоприменение // Хозяйство и право. 2024. № 9. С. 29–40.

19. Феоктистов П.А. Комплексная законодательная конструкция опосредования конституционного права на жилище // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 181–185.

20. Шиткина И.С., Музафаров Э.Э., Наймушина В.А., Севеева К.В. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 3–28.

21. Шрейбер С.К. Пути повышения эффективности реализации региональных программ по капитальному ремонту общего имущества многоквартирных домов // Вестник Московского информационно-технологического университета –Московского архитектурно-строительного института. 2018. № 1. С. 8–12.

22. Яни П.С. Должностное лицо или управленец в организации? // Законность. 2024. № 12. С. 36–39.

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

Problems and prospects of increasing the effectiveness of comprehensive provision of the constitutional right to housing in the Russian Federation

V.I. Kruss

Tver State University, Tver

The article substantiates the overall inconsistency of "point-based" formal analytical studies of the effectiveness of legal regulation of public relations in the field of housing and communal services in the Russian Federation. The reason for this, according to the author, is the positivist methodology of most of these developments, combined with a well-known uncertainty about the necessary specification of the subject area of complex "housing" legislation. Legal positivism is inherently not ready to answer questions that are conditioned, among other things, by the specifics of the material infrastructural legacy of the Soviet period and manifest themselves in the costs of communal monopolies. The generalization of a wide range of specialized works of specialists and their proposals presented in the publication confirms, as the author believes, the need for scientific development and subsequent legislative perception of an institutionally holistic model for combining constitutional rights, freedoms and duties, human beings, civil societies and the state. This

attitude follows directly from the constitutional provisions and relevant acts of the constitutionalization of law.

Keywords: *legal positivism, constitutional legal understanding, constitutional right to housing, housing legislation, constitutional duties of the state.*

About author:

KRUSS Vladimir – the doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. Проблемы и перспективы повышения эффективности комплексного обеспечения конституционного права на жилище в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 63–73.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Взаимодействие Центрального банка Российской Федерации с международными финансовыми и банковскими организациями с точки зрения защиты интересов Российской Федерации

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются вопросы взаимодействия Центрального банка Российской Федерации с международными финансовыми и банковскими организациями. На сегодняшний день банки пользуются различными международными площадками для презентации собственного опыта и получения доступа к международной экспертизе и опыту других центральных банков. Однако такое взаимодействие должно быть обусловлено интересами государств и соотносится с основными принципами экономической деятельности России, особенно в условиях экономических ограничений, исходящих от недружественных государств. Методами исследования являются формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход.

Ключевые слова: Банк России, Банк международных расчетов, национальная платежная система, международные финансовые и банковские институты.

На рынке банковских услуг есть финансовые институты, занимающие особое место. Такие институты называют межгосударственными банками – банками развития.

Их название – банки развития – уже само по себе указывает на кредитную помощь или обеспечение макроэкономических преобразований и роста в отдельных странах и регионах. «Целевое назначение кредитов банков развития реализация инфраструктурных инвестиционных проектов, включая не только строительство физических объектов (дорог, ирригационных сооружений, энергетических комплексов), но и создание систем государственного управления и администрирования: налогового, систем образования и здравоохранения и др. [2].

Международный банк реконструкции и развития (далее – МБРР) – это глобальная организация развития, совладельцами которой являются 189 ее государств-членов. Являясь крупнейшим банком развития в мире, вклад МБРР в реализацию миссии Группы Всемирного банка заключен в предоставлении займов, гарантий, продуктов управления рисками и консультационных услуг правительствам стран со средним уровнем дохода, а также платежеспособным странам с низким уровнем дохода.

Помимо этого, МБРР выступает координатором мер по решению целого ряда региональных и глобальных проблем [3].

Банк России участвует в капитале Банка международных расчетов. Данная международно-финансовая организация отвечает за содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчетов. 13.09.1996 г. пресс-центр Банка России сообщил, что Совет директоров Банка международных расчетов (БМР), г. Базель, принял 09.09.1996 г. решение пригласить Центральный банк Российской Федерации стать членом БМР путем подписки на акции третьего транша капитала этого банка. Вступив в Банк международных расчетов, Банк России получает возможность более широкого участия в работе его комитетов и комиссий, в рамках которых осуществляются консультации по наиболее актуальным вопросам деятельности центральных банков. Участие Банка России в деятельности Банка международных расчетов будет содействовать росту международного авторитета России [4].

Представляется, что движение России по пути интеграции в мировую рыночную экономику отражает объективную необходимость в развитии сотрудничества Центрального банка РФ с крупными финансовыми игроками в области денежно-кредитной политики, банковского надзора, совершенствования платежных систем.

Под влиянием участия России в деятельности БМР были уточнены подходы к формированию показателей брутто-объема открытых позиций по операциям с производными финансовыми инструментами внебиржевого рынка. Начиная с данных на 01.02.2020 г., в ежемесячной публикации расширен список валют, в разрезе которых рассчитываются показатели, добавлена информация по процентным опционам (включая свопционы), рассчитан брутто-объем открытых позиций в разбивке сроков до погашения как по валютным, так и по процентным деривативам [5].

С 14.10.2019 г. была уточнена методика расчета банковских капиталов, в соответствии с которой был введен дополнительный вычет из источников дополнительного капитала банков с универсальной лицензией вложений в инструменты TLAC глобальных системно значимых банков. Более того, по стандартам международных подходов было введено требование о поэтапном исключении из состава капитала банков инструментов государственной поддержки, не соответствующих методике определения собственных средств кредитных организаций с учетом требований к повышению устойчивости банковского сектора международного уровня.

Для Банка России приоритетным направлением сотрудничества является участие в заседаниях управляющих центральных банков в БМР, а также в мероприятиях профильных комитетов. Главные вопросы сотрудничества: денежно-кредитная политика и ее реализация в странах

с формирующимся рынком, деятельность центральных банков по предоставлению ликвидности, борьба с инфляционным и дефляционным давлением, банковский надзор, развитие платежной инфраструктуры, финансовые технологии и кибербезопасность.

Банк России преимущественно сотрудничает с Банком международных расчетов по следующим направлениям:

- участие в заседаниях управляющих центральных банков / BIS All Governor's Meeting;

- участие в заседаниях управляющих центральных банков основных стран с формирующимся рынком / BIS Meeting of the Governors from major emerging market economies (EME);

- участие в заседаниях управляющих центральных банков и руководителей надзорных органов / BIS Group of Central Bank Governors and Heads of Supervision (GHOS);

- участие в заседаниях управляющих центральных банков по вопросам мировой экономики / BIS Global Economy Meeting (GEM).

Банк России также принимает участие в деятельности следующих профильных комитетов и рабочих групп БМР: Базельского комитета по банковскому надзору / Basel Committee on Banking Supervision (BCBS); Комитета Ирвинга Фишера по статистике центральных банков / BIS Irving Fisher Committee on Central Bank Statistics (IFC); Комитета по платежам и рыночным инфраструктурам / BIS Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI); Комитета по глобальной финансовой системе / BIS Committee on the Global Financial System (CGFS); Комитета по рынкам BIS Markets Committee (MC); Исследования Рабочей группы по вопросам управления в центральных банках / BIS Central Bank Governance Network (CBGN) [6].

В соответствии с абзацем 2 ст. 9 Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» «Банк России может участвовать в деятельности международных организаций, которые занимаются развитием сотрудничества в денежно-кредитной, валютной, банковской сферах и иных сферах финансового рынка, в том числе развитием сотрудничества между центральными банками и (или) соответствующими регулирующими (надзорными) органами (организациями), а также участвовать в деятельности объединений, не имеющих статуса организации (в том числе форумов, групп, комитетов)» [1].

Банк России активно сотрудничает с такими международными и региональными организациями и различными объединениями, как Совет по финансовой стабильности – международная организация, созданная странами Группы двадцати («Большой двадцатки») на Лондонском саммите в апреле 2009 г.; Базельским комитетом банковского надзора в структуре БМР; Группой двадцати и др. [7].

Однако в сложившихся экономических отношениях мы вынуждены констатировать приостановление сотрудничества с рядом международных банковских объединений. Как известно, в связи с отключением российских пользователей от системы СВИФТ активно заработала национальная платежная система. Система передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС) – это надежный канал передачи электронных сообщений по финансовым операциям. На сегодняшний день именно СПФС предоставляет возможность бесперебойной передачи финансовых сообщений как внутри страны, так и за ее пределами. Соответствующие расчеты обеспечиваются за счет корреспондентских отношений между кредитными организациями.

Наряду с положительными чертами участия России в сотрудничестве с международными организациями в банковской сфере, отчетливо просматриваются и отрицательные позиции.

Не всегда Банки развития реализуют проекты заведомо рентабельные и интересные бизнесу. Поэтому деятельность Всемирного банка в течение длительного времени подлежит критике. Так, Дж. Стиглиц (бывший когда-то экономистом Всемирного банка) назвал политику по отношению к развивающимся странам, разработанную Международным валютным фондом и Всемирным банком, ошибочной. В 2001 г. Комиссия Конгресса США провела оценку результатов деятельности международных финансовых организаций и пришла к выводу, что 60 % проектов Всемирного Банка завершились неудачно [8].

На этапе планирования в целях оценки обоснованности и эффективности привлечения внешних заимствований необходимо проведение предварительного контроля. По мнению В.М. Кузнецова, старшего инспектора Счетной палаты Российской Федерации, «главной причиной недостаточно эффективной деятельности Всемирного банка в России была недооценка им сложности организации работы, в первую очередь, по осуществлению структурных преобразований в экономике, требующих длительных усилий по изменению социально-политических и поведенческих стереотипов. Исходя из этого, Всемирному банку было рекомендовано перейти от предоставления крупных финансовых займов к небольшим инвестиционным займам, предназначенным для финансирования проектов с выраженными компонентами консультационно-технической помощи» [9]. Таким образом, эффективность некоторых проектов не всегда очевидна и явно не просматривается.

Другая проблема состоит в том, что Банки развития, контролируемые правительствами развитых стран, формируют заказы на поставку продукции, консалтинг, экспертизу проектов, заключая контракты с западными компаниями, а потому немалый объем кредитных ресурсов, выделенный в рамках каждого реализуемого проекта, уходит в национальный доход развитых, а не беднейших стран

мира. Банки развития также часто продвигают интересы «третьих» стран по доступу к ресурсной базе стран-заемщиков [2, с. 31].

Отметим еще один факт. Как следует из отчета о финансовых результатах МБРР, у банка постоянно возрастает величина административных расходов: с 1 519 млн долл. в 2010 г. до 1 821 млн долл. в 2014 г. Из них на выплату зарплаты, командировок и пенсий выделяется более 1 200 млн долл. ежегодно. Административные расходы уже стали сопоставимы с другой самой крупной статьей – расходами на обслуживание заимствований самим банком средств фондирования на мировых финансовых рынках, и вместе с ней составляет половину всех суммарных расходов за год. Административные расходы на 1 000 млн долл. выданных кредитов у Всемирного банка составляют свыше 20 млн долл., у Межамериканского банка развития – свыше 15 млн. долл. [2, с.31].

Более того, в результате реализации проектов международных институтов развития вряд ли можно говорить о поступательном развитии рынков и состоятельности конкурентной деятельности в сферах, финансируемых проектами.

Заслуживает особого внимания вопрос развития международного банковского бизнеса в контексте правил и норм Всемирной торговой организации (далее – ВТО). В рамках правового регулирования этой деятельности заявляются цели по либерализации международной финансовой практики. Объявляется в качестве первостепенной необходимости отмена странами – участницами ВТО ограничений по доступу на национальные рынки.

Наиболее распространенными ограничениями являются:

1) ограничения по типам юридических лиц и видам обособленных подразделений финансовых организаций;

2) квотирование иностранных инвестиций в банковский сектор, когда устанавливается максимально возможная доля иностранного капитала в совокупном банковском капитале страны в процентном отношении;

3) ограничения по количеству иностранных поставщиков услуг;

4) особые требования в лицензировании, например к составу учредителей;

5) квоты на общую стоимость операций или активов иностранных банков и др. [2, с. 63].

Соответствующие ограничения обусловлены интересами государств и соотносятся с основными принципами экономической деятельности, в том числе Российской Федерации, а также служат гарантиями безопасности осуществления банковской деятельности как стратегической важной отрасли экономики. С одной стороны, иностранное участие позволяет получить определенные выгоды, разрешающие использовать эффективные зарубежные методы

менеджмента и маркетинга, нельзя не учитывать зарубежный опыт цифровизации банковской деятельности и скоринговые технологии и методы. С другой стороны, нельзя допустить иностранного вмешательства в суверенитет отечественной банковской системы. В такой ситуации необходимо соблюсти баланс между процессами совершенствования банковского дела и интересами российской экономики, направленными на финансовую стабилизацию государства и укрепление российской валюты.

Подытоживая вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что основные направления сотрудничества России с международными финансовыми и банковскими организациями характеризуются необходимостью укрепления денежно-кредитной политики России, улучшением параметров взаимодействия деятельности центральных банков государств, в том числе по вопросам борьбы с инфляционным и дефляционным давлением, в аспекте банковского надзора, развития платежной инфраструктуры и финансовых технологий и др.

Взаимодействие с международными организациями и банковскими структурами является, с одной стороны, ключевым фактором развития банковской системы России, а с другой – имеет некоторые ограничения в целях защиты национальных интересов.

На сегодняшний день открываются возможности для инвестирования и банковского сотрудничества с организациями азиатского региона, что позволит диверсифицировать отношения и уменьшить зависимость от запада, а также укрепить авторитет России на новых международных позициях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ от 15 июля 2002 г. № 28. Ст. 2790.
2. Логинов Б.Б. Международный банковский бизнес: учебное пособие для вузов / Москва: Издательство Юрайт, 2022. 179 с.
3. Всемирный банк реконструкции и развития: [эл.рес.] URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/who-we-are/ibrd> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Пресс-релиз «О вступлении Банка России в Банк международных расчетов» // <https://docs.cntd.ru/document/9033057> (дата обращения: 18.10.2025).
5. Информации Банка России от 28.02.2020 г. «Изменилась методология формирования показателей брутто-объема открытых позиций по операциям с производными финансовыми инструментами внебиржевого рынка по методологии Банка международных расчетов» // Вестник Банка России от 4 марта 2020 г. № 20.
6. Банк международных расчетов [эл.рес.] URL: <https://www.bis.org/> (дата обращения: 18.10.2025).
7. О приведении банковского регулирования в соответствие со стандартами базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в условиях нестабильной экономической ситуации [Лаврушин О.И., Ларионова

И.В., Мешкова Е.И., Дубова С.Е. и др.]: монография (под ред. И.В. Ларионовой). М.: «КНОРУС», 2018. 190 с.

8. Критика деятельности Всемирного банка [эл.рес.] URL: <http://newinspire.ru/lektsii-po-finansam/kritika-deyatelnosti-vsemirnogo-banka-1567> (дата обращения: 18.10.2025).

9. Кузнецов В.М. Оценка результатов использования средств займов международных финансовых организаций // Финансы и кредит. 2008. № 31 (319). [эл.рес.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-rezultatov-ispolzovaniya-sredstv-zaymov-mezhdunarodnyh-finansovyh-organizatsiy> (дата обращения: 18.10.2025).

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Interaction of the Central bank of the Russian Federation with international financial and banking organizations in terms of protecting the interests of the Russian Federation

I.A. Kruss

Tver State University, Tver

The article examines the issues of interaction between the Central Bank of the Russian Federation and international financial and banking organizations. Today, banks use various international platforms to present their own experience and gain access to international expertise and the experience of other central banks. However, such interaction should be conditioned by the interests of states and correlate with the basic principles of Russia's economic activity, especially in conditions of economic restrictions emanating from unfriendly states. Research methods include formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), complexity, and a systematic approach

Keywords: *Bank of Russia, Bank for International Settlements, national payment system, international financial and banking institutions.*

About authors:

KRUSS Irina – PhD in Law, assistant professor of the department of judicial power and law enforcement of the Tver state University (33 Zhelyabova str., 170100, Tver), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-code: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. Взаимодействие Центрального банка Российской Федерации с международными финансовыми и банковскими организациями с точки зрения защиты интересов Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 74–80.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Миграция в условиях действия административно-правовых режимов: проблемы правового регулирования

Т.В. Кувырченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Предметом исследования стали правовые нормы, регулирующие миграционные отношения в условиях действия различных административно-правовых режимов, а также теоретические взгляды ряда ученых о государственном регулировании миграционной сферы. Цель – установление возможных пробелов в правовом регулировании миграционных отношений и разработка предложений по совершенствованию законодательства. Одними из основных методов, используемых в работе, стали сравнительный, системный. В результате проведенного исследования установлено, что в настоящее время в законодательстве Российской Федерации имеются пробелы правового регулирования миграционных отношений, возникающих в условиях действия особых административно-правовых режимов, не выработан механизм предоставления правового статуса вынужденным мигрантам в этих условиях. В связи с изложенным предлагается дальнейшее совершенствование законодательства в этой области регулирования.

Ключевые слова: государственная миграционная политика, административно-правовые режимы, режим чрезвычайного положения, режим военного положения, режим контртеррористической операции, миграционный режим, система органов публичной власти.

Каждое государство стремится таким образом выстроить миграционную политику, чтобы обеспечивать безопасность территории, способствовать социально-экономическому, научно-техническому развитию страны, повышению качества жизни населения, поддержанию межнационального согласия, сохранению историко-культурного наследия. Такие же цель и задачи были закреплены во вновь принятой Президентом РФ «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» 15.10.2025 г. (Указ Президента РФ № 738) [5].

В то же время любая страна с учетом сложившихся условий может сформировать собственную миграционную политику, совершенно отличающуюся по своим характеристикам от миграционной политики других государств. Так, в Японии послевоенная (после Второй мировой войны) политика характеризовалась стремлением сохранить моноэтническое государство, отсюда жесткий контроль над иммиграцией. Она получила название «закрытые двери». Связано это было с возвращением миллионов японцев на родину из оккупированных

территорий и бывших колоний. Позднее в Японии произошли изменения, поспособствовавшие увеличению миграционных потоков. Идут они и в настоящее время. Нароботав отрицательный опыт, государство перешло к открытой миграционной политике, в связи с чем количество мигрантов значительно увеличилось.

Миграционная политика Франции, напротив, характеризовалась открытостью. За последние 150 лет Франция приняла у себя мигрантов больше, чем какая-либо другая страна. Перед страной стояли две основные цели:

- удовлетворение растущего спроса на дешевую рабочую силу;
- стабилизация демографической ситуации.

В настоящее время миграционная политика остается аналогичной, но некоторые принятые меры предполагают определенный контроль, что говорит о ее двойственности: с одной стороны, экономические интересы, с другой – безопасность страны.

Что касается Российской Федерации, то миграционная политика также направлена на достижение баланса между национальной безопасностью страны, развитием экономики (необходимостью обеспечить потребность в трудовых ресурсах) и социальными вопросами. Кроме этого, нужно бороться с незаконной миграцией, предупреждать правонарушения со стороны иностранных граждан, создавать условия для законно находящихся на территории России мигрантов. В принятой Концепции государственной миграционной политики заложены действенные средства для решения этих вопросов. Понимая, что количество мигрантов будет увеличиваться, предполагаются такие меры, как повышение ответственности работодателей, принимающих иностранцев, сокращение количества неработающих и необучающихся иностранцев и членов их семей и др.

В Федеральном законе от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в п. 4 ст. 33 «Основные полномочия исполнительного органа субъекта Российской Федерации» указано, что Высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации в соответствии с компетенцией субъекта Российской Федерации и в пределах своих полномочий осуществляет меры по социальной и культурной адаптации мигрантов; профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия [2]. Аналогичные положения закреплены в ст. 44, где указаны полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Кроме этого, в п. 135 ст. 44 закреплены полномочия по выдаче заключений о привлечении и об использовании иностранных работников в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных

граждан в Российской Федерации, а в п. 137 регламентировано, что орган исполнительной власти субъекта участвует в подборе и передаче федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел зданий с прилегающими земельными участками для размещения учреждений, предусмотренных федеральным законом о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [2].

В Федеральном законе от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в ст. 32 «Полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» в п. 19, определяющем полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые могут быть перераспределены законом субъекта, указаны лишь вопросы, направленные на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов [3]. Аналогичные нормы были закреплены и в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. Они практически идентичны. Больше Федеральный закон № 33-ФЗ никаких положений, касающихся взаимодействия органов публичной власти различного уровня в миграционной сфере, не содержит.

Полномочия органов публичной власти, касающиеся миграционной сферы и требующие регламентации как на региональном, так и на муниципальном уровне, требуют более развернутого и детального перечисления. Неслучайно в научной среде существует следующая точка зрения: т.к. Россия находится на этапе формирования единой системы публичной власти, что предполагает необходимость законодательного разграничения компетенции между ее уровнями, то и миграционная сфера также требует законодательной регламентации и разграничений [7, с. 42].

На региональном и муниципальном уровнях важно закрепить положения, относящиеся к миграционной сфере, разграничив таким образом компетенцию с федеральными органами, т.к. органы государственной власти субъектов и муниципальные органы наиболее приближены к населению, проживающему на конкретной территории.

Указанные проблемы обостряются, когда на территорию Российской Федерации прибывают миграционные потоки «вынужденных мигрантов» - лиц, претендующих на статус беженца, статус политического убежища, статус временного убежища и в некоторых случаях вынужденного переселенца. Перемещение, как правило, происходит в условиях действия особых правовых режимов (военного положения, режима контртеррористической операции, чрезвычайного

положения (хотя последний режим в России действовал только в 90-е гг.). Так, 27.08.2022 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 585 «О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации», содержащий положения: граждане Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики и Украины вправе временно пребывать в России без ограничения срока при условии прохождения ими обязательной государственной дактилоскопической регистрации, фотографирования, медицинского освидетельствования на наличие или отсутствие факта употребления ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания ВИЧ-инфекции. Согласно Указу, они также могли осуществлять трудовую деятельность без разрешения на работу или патента. Работодатели и заказчики работ могли привлекать и использовать таких иностранных работников при условии прохождения ими дактилоскопической регистрации и фотографирования [4]. Таким образом, в условиях действия специальной военной операции (на ряде территорий были введены особые правовые режимы) был использован упрощенный порядок предоставления правового статуса «вынужденным мигрантам».

Но в этих обстоятельствах требуется жесткое государственное регулирование миграционных вопросов. К сожалению, как разъясняет ряд авторов, государственное управление в этих условиях характеризуется бессистемностью и фрагментарностью [8, с. 11].

С одной стороны, в указанных ситуациях, когда действуют особые административно-правовые режимы, решение вопросов «вынужденных мигрантов» требует оперативности, но, как отмечали в своей работе А.Г. Хабибулин и В.Н. Анищенко, это «палка о двух концах»: с одной стороны, быстрое решение миграционных проблем обеспечивает сохранение жизни людей, их трудоустройство, но с другой стороны, в полном объеме и качественно нельзя осуществлять мероприятия по идентификации личности, что может привести к проникновению на территорию России враждебных элементов и совершению ими преступлений [9, с. 21]. Это не способствует укреплению национальной безопасности государства. В связи с этим авторы предлагают проводить взвешенную миграционную политику в условиях действия особых административно-правовых режимов, проработав детально правовой механизм, обеспечивающий миграционную безопасность.

Анализируя различные виды административно-правовых режимов, которые регулируют миграционную сферу, некоторые авторы выделяют смешанный (ограничительно-запретительный) режим, под которым понимают режим территории, где введено военное положение или

чрезвычайное положение; режим зоны, где существует опасность распространения инфекционных заболеваний; режим территории, признанной особо охраняемым природным объектом [6, с. 18].

Миграционный режим, действующий на территории, где введено военное или чрезвычайное положение, режим контртеррористической операции предполагают также ограничения правосубъектности физических лиц (в том числе мигрантов) и особое управление органов публичной власти.

Как уже было сказано ранее, Указом Президента РФ от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» определены основные направления развития государственной миграционной политики на 2026–2030 гг., основные механизмы формирования и реализации миграционной политики, проведена оценка результатов миграционной политики в 2019–2025 гг. Можно констатировать, что миграционная политика характеризуется гибкостью: это и меры, предусматривающие упрощенный порядок приема в российское гражданство мигрантов – участников специальной военной операции и членов их семей, иностранных граждан, имеющих особые заслуги перед Россией; и дополнительные меры государственной поддержки участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников; и создание условий для возвращения жителей ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, покинувших места постоянного проживания в период проведения специальной военной операции; но в то же время меры, ужесточающие положение незаконно находящихся на территории России мигрантов – режим высылки иностранных граждан, полномочия органов внутренних дел в виде назначения административного выдворения за пределы Российской Федерации, введение механизма установления высшими органами субъектов России запрета (ограничения) постановки на миграционный учет и проживания иностранных граждан на территориях отдельных муниципальных образований; создание дополнительных инструментов регулирования миграционных потоков с учетом общественно-политической и социально-экономической ситуации в странах, из которых в Россию прибывают мигранты и др. [5].

Была скорректирована государственная политика в миграционной сфере с учетом общемировых тенденций миграционных процессов, геополитической ситуации, политического и экономического давления некоторых иностранных государств на Российскую Федерацию. Но не все вопросы нашли отражение в Концепции государственной миграционной политики. Ситуации возможных массовых потоков «вынужденных мигрантов» и механизм закрепления в этих условиях их правового положения не вошли в Концепцию. Получившее в научной

литературе термин «спящее законодательство» таковым и осталось в Концепции миграционной политики.

Таким образом, требует регламентирования и упорядочения государственное регулирование миграционных вопросов в условиях особых административно-правовых режимов, правовое закрепление механизма предоставления правового статуса «вынужденным мигрантам» в этих условиях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
2. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2025).
4. Указ Президента РФ от 27.08.2022 г. № 585 (ред. от 22.04.2024 г.) «О временных мерах по урегулированию правового положения лиц, состоявших в гражданстве Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, и граждан Украины в Российской Федерации» (утратил силу) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Указ Президента РФ от 15.10.2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2025).
6. Жеребцов А.Н. Авторская концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 1. С. 15–19.
7. Кожевников О.А., Кузнецова С.С. Принцип федерализма в миграционной политике России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование // Российский юридический журнал. 2023. № 4. С. 42–59.
8. Петровская М.И. Административно-правовое регулирование государственного управления в сфере вынужденной миграции в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 22 с.
9. Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н. Политико-правовой механизм обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в условиях трансформации монополярного мироустройства // Миграционное право. 2022. № 3. С. 17–21.

Об авторе:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Migration under administrative and legal regimes, problems of legal regulation

T.V. Kuvyrchenkova

Tver State University, Tver

This study examines legal norms governing migration relations under various administrative and legal regimes, as well as the theoretical views of several scholars on state regulation of migration. The goal is to identify potential gaps in the legal regulation of migration relations and develop proposals for improving legislation. The primary methods used in this study include comparative and systemic approaches. The study revealed that current Russian legislation contains gaps in the legal regulation of migration relations arising under special administrative and legal regimes, and that a mechanism for granting legal status to forced migrants under these conditions has not been developed. In light of the above, further improvements to legislation in this area of regulation are proposed.

Keywords: *state migration policy, administrative and legal regimes, state of emergency, martial law, counter-terrorism operation, migration regime, public authority system.*

About author:

KUVIRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Кувырченкова Т.В. Миграция в условиях действия административно-правовых режимов: проблемы правового регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2025. № 4 (84). С. 81–87.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Духовно-нравственные ценности России как объект внимания Государственного Совета Российской Федерации

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется создание понятийного аппарата и содержания духовно-нравственных ценностей России Государственным Советом Российской Федерации. Объектом исследования является соотношение деятельности, ее нормативного закрепления и правовых последствий принятия решений данным органом. Предметом исследования являются правовые нормы, закрепляющие полномочия Госсовета РФ. Целью исследования является рассмотрение соответствия норм о полномочиях органа, решения которого носят рекомендательный характер, с его непосредственной деятельностью. В качестве вывода делаются предложения по корректировке норм, регламентирующих решения Госсовета.

Ключевые слова: конституционные ценности, традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, Государственный Совет, формирование понятийного аппарата, раскрытие сущности идейных ценностей, решения Государственного Совета, право законодательной инициативы.

Средства массовой информации распространили новость о завершении работы Комиссии Государственного Совета Российской Федерации по культуре и духовно-нравственным ценностям, которая не только обсудила их, но и предложила основные понятия и термины традиционных российских духовно-нравственных ценностей [6]. Цитируя губернатора Ставропольского края М. Развожаева, возглавляющего Комиссию, «это создание понятийной базы, которая поможет нам двигаться дальше: в ходе исследования были сформированы 10 принципов и 56 понятий, которые лежат в основе цивилизационного кода России». Перечень определений для каждого понятия формулировал экспертный совет во главе с А. Полосиным, являющимся научным руководителем проекта «ДНК России» (проекта популяризации традиционных ценностей России).

Во все времена каждая цивилизация стремится к определенной конкретности оценивания своего духовного и культурного начала: «хорошо – плохо», «красиво – за пределами канонов красоты – уродливо», «социально – асоциально – социопатично – девиантно – делинквентно» и т. п. Идея попытки определения понятий не нова. Для сравнения требуется канон, отправная «идеальная модель», «матрица».

Именно поэтому смысловое наполнение, позволяющее оценивать «правильность» идей и практики духовного развития, несомненно, должно быть. Споры ученых, носящие теоретический характер, разгорелись с новой силой с момента издания Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ) [2]. Так, А. Хавкин, исследуя категорию «духовных ценностей» современного мировоззрения, не только выделяет множественные противоречия в религиозных и атеистической установках – приоритет духовного над материальным и материальное как основа общественных «надстроечных отношений», запрет на публичное умерщвление животных (фактически жертвоприношение) и выделение мест для таких религиозных обрядов, национальные игры, например «кок-бору» (козлодранье), когда всадники играют обезглавленной тушей козла; но и находит противоречивость между рядом традиций и правом, в том числе эти противоречия напрямую могут коснуться прав женщин и детей (при патриархальном характере семьи, зависимом положении детей от родительской власти, в религиозной канонической семье с главенством мужа и при равноправии супругов при заключении светского брака) [11].

Факультетом политологии МГУ им. Ломоносова анонсировано исследование [10], которые авторы считают порождением той реальности, которая отрицает традиционные, пока еще существующие культурные, нравственные, национальные, религиозные ценности, предлагая взамен как основную ценностную гипотезу «идею физического бессмертия путем постепенного превращения человека в биообъект, лишенный индивидуальных физических и половых признаков, нравственных качеств, а в конечном итоге – идею создания унифицируемого, лишенного цивилизационного разнообразия и полностью управляемого мира (концепция трансгуманизма)». Авторы полагают, что только опора российского общества на комплекс базисных идеалов и ценностей, основанных на традиционных ценностях народов России, вбирающих в себя положительные новшества, которые несет социальный, информационный и технологический прогресс, поможет сохранить цивилизационное своеобразие и политический суверенитет.

В.В. Аристархов и П.А. Шашкин, научные сотрудники научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, рассмотрели соотношение идейно-нравственных традиционных ценностей и конституционных ценностей. Авторами сделан вывод: «традиционные российские и общечеловеческие ценности представляют собой единую систему конституционных ценностей, в которой традиционные ценности либо прямо и непосредственно соотносятся с конституционными нормами, либо последние являются их органичным правовым выражением, исторически обусловленным

самобытным развитием российской цивилизации и отечественной правовой системы» [4].

С.Н. Бабурин посвятил данному вопросу монографию «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма» [5]. В.Н. Корнев, объединяя понятия, называет ценности традиционными конституционными, считает их нравственной основой единения российского государства и общества, а также основой национальной безопасности [8]. Следует отметить, что совмещение традиционных и конституционных ценностей некорректно, прямо перечисленные в соответствующем указе Президента РФ, они не в полной мере соответствуют закрепленным в конституционном тексте.

Д.А. Матанцев и А.В. Синельников в статье «Традиционные ценности в конституционном преломлении» [9] отмечают, что из исследуемого ими массива научных публикаций видно: ряд авторов не видит в самой Конституции ярко выраженного крена в сторону персоналистских ценностей. Это достаточно важное наблюдение, поскольку только правовой смысл названных ценностей, а именно конституционное их понимание, позволят сделать их не только общественным, но и государственным приоритетом.

Помимо названных авторов, вопросы ценностей конституционных и традиционных исследовали множество ученых. Приведенные примеры осмысления теоретиками идейно-нравственных традиционных ценностей свидетельствуют о сложности данного вопроса. Ученые не пришли к однозначным выводам о сочетании публичного и частного интересов, приоритете духовного над материальным, да и иным вопросам, отнесенным к названным ценностям. Единым является лишь мнение о том, они должны быть базисом развития российского общественного строя. При недостаточной теоретической аргументации принятие Государственным Советом, пусть даже специальным экспертным советом, понятийного аппарата, раскрывающего сущность перечисленных ценностей, который должен стать основой легального закрепления и государственной политики, по меньшей мере некорректно.

Определение духовно-нравственных ценностей, согласно п. 4 Указа, как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, опирается на условия отнесения к таковым тех идей, которые, во-первых, передаются от поколения к поколению, во-вторых, лежат в основе гражданской идентичности и сохранения единого культурного пространства страны. К ценностям можно отнести только такие ориентиры, которые укрепляют гражданское единство и проявляются в самобытном духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа.

В самом тексте Указа напрямую отнесены к ценностям такие категории, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу,

высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Перечисление главных ценностей именно как основ государственной политики, на первый взгляд, должно коррелировать с конституционным текстом. Конституция Российской Федерации же относит к высшей ценности человека и его права и свободы [1]. В приведенном выше тексте на первое место поставлена жизнь (не как «право на жизнь», а судя по всему, как некая иная категория, поскольку право на жизнь входит в перечень прав человека, упомянутых в тексте далее). Выделена категория «достоинство», в отношении которой можно сделать схожий вывод: в конституционном тексте достоинство упомянуто как объект обязанности государства: «Достоинство личности охраняется государством» (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ). Следует отметить, что из перечисленных ценностей категория «жизнь» рассматривается учеными с позиций различных наук (философии, медицины, физики, химии, биологии и т. п.). В качестве примера спорности принятия таких важнейших решений Госсоветом с целью внедрения в законодательство понятийного аппарата зададимся вопросом: как из множественности подходов члены Экспертного совета, как и члены Комиссии по культуре и духовно-нравственным ценностям, могут сформировать определение жизни как ценности, да еще и рекомендовать использовать его в законодательстве? Это достаточно смелое и в тоже время спорное решение.

Интерес представляет работа О.С. Гилязовой [7]. На основании большого количества исследований автор отмечает, что «многие исследователи призывают к осторожному, отрефлексированному отношению к традиционным ценностям». Делается вывод, что «массированная, даже агрессивная пропаганда тех или иных ценностей зачастую обличает их чуждость реальному социальному устроению, которое они призваны «переформатировать». А необходимость искусственного насаждения каких-либо ценностей (в том числе под предлогом их защиты) выдает их недостаточную традиционность (естественность) для данного общества, т. к. ценности в той мере традиционны, в какой они конгруэнтны общественному сознанию и в какой они составляют «нормальность» данного общества» [7, с. 38].

Государственный Совет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом для обеспечения согласованного функционирования органов власти. Основные задачи и функции Государственного Совета, согласно ст. 5, 6 Федерального закона «О Государственном Совете РФ» включают в себя подготовку предложений Президенту РФ по различным вопросам, в том числе по определению приоритетных целей и направлений социально-

экономического развития государства, рассмотрение по предложению Президента проектов федеральных законов и указов Президента; комиссии Госсовета могут осуществлять научно-методическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Совета. Государственный Совет по сущности своей деятельности является совещательным органом при Президенте Российской Федерации. Разработка понятийного аппарата и терминологии прямо не названа как функция этого органа ни в соответствующем законе, ни в Указе Президента России от 21.12.2020 г. № 800 «Вопросы Государственного Совета» [3], утверждающего «Положение о рабочих органах Государственного Совета». Решения Комиссии, как следует из материалов СМИ, должны стать основой для разработки различного рода нормативных актов, прежде всего федеральных законов. В комментируемом случае, когда речь идет о духовно-нравственных ценностях, создание понятийного аппарата, обеспечивающего государственную политику на долгие годы, призванную сформировать новую общественную идеологическую основу российской демократии, представляется поспешным.

Закон «О Государственном Совете Российской Федерации» содержит норму, согласно которой на основании решения этого органа о необходимости принятия федерального конституционного закона, федерального закона либо изменений в такие законы или в законопроекты Государственный Совет вносит законопроект в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (п. 2 ст. 14). Следует отметить, что положение о законотворческой инициативе Государственного Совета не соответствует конституционной норме ст. 104, которая содержит перечень субъектов законотворческой инициативы. Перечень субъектов носит исчерпывающий характер, Государственный Совет в число поименованных не входит. Следовательно, эти положения требуют корректировки. Не умаляя значения правотворческой инициативы этого органа, направлять напрямую законопроекты в Государственную Думу он не должен. Следует направлять их в те органы, для которых он готовит рекомендации: законодательные органы субъектов Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Президенту Российской Федерации. Все эти органы в случае признания необходимости такой инициативы могут направлять законопроекты в Государственную Думу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г.) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «Гарант».

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 10.11.2025).

3. Указ Президента России от 21.12.2020 г. № 800 «Вопросы Государственного Совета» // СПС «Гарант».

4. Аристархов В.В., Шашкин П.А. О соотношении понятий «российские конституционные ценности» и «традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Культурологический журнал. 2025. № 1. С. 4–15 [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/679.html&j_id=63 (дата обращения: 10.11.2025).

5. Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020. 536 с.

6. В Госсовете по культуре определили понятия традиционных духовно-нравственных ценностей РФ // ТАСС. 2025. 31 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25512705> (дата обращения: 10.11.2025).

7. Гилязова О.С. Традиционные российские ценности: понятия, назначения, достоинства и ограничения. // Социально-политические исследования. 2024. № 2 (23). С. 20–45.

8. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. 2023. Т. 5. № 1. С. 8–15.

9. Матанцев Д.А., Синельников А.В. Традиционные ценности в конституционном преломлении // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2023. № 4. С. 211–217.

10. Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. Базисные традиционные ценности как фактор формирования российской политической идентичности: историко-политический контекст [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.msu.ru/science/research/21-011-31076/> (дата обращения: 10.11.2025).

11. Хавкин А. Традиционные ценности в концептуальных документах России // Лаборатория аналитики ИАМП Дипакадемии МИД России [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/traditsionnye-tsennosti-v-kontseptualnykh-dokumentakh-rossii/> (дата обращения: 10.11.2025).

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lana_7765@mail.ru

Spiritual and Moral Values of Russia as a Focus of the State Council of the Russian Federation

E.A. Ryazanova

Tver State University, Tver

The article analyzes the creation of the conceptual apparatus and content of spiritual and moral values of Russia by the State Council of the Russian Federation. The object of this study is the relationship between the activities, their legal codification, and the legal consequences of the decisions made by this body. The subject of this study is the legal norms that establish the powers of the State Council of the Russian Federation. The purpose of this study is to examine the conformity of the rules governing the powers of a body whose decisions are advisory in nature with its actual activities. The conclusion is supplemented by proposals for amending the rules governing the decisions of the State Council.

Keywords: *constitutional values, traditional values, spiritual and moral values, State Council, formation of conceptual apparatus, disclosure of the essence of ideological values, decisions of the State Council, right of legislative initiative.*

About author:

RYAZANOVA Elena – PhD, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver state University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Духовно-нравственные ценности России как объект внимания Государственного Совета Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 88–94.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Позиция декларанта и таможенного органа в выборе метода определения таможенной стоимости импортных товаров

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы определения таможенной стоимости импортных товаров. Цель статьи – выявить основные компоненты, включаемые в таможенную стоимость ввозимых товаров, а также условия, оказывающие влияние на выбор метода для определения таможенной стоимости. Научная новизна исследования заключается в обозначении позиции таможенных органов и декларантов в выборе метода для определения таможенной стоимости. По результатам анализа судебной практики установлено, что декларанты в большинстве случаев используют первый метод определения таможенной стоимости, основываясь на внешнеторговых документах, однако таможенные органы применяют резервный метод с учетом ценовой информации на идентичные товары. Обозначены признаки недостоверного определения таможенной стоимости и приведены аргументы, обосновывающие применение метода по сделке с ввозимыми товарами. Определено, что должно быть не только дано документальное подтверждение действительности цены внешнеторговой сделки, но и предоставлен экономический расчет себестоимости товаров, который бы отражал все компоненты, формирующие цену товаров. Исследование преимущественно проводилось методами изучения причинно-следственных связей, а также анализа судебной практики по спорам между декларантами и таможенными органами по вопросу определения таможенной стоимости.

Ключевые слова: *внешнеторговые документы, дополнительные начисления к таможенной стоимости, таможенная декларация, таможенная стоимость, таможенные органы.*

Каждая товарная партия, перемещаемая через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), подлежит таможенному декларированию, в ходе которого декларант заявляет таможенному органу основные сведения о товарах путем подачи электронной таможенной декларации. В ст. 106 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [3] закреплён перечень сведений, подлежащих указанию в таможенной декларации, причем данный перечень является открытым с возможностью дополнения по соответствующему Решению Евразийской экономической комиссии. Основным перечень сведений связан с характеристикой товаров, их стоимостью, количеством и наличием разрешительных

документов, что влияет на применение запретов и ограничений, а также на расчет таможенных платежей, подлежащих уплате. В свою очередь, основой для расчета таможенных платежей является таможенная стоимость.

Правила определения таможенной стоимости товаров, обращающихся в международной торговле, давно сформулированы Всемирной торговой организацией. Согласно положениям Соглашения по применению ст. VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г., в качестве так называемой «цены сделки» подразумевается цена, реально уплаченная или подлежащая уплате за ввезенный товар. В эту цену могут включаться дополнительные расходы покупателя (комиссионные, брокерские расходы, стоимость упаковки и др.) [1].

Следовательно, «главная задача заключается в выяснении того обстоятельства, какую реальную сумму уплатил участник внешнеэкономической деятельности иностранному продавцу и какую величину таможенной стоимости он указал в таможенной декларации» [12, с. 10].

Наднациональное законодательство ЕАЭС гармонизировано в соответствии с положениями международных правовых актов. Согласно п. 1 ст. 39 ТК ЕАЭС таможенной стоимостью ввозимых товаров является стоимость сделки с ними, то есть цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за эти товары при их продаже для вывоза на таможенную территорию ЕАЭС и дополненная начислениями в соответствии со ст. 40 ТК ЕАЭС.

В гл. 5 ТК ЕАЭС закреплён порядок и методы определения таможенной стоимости, также установлена возможность отложенного определения таможенной стоимости товаров и проведения консультаций между таможенным органом и декларантом в целях обоснованного выбора стоимостной основы для определения таможенной стоимости ввозимых товаров. Кроме этого, ст. 25 Федерального закона Российской Федерации от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289) [5] предусмотрена возможность получения декларантом предварительного решения по вопросам применения методов определения таможенной стоимости товаров, ввозимых в Российскую Федерацию. Кроме положений ТК ЕАЭС и ФЗ № 289, отношения по определению и контролю таможенной стоимости регулируются решениями наднациональных органов ЕАЭС.

В силу п. 14 ст. 38 ТК ЕАЭС таможенная стоимость товаров определяется декларантом. Однако ст. 313 ТК ЕАЭС наделяет таможенные органы контрольными полномочиями по проверке правильности определения и заявления таможенной стоимости товаров. Таможенные органы уполномочены проверить выбор и применённый

метод определения таможенной стоимости товаров, структуру и величину таможенной стоимости товаров, документальное подтверждение сведений о таможенной стоимости товаров.

Декларанты в большинстве случаев применяют первый метод – метод по сделке с ввозимыми товарами, а таможенные органы в силу наличия у них базы средних цен практически на все товары, обращающиеся в международной торговле, склоняются к резервному методу. В данном аспекте стоит отметить, что существует несколько граф таможенной декларации (далее – ДТ), отражающих стоимость перемещаемых товаров. Так, в графе 42 ДТ «Цена товара» указывается контрактная (фактурная, инвойсовая) цена товара, выраженная в валюте контракта. В графе 45 ДТ «Таможенная стоимость» указывается стоимость декларируемого товара в валюте государства – члена ЕАЭС, таможенному органу которого подается ДТ, рассчитанная по одному из шести методов с учетом дополнительных начислений. Существует также графа 46 «Статистическая стоимость», которая нужна для ведения базы данных таможенных органов с целью формирования средних цен на каждый вид продукции, выражается она в долларах США. На день подачи декларации происходит перерасчет контрактной стоимости в таможенную стоимость в рублях. Также требуется заполнить декларацию таможенной стоимости (далее – ДТС), в которой будут фиксироваться подробности определения таможенной стоимости, особенно в части включения дополнительных начислений.

Несмотря на установленный перечень дополнительных начислений, учитываемых при формировании таможенной стоимости, получается, что в каждом конкретном случае необходимо учитывать расходы и обладать пакетом подтверждающих документов. Причастность дополнительных начислений к таможенной стоимости решается в рамках выбранного метода определения таможенной стоимости.

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.12.2012 г. № 283 были утверждены «Правила применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)». В п. 8 данных Правил указано, что метод 1 применим в том случае, если возможно определить в стоимостном выражении сумму, подлежащую перечислению продавцу ввозимых товаров, и сделать соответствующее дополнительное начисление к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате [4].

Исходя из таможенной практики, дополнительными начислениями чаще всего признаются расходы по упаковке, страховке, транспортировке, погрузке, перегрузке груза, произведенные на территории иностранного государства. Данная категория расходов суммируется с контрактной стоимостью для образования таможенной стоимости, но с учетом выбранного сторонами внешнеторговой сделки базиса поставки ИНКОТЕРМС [6]. Например, в контракте может

использоваться такая формулировка, как: «количество товара и цены устанавливаются на каждую товарную партию в отдельном Приложении». Также при согласовании цены учитываются расходы по транспортировке, страхованию груза, о которых свидетельствуют выбранный контрагентами базис поставки. Базис поставки – это конкретный термин ИНКОТЕРМС. Например, пункт внешнеторгового контракта может выглядеть так: «В цену Товара согласно условиям EXW Стамбул, Турция или на заводе-производителя товара (Incoterms-2020) включены стоимость упаковки, маркировки товара, документации к товару, погрузки в транспортное средство, предоставляемое покупателем, а также оформления международной товарно-транспортной накладной (CMR)». Это означает, что по базису EXW у продавца минимальные затраты, а все расходы, главным образом по транспортировке, возложены на покупателя. Данное обстоятельство определяет тот факт, что в контрактную цену не заложены эти расходы и она не будет высокой, как, например, при базисе группы D, где транспортировку до места нахождения покупателя осуществляет и оплачивает продавец, поэтому эти расходы уже им включены в контрактную стоимость. Данные сведения также важны для таможенного декларирования.

В рамках проведения контроля таможенной стоимости таможенные органы руководствуются установленными в Решении Коллегии ЕЭК от 27.03.2018 № 42 «Об особенностях проведения таможенного контроля таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» признаками недостоверного определения таможенной стоимости товаров, а именно:

а) выявление несоответствия сведений, указанных в таможенной декларации сведениям в иных сопроводительных документах, либо сведениям, полученным из информационных систем таможенных органов;

б) выявление более низкой цены ввозимых товаров по сравнению с ценой идентичных или однородных товаров при сопоставимых условиях их ввоза;

в) выявление более низкой цены ввозимых товаров по сравнению с ценой идентичных или однородных товаров, определенной в соответствии с информацией о биржевых котировках, биржевых индексах, ценах аукционов, информацией из ценовых каталогов;

г) выявление более низкой цены ввозимых товаров по сравнению с ценой компонентов, из которых произведены ввозимые товары;

д) наличие взаимосвязи продавца и покупателя ввозимых товаров в сочетании с более низкой ценой ввозимых товаров по сравнению с ценой идентичных или однородных товаров, продажа и покупка которых осуществлялись независимыми продавцом и покупателем;

е) наличие оснований полагать, что структура таможенной стоимости ввозимых товаров не соблюдена (например, к цене,

фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, не добавлены либо добавлены не в полном объеме лицензионные и иные подобные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности, расходы на перевозку товаров, расходы на страхование и т. п.) [3].

Исходя из материалов таможенной практики первое обстоятельство обычно связывают с расхождением сведений, содержащихся в товаросопроводительной документации (инвойс, экспортная декларация, упаковочный лист, товарно-транспортная накладная и др.).

В силу того, что таможенные органы являются правоохранительными органами, они имеют широкий круг полномочий по поиску и анализу внешнеторговой документации в целях установления фактических сведений о перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС товарах. Таможенные органы, в первую очередь, обращаются к декларанту с запросом дополнительных документов и сведений, а затем уже в банк, через который осуществлялись международные расчеты, к иностранному производителю товаров либо таможенным службам иностранных государств. В рамках проведения выездной проверки таможенные органы также могут получать сведения при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ). Например, «в ходе проведения ОРМ на складе и в офисе декларанта был изъят жесткий диск, на котором находились документы (инвойсы, упаковочные листы), относящиеся к рассматриваемой внешнеэкономической сделке. Было установлено, что фактическая стоимость проверяемых товаров значительно выше стоимости, заявленной при совершении таможенных операций по таможенному декларированию. Сведения в инвойсах совпадают со сведениями, заявленными в проверяемых ДТ, за исключением стоимости товара» [8].

Следующим типичным нарушением в части выявленного занижения таможенной стоимости может быть неподтверждение скидки. Например, «в спецификации к внешнеторговому контракту цена товара составляет 330 000,00 китайских юаней за 1 самосвал. Однако дополнительным соглашением к спецификации продавец снизил цену товара до 328 000,00 китайских юаней за 1 самосвал. Определить, на основании чего Продавцом представлена скидка, не представляется возможным. Какие-либо пояснения, а также подтверждающие документы декларантом не представлены. В ответ на запрос таможни, декларант в письме представил пояснения, что по поставке товаров, задекларированных по ДТ документы, отражающие процесс согласования между Продавцом и Покупателем стоимости товара, в связи с первоначальной обоюдной договоренностью, отсутствуют. Прайс-листами, периода май–июнь 2021 г. не располагает. Также выписка со счетов, ведомость банковского контроля, карточки счетов, акт сверки взаиморасчётов содержали разные цифры о стоимости оплаченных товаров, в связи с чем таможенный орган

пришел к выводу о том, что избранный декларантом метод определения таможенной стоимости по стоимости сделки с ввозимыми товарами, предусмотренный ст. 39 ТК ЕАЭС, не может быть использован для определения таможенной стоимости рассматриваемых товаров» [9].

Е.Ю. Сидорова и А.А. Артемьев указывают, что при рассмотрении споров, связанных с правильностью выбора и применения метода определения таможенной стоимости, следует учитывать, что декларанту должна быть предоставлена установленная законодательством возможность представить дополнительные документы, сведения и пояснения, касающиеся заявленных сведений о таможенной стоимости товаров. Если декларант не воспользовался таким правом, таможенный орган определяет таможенную стоимость тем методом, для применения которого у таможенного органа имеются необходимые документы и сведения [13, с. 717–718].

Как отмечалось выше, таможенные органы чаще обращаются к шестому – резервному методу, например: «при проведении сравнительного анализа было установлено, что в сопоставимый период времени на таможенную территорию ЕАЭС другими участниками ВЭД на сопоставимых условиях поставки были ввезены однородные товары (вино виноградное натуральное ординарное тихое столовое сухое, в тетрапаках емкостью 1,0 л, красное и белое, сод. эт. сп. 10,5 % об., без сод. сах, г/у н/у), произведенные в Италии, по более высоким ценам – индекс таможенной стоимости (далее – ИТС) 1,00 - 1,66 долл. США/л. При этом ИТС товаров, представленных ООО "Вино он-лайн АГ" для совершения таможенных операций по рассматриваемой товарной поставке, составляет 0,76 долл. США/л.» [10]. В таком случае декларанту необходимо предоставить документальный расчет себестоимости товаров, который бы отражал все компоненты, формирующие закупочную цену товаров, чем и подтвердится более низкая стоимость ввозимого товара по сравнению с аналогичным товаром других производителей.

Для подтверждения стоимости товара по методу сделки с ввозимыми товарами декларант может предоставить прайс-листы продавца/производителя, но необходимо, чтобы такие прайс-листы продавца/производителя были выставлены широкому кругу лиц (публичная оферта), а также предоставить сведения, где они опубликованы в открытом доступе. Например, «в целях подтверждения сведений, заявленных в части таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС по контракту, декларантом представлен прайс-лист изготовителя "CAVIRO S.C.A.". Таможенный орган посчитал, что представленный прайс-лист "CAVIRO S.C.A." нельзя рассматривать как публичную оферту, выставленную широкому кругу лиц, так как он выставлен изготовителем конкретно в адрес Покупателя – ООО "Вино он-лайн АГ". Однако судебные инстанции данное

предположение отвергают, ссылаясь на то, что в рамках договорных отношений между итальянским производителем "CAVIRO S.C.A." и российским покупателем ООО "Вино он-лайн АГ" обоснованно предоставление прайс-листа поставщиком именно в адрес ООО "Вино он-лайн АГ", а не выставление публичной оферты широкому кругу лиц, поскольку иных участников в договорных отношениях между "CAVIRO S.C.A." и ООО "Вино он-лайн АГ" не предусмотрено. Равно как в самом договоре не прописано, что цены будут идентичны ценам для иных третьих лиц. В самом же договоре в п. 2 прямо закреплено, что цены указываются в Приложении № 1 к Контракту, а Дополнительным соглашением № 4 были введены позиции и стоимость декларируемого товара» [10].

В ответ на требование таможенного органа о предоставлении ценовой информации, выставляемой неопределенному кругу лиц, могут последовать возражения о том, что указанные сведения представляют собой коммерческую тайну производителя, которую он не обязан раскрывать. Одним из документов, подтверждающих и реальную, и свершившуюся оплату, может быть экспортная декларация, но она должна быть переведена на русский язык и заверена нотариусом.

Однако стремление таможенного органа использовать резервный метод при наличии сомнений в действительности заявленной декларантом стоимости ограничивается разъяснениями Верховного Суда РФ. Так, в п. 10 Постановления Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» указано, что в случае документального подтверждения контрактной цены за единицу товара, а также учтенных дополнительных расходов, таможенный орган не может отклонить заявленную декларантом таможенную стоимость лишь по мотиву ее несоответствия уровню в сравнении с ценами на однородные (идентичные) ввозимые товары или ее отличия от уровня цен, установившегося во внутренней торговле» [8]. При этом таможенный орган должен привести конкретные параметры сравниваемой продукции – это, в первую очередь, условия ее поставки, страна происхождения и отправления.

Как отмечено в судебном решении Арбитражного суда Тверской области, «ценовая информация, использованная таможенным органом при принятии оспариваемого решения, не сопоставлена с конкретным товаром и условиями осуществляемой обществом сделки (контракта), а именно – отличался базис поставки, код ТН ВЭД и страна отправления. Однако ст. 42 ТК ЕАЭС установлено, что при определении таможенной стоимости ввозимых товаров используется стоимость сделки с однородными товарами, проданными на том же коммерческом уровне и по существу в том же количестве, что и оцениваемые товары. Так, для сравнения по спорной ДТ были взяты данные из другой ДТ, но сведения

не совпадали по стране отправления, базису поставки и классификационному коду товара. Например, по спорной ДТ страна отправления была Китай и базис поставки FOB свободно на борту судна Shanghai, а в сравниваемой ДТ – Эстония и условия поставки CPT Москва [11].

Суды отмечают, что в случае «отсутствия у таможенного органа правовых оснований для отклонения стоимости товара, согласованной сторонами в контракте, подтвержденной инвойсом поставщика и фактической оплатой данного инвойса, только на основании имеющихся у таможенного органа данных о более высоких ценах на идентичные товары, таможенным органом грубо нарушается принцип свободы договора и не учитываются конкурентные условия гражданского оборота, исходя из которых и определяется стоимость товара между различными хозяйствующими субъектами» [10].

Таким образом, при расхождении контрактной цены со средними ценами из базы данных таможенные органы запрашивают бухгалтерскую отчетность, свидетельствующую о дальнейшей реализации (оприходовании) идентичных товаров в рамках одного контракта по прошлым поставкам, экспортную декларацию из страны вывоза товара, аналитические материалы касательно ценообразования данной категории товаров на мировом рынке, а также калькуляцию цен на данный товар на внутреннем рынке РФ.

Как замечает А.А. Фокина, «суды исходят из того, что сведения, влияющие на структуру таможенной стоимости, обязательно должны быть количественно определенными, подтвержденными, сопоставимыми между собой относительно каждой партии товара и однозначно свидетельствовать об исполнении сделки в соответствии с условиями внешнеэкономического контракта. Документы, представленные в подтверждение факта оплаты, должны позволить декларанту доказать, а таможенному органу – признать подтвержденным факт оплаты товара. Однако в настоящее время в целях обхода экономических санкций и запретов денежных переводов, участники ВЭД вынуждены использовать схему переводов не напрямую своим контрагентам, а через третьих лиц – торговые дома в дружественных странах, что также является основанием для проявления дискреционных полномочий таможенных органов» [14, с. 36].

Таким образом, в качестве алгоритма по обоснованию применения метода по сделке с ввозимыми товарами в целях определения таможенной стоимости можно привести следующие аргументы:

1. Согласование условий сделки во внешнеэкономических и транспортных документах, сопровождающих товар, а также документальное подтверждение реально уплаченной цены, например наличие экспортной декларации страны вывоза, предоставленной с надлежащим образом заверенным переводом на русский язык.

2. Подтверждение скидки, особенно если снизилась цена, первоначально установленная в контракте.

3. Обоснование структуры таможенной стоимости:

– в зависимости от базиса поставки: совпадение базиса во внешнеторговом контракте и всех сопутствующих документах. Если базис в контракте не совпадает с инвойсом, то, возможно, изменение базиса было закреплено в дополнительном соглашении к контракту;

– в случае дополнительных начислений: документально подтвердить и полно раскрыть виды оказываемых услуг и производимых операций на территории иностранного государства. Например, в целях подтверждения «расходов, связанных с обработкой груза на складе в Латвии, установлено, что счет был выставлен за следующие услуги: заполнение CMR; таможенное оформление; пломбирование автотранспорта; погрузка механизированная; маркировка акцизных товаров. Указанная стоимость услуг была учтена ООО "Вино он-лайн АГ" и оплачена согласно поручению на перевод иностранной валюты в пользу компании SIA LAROTS» [10].

4. При запросе дополнительных документов и сведений со стороны таможенных органов декларант должен быть готовым документально заверить и произвести расчет себестоимости товаров, который бы отражал все компоненты, формирующие закупочную цену товара. Отдельное уточнение требует прайс-лист, которой должен быть не направленного действия на конкретного покупателя, а для широкого круга потребителей.

Несмотря на правовое закрепление понятия таможенной стоимости и методов ее определения, перечня дополнительных начислений, признаков недостоверного определения таможенной стоимости товаров, указанных на уровне ЕЭК, а также обобщение судебной практики посредством дачи разъяснений Верховным Судом РФ, в спорах, возникающих между декларантами и таможенными органами, требуется экономическое обоснование действительности цены перемещаемых товаров.

Таможенные органы наделены полномочиями по проверке и принятию юридически значимых решений в отношении сведений, заявленных в таможенной декларации. Со стороны таможенных органов возникают вопросы о корректности выбранного метода определения таможенной стоимости и учета всех структурных элементов таможенной стоимости. Для определения таможенной стоимости участники ВЭД в большинстве случаев используют первый метод по сделке с ввозимыми товарами, при котором как раз обосновывают свой расчет и документально его подтверждают. Таможенные органы используют резервный метод, исходя из информации, содержащейся в ценовых источниках. Со стороны таможенных органов изучению подвергается информация по ценообразованию контрактной цены и фактическое

наличие или отсутствие дополнительных расходов, которые были или могли быть включены в таможенную стоимость. Добросовестный декларант сможет обосновать правильность выбора первого метода при должном документальном подтверждении и экономическом анализе соответствия условий сделки и банковских, расчетных (платежных) документов. Однако даже в силу широких полномочий таможенные органы не могут основывать свой выбор в пользу резервного метода только с учетом расхождения цены контракта с ценой из базы данных. Судебные инстанции отмечают свободу договора между продавцом и покупателем по согласованию стоимости товара, при том что в условиях рыночной экономики не только ценовой фактор является конкурентным преимуществом.

Список литературы

1. Соглашение ВТО от 15.04.1994 г. «Соглашение по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/94bn0006/?ysclid=md7risxpk1787223017> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Коллегии ЕЭК от 27.03.2018 г. № 42 «Об особенностях проведения таможенного контроля таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.12.2012 г. № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон Российской Федерации от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2000» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.01.2025 г. № Ф03-5372/2024 по делу № А51-12543/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.10.2024 г. № Ф05-23340/2024 по делу № А40-261545/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2020 г. № 09АП-41800/2020 по делу № А40-34338/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Решение Арбитражного суда Тверской области от 29 сентября 2020 года по делу № А66-8210/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f4b0f148-1588-4e0e-9ce8-970bd827fde8>

12. Новиков В.Е., Новиков С.В. Таможенная стоимость как категория рынка импортера // Вестник Российской таможенной академии. 2024. № 3 (68). С. 9–17.

13. Сидорова Е.Ю., Артемьев А.А. Развитие системы таможенного контроля и декларирования таможенной стоимости товаров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18. № 4 (409). С. 709–726.

14. Фокина А.А. Оплата за товары, поставленные в рамках внешнеторгового контракта, как критерий достоверности определения таможенной стоимости ввозимых товаров // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2024. № 2 (33). С. 33–38.

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Violation of official discipline as a reason dismissal from service in the customs authorities

A.A. Sladkova

Tver State University, Tver

The article discusses the issues of determining the customs value of imported goods. The purpose of the article is to identify the main components included in the customs value of imported goods, as well as the conditions that influence the choice of the method for determining the customs value. The scientific novelty of the study lies in identifying the position of customs authorities and declarants in choosing the method for determining the customs value. Based on the analysis of judicial practice, it was found that declarants mostly use the first method for determining the customs value based on foreign trade documents, but customs authorities use the reserve method based on price information for identical goods. The article identifies the signs of an incorrect determination of the customs value and provides arguments justifying the use of the transaction-based method for imported goods. It is determined that there must be not only documentary evidence of the validity of the foreign trade transaction price, but also an estimate.

Keywords: *foreign trade documents, additional charges for customs value, customs declaration, customs value, and customs authorities.*

About author:

SLADKOVA Aljona – PhD in Philosophy, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Сладкова А.А. Позиция декларанта и таможенного органа в выборе метода определения таможенной стоимости импортных товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 95–106.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Уголовная ответственность за неисполнение судебных актов

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Актуальность темы статьи обусловлена невысокой степенью воздействия применения мер уголовной ответственности на уровень фактического исполнения судебных актов. Усиление мер уголовной ответственности в отношении должников является самостоятельным способом повышения эффективности исполнительного производства. Условием привлечения должника к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ должно являться возбуждение исполнительного производства в установленном порядке.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное дело, исполнительное производство, должник, судебный пристав-исполнитель, судебный акт.

Вступившие в законную силу судебные акты обязательны для всех органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории России (ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [1], ст. 13 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [2] и др.). Отступление от указанного требования рассматривается как грубейшее нарушение закона, а в определенных случаях и как преступление, предусмотренное ст. 315 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [3]. Если решение суда об обязании должника лишь подтверждает правомерность требований взыскателя и дает право принудительно их исполнить, то приговор суда означает совершение должником преступления, т. е. виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ под угрозой наказания, например лишения свободы.

Общественная опасность преступления, предусмотренного в ст. 315 УК РФ, заключается в том, что в результате неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта подрывается авторитет судебной власти, порядок осуществления правосудия, нарушается принцип общеобязательности судебных актов, а также может быть причинен вред законным интересам граждан, учреждениям и организациям, в пользу которых они вынесены. Посягая на интересы личности и организации, деяние тем самым затрагивает интересы общества, поэтому оно и называется общественно опасным. Если гражданско-правовая ответственность находится в плоскости

частноправовых интересов, то уголовное преступление носит публичный характер.

В 2024 г. Федеральная служба судебных приставов России (далее – ФССП России) возбуждено 56,4 тыс. уголовных дел, из них в отношении должников, не уплачивающих алименты, – около 54 тыс. дел, за преступления против правосудия – 2,2 тыс. дел, в отношении лиц, злостно уклоняющихся от погашения кредиторской задолженности в крупном размере, – 234 дела [10].

Несмотря на то что и в настоящее время группа преступлений, предусмотренных в ст. 315 УК РФ, составляет небольшую часть в общей структуре преступлений, заслуживают внимания неблагоприятные тенденции, которые развиваются на фоне падения авторитета судов и государственной власти в целом. Настораживают высокая степень латентности ряда преступлений против правосудия.

В результате принятых мер административной юрисдикции и уголовно-правового характера в интересах сторон исполнительного производства дополнительно взыскано 5 млрд руб., в том числе 4,2 млрд руб. алиментных платежей, 193,7 млн руб. кредиторской задолженности, 40,9 млн руб. в пользу предприятий жилищно-коммунального хозяйства и топливно-энергетического комплекса, 8,4 млн руб. задолженности по заработной плате [10]. Несмотря на это, степень воздействия применения мер уголовной ответственности на уровень фактического исполнения остается невысокой.

Применение мер юридической ответственности к должникам в исполнительном производстве не влечет за собой повышение эффективности взыскания. Общий показатель реализации исполнительных производств в 2024 г. не превысил 61,6 %, в том числе по взысканию алиментных платежей – 44,7 %, взысканию налоговой задолженности – 39,2 % и др. [11]. Стоит констатировать, что исполнение должниками обязанностей по исполнению требований о взыскании денежных средств находится на низком уровне. Правовой нигилизм ни искоренен в российском обществе. Думается, потенциал широкого применения ст. 315 УК РФ не использован в полной мере. Так, в 2024 г. число осужденных по ч. 1 ст. 315 УК РФ составило 3 человека, по ч. 2 ст. 315 – 154 человека [8].

Указанные тенденции характерны для большинства видов исполнительных документов, в том числе в отношении судебных актов (доля которых в общем количестве исполнительных производств в 2024 г. составила 56,3 % (71,2 млн), обеспечение исполнения которых является конституционной обязанностью государства. В этой связи данная ситуация не может оставаться без внимания законодателя.

Усиление мер уголовной ответственности в отношении должников является самостоятельным способом повышения эффективности исполнительного производства.

Уголовное преследование в исполнительном производстве – метод воздействия на должника, несопоставимый «по серьезности» со всеми остальными мерами воздействия на должника, с целью заставить его самостоятельно исполнить требования исполнительного документа. В то время как применение мер ответственности в иных сферах правового регулирования своей целью имеет наказание лица, допустившего неправомерное поведение. Целью уголовного преследования должника за правонарушение в исполнительном производстве является в первую очередь давление на должника, а уже потом собственно уголовное преследование. Важнее мотивировать должника к самостоятельному исполнению, а не добиваться реального наказания. Поэтому угроза возбуждения уголовного дела, установленного ст. 315 УК РФ, весьма действенна, поскольку касается свободы конкретного человека, а не абстрактного юридического лица.

Правонарушением, влекущим применение мер ответственности в исполнительном производстве, может выступать недобросовестное неисполнение должником требования исполнительного документа, т. е. его неисполнение при наличии объективной возможности исполнения у данного конкретного должника. Поэтому меры ответственности в исполнительном производстве не могут быть одинаково применимыми в отношении добросовестных и недобросовестных должников.

К тем должникам, которые объективно не могут исполнить требование исполнительного документа, например, потому что зафиксированное в исполнительном документе требование неисполнимо, применение мер уголовной ответственности без возбуждения исполнительного производства, без предупреждения со стороны уполномоченного лица не будет являться эффективным, поскольку не будет побуждать должника исполнить требование, а лишь будет возбуждать у него чувство несправедливости происходящего, снижать уровень доверия к закону и суду.

Привлечение должника в исполнительном производстве к ответственности за недобросовестное неисполнение судебного акта должен предварять этап, на котором ему будет предоставлена возможность подтвердить свою добросовестность.

Как доказать недобросовестность должника в исполнении вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению? Предоставить ему срок для добровольного исполнения, предупредить о наступлении уголовной ответственности. Если привлекать к уголовной ответственности сразу без возбуждения исполнительного производства, без предупреждения, есть риск привлечения к уголовной ответственности добросовестных должников.

При наличии объективных обстоятельств, которые делают невозможным своевременное исполнение судебных актов (например,

отсутствие средств в организации), состав преступления по ч. 2 ст. 315 УК РФ отсутствует. Наличие уважительных причин может служить основанием для освобождения виновника от уголовной ответственности либо же применения более мягкой формы: административной или дисциплинарной. Это гарантирует определение соразмерной меры ответственности, соблюдение баланса интересов должника, взыскателя, государства.

Нет оснований не доверять выводам, сделанным по результатам отдельных диссертационных исследований относительно того, что «зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за неисполнение судебных актов свидетельствует о том, что норма о неисполнении приговора суда, решения суда или иного судебного акта, закрепленная в ст. 315 УК РФ, соответствует передовым тенденциям развития современного уголовного законодательства» [7]. В ФРГ (Германии), Японии, Голландии, несмотря на достаточно развитую систему преступлений против правосудия, отсутствует уголовно-правовая норма, содержащая запрет на неисполнение судебных актов. Напротив, в Республике Казахстан установлено правило, по которому при уклонении должника от исполнения судебных актов и исполнительных документов взыскатель вправе самостоятельно обратиться к соответствующим органам о привлечении виновных лиц к административной или уголовной ответственности [6]. Таким образом, при поступлении исполнительных документов по судебным актам неимущественного характера заявление и постановление о возбуждении исполнительного производства нельзя рассматривать как сообщение о преступлении, полученное из иных источников.

Между ведением исполнительного производства и действиями, направленными на выявление признаков состава преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, должна объективно наличествовать взаимосвязь. Орган уголовного преследования обязан рассмотреть представление (сообщение) судебного исполнителя или заявление взыскателя, которое является основанием для начала досудебного расследования обстоятельств, имеющих признаки уголовного правонарушения.

Условием привлечения должника к уголовной ответственности по ч. ст. 315 УК РФ должно являться возбуждение исполнительного производства в установленном порядке (ст. 30 Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ № 229) [4]. Таким образом, должникам предоставляется возможность «сохранить лицо», т. е. исполнить судебное решение, приговор в рамках принудительного исполнения пусть уже не добровольно, но самостоятельно, избежав негативных последствий от привлечения к уголовной ответственности в виде лишения права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью, осуждения со стороны партнеров, семьи, общества в целом.

У органов дознания при определении субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, могут возникнуть сложности. Субъект специальный. Это лица, указанные в законе, – представитель власти, государственный служащий, служащий органа местного самоуправления, а также служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации, в служебные функции которых входит совершение действий, обеспечивающих исполнение судебных актов. Определенный в ч. 2 ст. 315 УК РФ круг специальных субъектов влияет на степень общественной опасности преступления, именно поэтому законодатель и предусмотрел для них уголовную ответственность по ст. 315 УК РФ.

Таким образом, в указанной статье говорится не о неисполнении самим должником решения суда – речь идет о случаях, когда иные лица, обязанные исполнять решение, этого не делают. При решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за неисполнение судебного акта, а также воспрепятствование их исполнению необходимо установить наличие у субъектов соответствующих полномочий, определенных в уставах, инструкциях, приказах и других нормативных правовых актах, которые определяют служебные обязанности конкретных работников предприятий, учреждений, организаций.

Как правило, производство предварительного расследования осуществляется по месту совершения преступления (ст. 153 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации), определение которого может вызвать затруднение в результате непосредственного обращения заявителя к соответствующим органам о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности, минуя этап возбуждения исполнительного производства.

Согласно диспозиции ч. 2 ст. 315 УК РФ, обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности является злостность неисполнения вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению.

При проведении проверок сообщений о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 315 УК РФ, особое внимание органами дознания уделяется доказательствам, свидетельствующим о наличии в деянии квалифицирующих признаков «злостности». При этом законодательного определения «злостности» нет. Понятно, что отсутствие в материалах проверок необходимых сведений либо неправильная их оценка приводят к преждевременному решению о возбуждении уголовного дела и, как следствие, прекращению его по реабилитирующим основаниям.

Практика в вопросах привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 315 УК РФ исходит из такого признака злостности, как повторное неисполнение лицом возложенных на него обязанностей, вытекающих из судебного акта (приговора, решения), после письменного предупреждения, сделанного уполномоченным органом, при наличии реальной возможности его исполнения [9]. При отсутствии признаков злостности должна наступать не уголовная, а дисциплинарная ответственность.

Такая практика привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 315 УК РФ согласуется с требованием п. 18 ст. 30 ФЗ № 229, в соответствии с которым в случае возложения обязанности исполнения судебного акта на представителя власти, государственного, муниципального служащего, а также на служащего государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства предупреждает указанных лиц об уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ за неисполнение судебного акта, а равно воспрепятствование его исполнению.

Злостность неисполнения судебного решения, приговора предполагает, что лицо продолжает не исполнять возложенную на него обязанность после письменного предупреждения, сделанного в установленной законом форме, т. е. не меняет своего отношения к совершаемому им общественно опасному деянию, не прекращает его, зная о возможности привлечения к уголовной ответственности. Поэтому злостное неисполнение и воспрепятствование исполнению судебного акта могут быть совершены только с прямым умыслом.

Отсутствие предупреждения должника о возможности наступления уголовной ответственности за уклонение от исполнения судебного акта со стороны уполномоченного лица исключает применение к нему мер ответственности по ч. 2 ст. 315 УК РФ [5]. Так, 29.11.2018 г. Костиков Г.Е. обратился в Отдел ФССП по Железнодорожному району с заявлением о привлечении директора общества Голубкова Г.А. к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 315 УК РФ. В ходе проверки сообщения о преступлении установлено, что директор общества Голубков Г.А. о возбуждении исполнительного производства не осведомлен, об уголовной ответственности за уклонение от исполнения судебного акта не предупрежден. 06.12.2018 г. дознавателем Отдела ФССП по Железнодорожному району вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Голубкова Г.А. ввиду отсутствия в его действиях состава преступления. Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2018 г., решение от 02.06.2018 г. отменено. Признано незаконным бездействие, выразившееся в ненаправлении судебным приставом обществу постановления о возбуждении исполнительного производства, а также в

непроведении в срок, установленный ст. 36 ФЗ № 229, действий, направленных на вызов к судебному приставу руководителя должника и предупреждение его об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 315 УК РФ. В удовлетворении остальной части требований отказано.

Таким образом, отсутствие предупреждения должника со стороны судебного пристава-исполнителя о наступлении в отношении него уголовной ответственности по ч. 2 ст. 315 УК РФ может быть признано незаконным бездействием [12].

Чтобы привлечь к уголовной ответственности за неисполнение судебного решения, важно определить сроки, в которые требование подлежит исполнению. Начало течения срока давности привлечения к уголовной ответственности за неисполнение судебных актов и исполнительных документов следует исчислять с момента фактического совершения деяний, свидетельствующих о неисполнении вступивших в законную силу приговора, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствовании их исполнению. При этом не имеет значения время вынесения судебного акта и его вступление в законную силу. Лицо не может быть привлечено к ответственности за неисполнение судебного акта, если взыскателем пропущен установленный законом срок для предъявления исполнительного документа к исполнению и он не был восстановлен.

Таким образом, при поступлении исполнительных документов по судебным актам заявление и постановление о возбуждении исполнительного производства нельзя рассматривать как сообщение о преступлении, полученное из иных источников.

Условием привлечения должника к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 315 УК РФ должно являться возбуждение исполнительного производства в установленном порядке. Соответственно, в случае возложения обязанности исполнения судебного акта на представителя власти, государственного, муниципального служащего, а также на служащего государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства предупреждает указанных лиц об уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ за неисполнение судебного акта, а равно воспрепятствование его исполнению.

Список литературы.

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // РГ. 1997. № 3.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // РГ. 2002. № 220.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // РГ. 2007. 6 окт. № 223.

5. Определение Верховного Суда РФ от 13.01.2020 г. № 310-ЭС19-25421 по делу № А35-10890/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13012020-n-310-es19-25421-po-delu-n-a35-108902018/> (дата обращения: 25.10.2025).

6. Определение Верховного Суда РФ от 30.04.2019 г. № 308-ЭС19-5075 по делу № А32-14831/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30042019-n-308-es19-5075-po-delu-n-a32-148312018/> (дата обращения: 25.10.2025).

7. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 19.12.2003 г. № 12. Об ответственности за неисполнение судебных актов [Электронный ресурс]. URL: sud.kz>rus/legislation/CAT01/79691/2003 (дата обращения: 25.10.2025).

8. Выполнение Федеральной службой судебных приставов основных показателей деятельности по итогам работы за 2024 г. [Электронный ресурс]. URL:

https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_pristavov/indicators/vypolnenie_federalnoj_sluzhboj_sudebnykh_pristavov_osnovnykh_pokazatelej_deyatelnosti_po_itogam_raboty/vypolnenie-federalnoj-sluzhboj-sudebnyh-2024 (дата обращения: 25.10.2025).

9. Информация Федеральной службы судебных приставов о практике расследования органами дознания уголовных дел о совершении преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ от 03.07.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71596022/> (дата обращения: 25.10.2025).

10. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП в 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost_2024 (дата обращения: 25.10.2025).

11. Летягина Е.А. Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 27 с.

12. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам в 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 25.10.2025).

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Criminal liability for non-execution of court orders

A.S. Fedina

Tver State University, Tver

The relevance of the article's topic is due to the low degree of impact of the application of criminal liability measures on the level of actual execution of court orders. Strengthening criminal liability measures against debtors is an independent way to increase the effectiveness of enforcement proceedings. The condition for bringing a debtor to criminal liability under Article 315 of the Criminal Code of the Russian Federation is the initiation of an enforcement proceeding in accordance with the established procedure.

Keywords: *criminal liability, criminal case, enforcement proceedings, debtor, bailiff, court order.*

About author:

FEDINA Anzhelika – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. Уголовная ответственность за неисполнение судебных актов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 107–115.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Новые правовые процедуры возобновления производства по уголовному делу

Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются отдельные вопросы регулирования возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в связи с необходимостью возобновления уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств и изменения уголовно-процессуального законодательства, касающиеся данного института, рассматриваются отдельные вопросы, связанные с порядком и основаниями возобновления производства по делу. В статье приводятся актуальные примеры из судебной практики, позволяющие проиллюстрировать некоторые аспекты данного института. Анализируются соответствующие правовые позиции Верховного и Конституционного судов РФ, раскрываются проблемные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: возобновление уголовного делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, уголовное судопроизводство, правовые позиции Верховного Суда РФ, постановления Конституционного Суда РФ, прокурор, вступивший в законную силу приговор суда.

Стадия возобновления дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств является исключительной как в уголовном, так и в гражданском процессе Российской Федерации.

Принципиальным отличием данной стадии от кассационного и надзорного производства является то, что у суда возникает уникальная возможность учесть и дать правильную оценку существенных для уголовного дела обстоятельств. Суд, вынесший приговор, не учел данных обстоятельств, что привело к неправодавудному решению.

Рассмотрим некоторые особенности возобновления производства по уголовному делу. Верховный Суд РФ подчеркивает, что «основанием к возобновлению производства в процедуре, предусмотренной гл. 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), не может служить неправодавудность вынесенных по делу решений, если она явилась результатом игнорирования собранных доказательств, нашедших отражение в материалах дела, либо их ошибочной оценки, либо неправодавудного применения закона. Возобновление производства по уголовному делу в отличие от пересмотра судебных решений в порядке надзора осуществляется в связи с выявлением таких обстоятельств, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела, либо

существовали на момент рассмотрения уголовного дела, но не были известны суду и не могли быть им учтены» [7].

Согласно ч. 1 ст. 415 УПК РФ, право возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств принадлежит прокурору, за исключением случаев, предусмотренных частью пятой данной статьи [1]. «Вновь открывшиеся обстоятельства – обстоятельства, которые существовали на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не были известны суду, принявшему решение в связи с отсутствием реальной возможности их выяснения на момент принятия решения» [10, с. 821].

Возможность отнесения обстоятельств к вновь открывшимся связана с наличием приговора, вынесенного в отношении следователя, прокурора, судьи, свидетеля, эксперта, переводчика или других лиц. Однако в некоторых случаях (истечение срока давности, амнистия или помилование, смерть обвиняемого или недостижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность) указанные обстоятельства могут быть установлены определением или постановлением суда, постановлением следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела, если такого рода решения констатируют факт совершения лицом противоправного деяния.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что к таким обстоятельствам относятся преступные действия не только потерпевшего, свидетеля, эксперта, переводчика, дознавателя, следователя, прокурора, судьи, но и других участников производства по данному уголовному делу и лиц, не являющихся таковыми (например, преступные действия специалиста, давшего заведомо ложное заключение; защитника, представившего в качестве доказательства заведомо подложный документ; лица, принудившего свидетеля или потерпевшего к даче заведомо ложных показаний), если эти действия повлекли постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения, постановления суда [6].

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ даже при невозможности вынести такие акты (например, в случае просшествия длительного времени или добросовестного заблуждения свидетеля, ошибки эксперта и т.д.) применение производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств возможно по аналогии [3].

Право возбуждения уголовного дела ввиду вновь открывшихся обстоятельств, согласно ч. 1 ст. 415 УПК РФ, принадлежит прокурору. Однако, после внесения в 2022 г. изменений в ч. 5 указанной нормы, пересмотр приговора, определения или постановления суда по обстоятельствам, указанным в п. 1 ч. 4 ст. 415 УПК РФ, осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ не позднее одного месяца со дня поступления этого

представления. По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 02.02.1996 г. № 4-П (далее – постановление КС № 4-П) отметил, что по своему содержанию и предназначению возобновление дел, т. е. их новое рассмотрение, выступает в качестве механизма, дополняющего все обычные способы обеспечения правосудности приговоров. Этот вид производства, имеющий как бы резервное значение, используется, когда неприменимы или были исчерпаны другие средства процессуально-правовой защиты [4]. Это уникальный институт уголовного судопроизводства, позволяющий, по сути, «вернуться» к началу производства по уголовному делу и пошагово восстановить нарушенные права.

Таким образом, данная стадия не является способом «исправить ошибки» предварительного следствия или тех судебных инстанций, которые рассматривали это дело, а, установив наличие новых или вновь открывшихся обстоятельств, принять законное решение.

Полагаем, следует не согласиться с позицией В.А. Давыдова, придерживающегося точки зрения, согласно которой в настоящее время не имеется никаких препятствий к тому, чтобы и производство в надзорной инстанции, и возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в теории уголовного процесса рассматривать как вполне ординарные или нормальные стадии. Автор указывает, что нет ничего чрезвычайного, исключительного или экстраординарного в пересмотре вступившего в законную силу судебного акта по уголовному делу и исправлении судебной ошибки, допущенной вследствие неосведомленности суда относительно обстоятельств, имеющих важное значение для правильного разрешения уголовного дела, поскольку большая часть этих обстоятельств в принципе не может быть обнаружена до вступления судебного акта в законную силу. В современных условиях данный вид проверочного производства если и можно рассматривать как производство исключительное, то только с точки зрения его соотношения с общепризнанным правовым принципом правовой определенности [9, с. 99–100]. Нам представляется, что возобновление производства по делу означает, что допущенные нарушения не были выявлены своевременно, привели к ущемлению прав и свобод участников уголовного судопроизводства, в частности, к вынесению неправосудного решения, нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства и т.д.

Порядок производства по новым обстоятельствам, указанным в п. 1 и 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, существенно отличается тем, что не предусматривает досудебных этапов. Инициатором производства в

данном случае выступает Председатель Верховного Суда Российской Федерации, который при наличии указанных в ст. 413 УПК РФ новых обстоятельств вносит в Президиум Верховного Суда РФ представление [8, с. 805].

Проиллюстрировать вышесказанное можно следующим примером из судебной практики: согласно постановлению Президиума Верховного Суда РФ от 12.02.2025 г. по делу № 1-574/21, материалы в отношении М.А. Карпушина 06.08.2020 г. были выделены в отдельное производство. Карпушин признан виновным в обещании посредничества во взяточничестве при следующих обстоятельствах. По просьбе Л.Г. Забирко (осужденного апелляционным приговором от 02.08.2022 г.) Карпушин согласился подыскать человека, который сообщит Т.А. и Т.К., что за взятку сотрудникам полиции в размере 2 500 000 рублей можно решить вопрос о непривлечении их к уголовной ответственности. В связи с этим Карпушин обратился к В.С. Недобуге (осужденному апелляционным приговором от 02.08.2022 г.), который, в свою очередь, сообщил об этом Т.А. После этого Т.А. обратился в правоохранительные органы и добровольно принял участие в проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», при производстве которого К.С. Тарасенко (осужденный апелляционным приговором от 18.04.2023 г.), а также посредники при передаче взятки – Недобуга и Забирко были задержаны.

В представлении Председателя Верховного Суда РФ И.Л. Подносовой поставлен вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Карпушина ввиду новых обстоятельств, в связи с вынесением 01.10.2024 г. Конституционным Судом РФ постановления № 42-П. Президиум Верховного Суда РФ находит вышеуказанное представление Председателя Верховного Суда РФ о возобновлении производства по уголовному делу подлежащим удовлетворению.

В соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 11.06.2022 г. № 180-ФЗ) признание постановлением Конституционного Суда РФ нормативного акта или его отдельного положения не соответствующими либо соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании, с которым расходится используемое в приговоре, определении, постановлении суда толкование, в связи с обращением лица, к которому нормативный акт или его отдельное положение применены в приговоре, определении или постановлении суда, а в случаях, предусмотренных Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в связи с обращением иного лица, является основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств. Согласно ч. 5 ст. 415 УПК РФ, Президиум Верховного Суда РФ по результатам рассмотрения

представления Председателя Верховного Суда РФ по обстоятельствам, указанным в п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ.

01.10.2024 г. Конституционный Суд РФ вынес постановление № 42-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 42 УПК РФ в связи с жалобой Т.А., в котором признал ч. 1 ст. 42 УПК РФ не противоречащей Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу во взаимосвязи с положениями ст. 290 УК РФ она предполагает признание лица, которое отказалось от предложения о даче взятки, сообщило о данном предложении в правоохранительные органы и содействовало изобличению виновных, потерпевшим по уголовному делу о получении взятки. Конституционный Суд РФ указал, что правоприменительные решения по делу с участием гражданина Т.А., принятые на основании ч. 1 ст. 42 УПК РФ в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что отказ склоняемого лица от участия во взяточничестве, сопровождающийся своевременным обращением в уполномоченные органы власти с сообщением о таком готовящемся или совершаемом преступлении и добровольным, активным оказанием содействия в изобличении виновных, явным образом свидетельствует в этой части о правомерности и общественной полезности поведения такого лица, что не исключает необходимости последующей защиты и восстановления его нарушенных прав, в том числе в процедурах уголовного судопроизводства, путем признания за ним процессуального статуса потерпевшего от преступления, который признается законодателем участником со стороны обвинения. При этом, как указал Конституционный Суд РФ, правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется решением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им. Таким образом, действующее правовое регулирование не предполагает отказа в признании лица, которому был причинен физический, имущественный или моральный вред, потерпевшим от должностного преступления в силу того лишь обстоятельства, что основным и непосредственным объектом такого противоправного деяния (преступления) выступают интересы публичной власти и государственной либо муниципальной службы. Поскольку судебные решения по уголовному делу в отношении М.А. Карпушина принимались на основании ч. 1 ст. 42 УПК РФ в истолковании, расходящимся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в постановлении КС № 4-П, приговор Таганрогского городского суда Ростовской области от 09.11.2021 г., и все последующие решения вышестоящих судебных инстанций подлежат отмене, уголовное

дело – передаче на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. На основании изложенного, руководствуясь ч. 5 ст. 415 УПК РФ, Президиум Верховного Суда РФ принял решение о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Карпушина М.А. ввиду новых обстоятельств [5].

Основаниями для возобновления производства в рамках требований гл. 49 УПК РФ являются обстоятельства, которые требуют производства дополнительного специального расследования, поскольку стали известны после вступления приговора в законную силу. Так, особенностью возобновления дел на этой стадии процесса является их новое рассмотрение, выступающее в качестве такого механизма, который служит дополнением обычных способов обеспечения правосудности судебных решений, поскольку он имеет правовые средства, позволяющие гарантировать вынесение законного, обоснованного и справедливого решения, когда нет иных способов процессуальной защиты. Это обусловлено тем, что к возобновлению дел ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств не относятся такие процессуальные правила, которые связаны с запретом пересмотра своих судебных решений и запретом повторного участия судей в рассмотрении дела [4]. Однако следует учитывать, что названные различия между указанными формами проверки судебных решений не лишают их основного процессуального назначения – осуществления правосудия, поскольку исправление ошибок является восполнением недостатков судебной деятельности, в основе которой лежит ее конституционное предназначение [11, с. 159].

Конституционный Суд РФ придает особое значение институту пересмотра дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, подчеркивая, что «ошибочное, в том числе ввиду неверного применения уголовных или уголовно-процессуальных норм, судебное решение не может считаться справедливым актом правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его несправедливости – неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на его законность, обоснованность и справедливость, – если в нем неверно отражены существенно значимые обстоятельства события, ставшего предметом исследования по делу, либо им дана неправильная правовая оценка. Судебная ошибка должна расцениваться как нарушение указанных положений Конституции Российской Федерации, как установление вопреки ее статье 55 (часть 3) ограничения, не предусмотренного федеральным законом, и в силу предписания ее статьи 18 об обеспечении прав и свобод правосудием подлежит устранению в судебном порядке» [2].

Таким образом, возобновление уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств отличается от апелляционного,

кассационного и надзорного производства основаниями, необходимыми для принятия данного решения, субъектами, которые могут его инициировать, сроками и итоговыми процессуальными решениями.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2021 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // СПС «Гарант».
5. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12.02.2025 г. № 29-П24 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 60-Д12-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8. С. 35.
8. Актуальные проблемы уголовного процесса: учебник для вузов / под ред. О.В. Логунова, А.В. Кикотя, Э.К. Кутуева. СПб.: Астерион, 2022. 944 с.
9. Давыдов, В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 403 с.
10. Уголовный процесс: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М.: Эксмо, 2023. 960 с.
11. Францифоров Ю.В. Особенности возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 156–161.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

New legal procedures for reopening criminal proceedings

N.G. Yakovleva

Tver State University, Tver

The article analyzes individual issues of regulating the resumption of production due to new or newly discovered circumstances. The object of the study is the legal relations arising in connection with the need to resume a criminal case due to new or newly discovered circumstances and changes in the criminal procedure legislation regarding this institution. The article examines specific issues related to the procedure and grounds for resuming proceedings in a case. It provides relevant examples from judicial practice to illustrate certain aspects of this institution and analyzes the relevant legal positions of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation, highlighting problematic issues in the application of criminal procedure legislation.

Keywords: *resumption of a criminal case due to new or newly discovered circumstances, criminal proceedings, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, prosecutor, court verdict that has entered into force.*

About author:

YAKOVLEVA Natalia – PhD, associate professor of department of Criminal Law and Procedure Tver State University, (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Яковлева Н.Г. Новые правовые процедуры возобновления производства по уголовному делу // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 116–123.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 340.134:167.23+336.22:303.447.3

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.4.124

Эксперимент как эффективный инструмент правового регулирования общественных отношений (на примере налогообложения)

О.Ю. Бакаева^{1,2}, Н.А. Мошкина^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов;

²ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

Эксперимент как наиболее эффективный инструмент правового регулирования позволяет оценить последствия внедрения новых правовых норм, выявить их преимущества и недостатки, способствует развитию правотворчества, позволяет оперативно адаптировать правовую систему к изменениям в социально-экономической сфере. На примере специальных налоговых режимов, установление которых осуществляется в порядке эксперимента, авторы раскрывают особенности данного инструмента правового регулирования. Делается вывод о том, что правовой эксперимент играет важную роль в реформировании налоговой системы России, минимизируя риски при внедрении новых норм и позволяя учитывать реальные практические последствия их внедрения до окончательной кодификации.

Ключевые слова: эксперимент, правовой эксперимент, правотворческий эксперимент, экспериментальное правотворчество, налогообложение, специальный налоговый режим.

Эскалация общественных отношений в ряде случаев требует такого правового регулирования, которое позволит оценить последствия введения правил, выявить преимущества и недостатки при их реализации, скорректировать такие нормы и даже отменить их. Это возможно в рамках проведения правового эксперимента, предполагающего создание определенной модели, функционирующей определенный период времени на ограниченном пространстве.

В толковом словаре эксперимент трактуется как попытка сделать, предпринять что-то новое [21, с. 895]. С философской точки зрения эксперимент представляет собой метод познания, при помощи которого осуществляется наблюдение в специально создаваемых и контролируемых исследователем обстоятельствах, что позволяет восстановить ход явления при повторном воспроизведении данных

условий [15, с. 107]. С точки зрения методологии эксперимент рассматривается как «эмпирический метод исследования, метод-действие, суть которого заключается в том, что явления и процессы изучаются в строго контролируемых и управляемых условиях» [20, с. 193].

Правовой эксперимент может стать одним из вариантов движения к развитию правового регулирования, поскольку психологически отказаться от устоявшейся модели достаточно сложно, а эксперимент позволит убедиться в приемлемости нового регулирования или, наоборот, отказаться от него [24, с. 21]. Безусловно, именно правовой эксперимент предоставляет законодателю оценить эффективность и целесообразность новых норм в реальных условиях, а также гибко реагировать на изменения в социально-экономической сфере, оперативно адаптируя правовую систему к новым вызовам.

Законодательством понятие эксперимента не установлено, несмотря на достаточно широкое его использование в правотворческом процессе. Закреплено смежное понятие «экспериментальный правовой режим» применительно к области установления обязательных требований (например, лицензирования, аккредитации, сертификации и пр.). Под ним понимается применение в течение определенного периода времени специального регулирования в отношении определенной группы лиц или на определенной территории, в том числе в полном или частичном отказе от применения определенной группой лиц или на определенной территории обязательных требований либо в отказе от осуществления разрешительной деятельности в отношении объекта разрешительной деятельности [6].

В науке используются похожие, но все же не тождественные понятия: правовой эксперимент, экспериментальный правовой режим, правотворческий эксперимент и другие, а авторы предпринимают попытку их разграничить. Как отмечается в научной литературе, каждое из перечисленных понятий «имеет свои цели, методы реализации, а также последствия для правоприменительной практики и общества в целом» [16], в связи с чем их разделение важно не только с теоретической, но и практической точки зрения.

Большинство же действующих законов и подзаконных нормативных актов оперируют понятием «эксперимент», при этом данный термин содержится в самом названии юридического акта [3–4]. Дефиниция «эксперимент» является отражением стремления законодателя к инновациям и прогрессивным изменениям в различных сферах деятельности и выступает ключевым элементом, определяющим суть и цель данных нормативных актов.

Следует отметить, что эксперимент в праве далеко не всегда может быть правотворческим. Наибольшее распространение в юридической практике получил эксперимент, носящий правоприменительный

характер: например, следственный эксперимент [2], оперативный эксперимент [11], эксперимент по применению навигационных пломб [12], эксперимент по таможенному мониторингу [13], судебный эксперимент [25]. Иногда понятие эксперимента раскрывается применительно к целям того или иного нормативного акта. Так, в ч. 1 ст. 85 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [7] экспериментом признается контрольное (надзорное) действие, заключающееся в использовании тест-предметов (предметов, имитирующих оружие, взрывчатые вещества или другие устройства, предметы и вещества, в отношении которых установлены запреты или ограничения на их использование), и (или) тест-субъектов (лиц, имитирующих нарушителей обязательных требований), и (или) тест-заданий, и (или) тест-ситуаций.

Такая ситуация отражает отсутствие единой правовой платформы к пониманию сущности правового эксперимента. Как верно указывает А.Г. Репьев, «до сих пор отсутствуют какие-либо нормативные акты (хотя бы подзаконные, ведомственные или иные), определяющие: методику организации и проведения правового экспериментирования, алгоритмы создания экспериментальной правовой нормы, конструкцию механизма реализации опыта, пути прогнозирования результатов пробного предписания. Вследствие этого ряд социально-значимых экспериментов проводится методом «кавалерийского наскока». В результате выбранные способы и средства правового регулирования допускают сбои уже на первоначальных этапах проведения, а сам эксперимент не доводится до логического завершения и заканчивается неудачей» [23, с. 51].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что правовой формой эксперимента выступает либо федеральный закон, либо подзаконный нормативный акт, что в конечном итоге не влияет на его цели, задачи и сущностные характеристики. Вне зависимости от того, какой нормативный акт лежит в основе правового регулирования эксперимента, его основной целью остается совершенствование законодательной системы и адаптация ее к современным реалиям, а экспериментальные мероприятия, предусмотренные такими актами, оказывают реальное воздействие на правоприменительную практику и общественные отношения. Вместе с тем эксперименты, инициированные федеральным законом, обладают большей юридической силой, а следовательно, и ресурсами для внедрения изменений, что, в свою очередь, позволяет им оказывать более заметное влияние на динамику развития правовой системы. В то же время эксперименты, проводимые на основе подзаконных актов, зачастую являются более гибкими и адаптивными к конкретным условиям, что способствует оперативному реагированию на изменения общественных отношений и эффективной апробации новых подходов в правоприменении.

В науке особый интерес вызывает экспериментальное правотворчество. Отмечается, что экспериментально-правовой процесс проводится уполномоченными субъектами и заключается в деятельности по проектированию, подготовке и проведению такого эксперимента, а также по подведению его итогов [17, с. 9]. Экспериментальное правотворчество не ограничивается лишь формальным созданием новых нормативных актов. Оно предполагает глубокое изучение и анализ правоприменительной практики, выявление недостатков действующего законодательства и поиск эффективных решений, которые могли бы быть опробованы в рамках эксперимента.

Выделяются и его основные признаки:

правовая форма гипотезы,
наличие четко сформулированной цели,
предварительная разработка программы,
ограниченность в масштабе территории и во времени действия и др.
[26, с. 13–14].

При этом в основном само проведение эксперимента как способа правового регулирования специалистами поддерживается, поскольку публичная власть имеет возможность проверить гипотезу и достижение цели, ради которой такой эксперимент и проводился.

Дуалистический подход к сущности правотворческого эксперимента заключается в том, что он рассматривается и как юридическая технология правотворческой деятельности, и как исключение в праве, что позволяет комплексно исследовать проблемы, связанные с организацией правотворческого эксперимента и с оценкой его результативности [27, с. 11]. Можно дополнить, что он используется и как правовая модель регулирования общественных отношений, необходимая в определенный период времени, когда традиционные механизмы правотворчества оказываются неэффективными или недостаточно гибкими для решения возникающих социальных задач.

Правовые эксперименты не обошли стороной и сферу налогообложения. В п. 8 ст. 1 Налогового кодекса РФ [1] (далее – НК РФ) устанавливается возможность проведения экспериментов в течение ограниченного периода времени на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации, муниципальных образований по установлению налогов, сборов, специальных налоговых режимов. Поскольку конституционная обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ) прямо определяет форму такой регламентации, названные эксперименты могут проводиться посредством их закрепления только в федеральных законах.

Важное положение содержится в этой же статье: не позднее чем за шесть месяцев до окончания эксперимента Правительство РФ представляет в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации отчет об эффективности (неэффективности)

проведенного эксперимента, предложения о его продлении или прекращении, а также об установлении в НК РФ соответствующего налога, сбора, специального налогового режима. Таким образом, в указанной норме закреплены как минимум три отличительные особенности налогово-правового эксперимента: необходимость подведения его итогов с оценкой результативности; конкретный субъектный состав участников данных отношений; последствия проведения эксперимента, включая возможное установление соответствующих норм в НК РФ.

Введение указанного положения в кодекс обусловлено трендом публичной власти на проведение налоговых экспериментов. Ранее они уже проводились в отношении курортного сбора [9] (итогом стало установление в гл. 33.1 НК РФ в системе местных налогов туристического налога), налогообложения недвижимости [10], применения контрольно-кассовой техники [14].

В настоящее время в налоговой сфере проводятся два эксперимента, оба они связаны с установлением таких специальных налоговых режимов, как:

- 1) налог на профессиональный доход [8];
- 2) автоматизированная упрощенная система налогообложения (АвтоУСН) [5].

Цель экспериментального специального налогового режима «налог на профессиональный доход» заключается в упрощении налогового администрирования для физических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность самостоятельно, и в уменьшении налогового бремени для малого бизнеса. Участники режима освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц и НДС на территории Российской Федерации, за исключением налога, подлежащего уплате при ввозе товаров, а также имеют право на налоговые льготы в форме вычетов до 10 000 рублей. Рассматриваемый эксперимент позволяет легализовать доходы широкой части населения и стимулировать частное предпринимательство.

Специальный налоговый режим АвтоУСН предусматривает освобождение от уплаты налога на прибыль организаций и налога на имущество организаций, при этом организации и индивидуальные предприниматели, перешедшие на АвтоУСН, сохраняют статус налоговых агентов. Закон исключает возможность применения автоматизированного режима для ряда категорий налогоплательщиков, включая организации с филиалами, банки, страховщиков, инвестиционные фонды и др. Также не подпадают под действие режима налогоплательщики с доходами, превышающими 60 миллионов рублей в год. Подобный эксперимент направлен на упрощение процедуры налогового учета и снижения налоговой нагрузки на бизнес, с

предоставлением значительных налоговых послаблений определенным категориям налогоплательщиков.

Таким образом, проведение экспериментов в части установления специальных налоговых режимов обусловлено стремлением государства решить четко поставленные задачи: в первом случае – легализовать деятельность самозанятых граждан, вывести их из тени; во втором – упростить процесс налогового учета и отчетности для малого и среднего бизнеса, что, в свою очередь, должно стимулировать развитие предпринимательской активности и способствовать росту экономики в целом.

Об эффективности указанных экспериментов свидетельствуют статистические показатели. Так, на 1 апреля 2025 г. количество налогоплательщиков, уплачиваемых налоги в связи с применением специального налогового режима «налог на профессиональный доход», по данным деклараций за 2024 г., составило 13 021 тыс. плательщиков, что на 31,1 % превысило показатели предыдущего календарного года, а налогоплательщиков АвтоУСН – 27,7 тыс. [18]. Данные, представленные ФНС России, подтверждают не только ежегодно возрастающий интерес к экспериментальным специальным налоговым режимам, но и их эффективность в стимулировании экономической активности среди малого и среднего бизнеса.

Экспериментальное правотворчество в налоговой сфере на современном этапе обладает следующими характерными особенностями:

- 1) оно предполагает установление специальных налоговых режимов;
- 2) формой его регламентации выступает федеральный закон, что императивно закреплено в п. 8 ст. 1 НК РФ;
- 3) субъектами, на которых распространяется эксперимент, являются налогоплательщики;
- 4) эксперимент ограничен во времени: в отношении налога на профессиональный доход он должен быть завершен до конца 2028 г.; применительно к АвтоУСН – до конца 2027 г.;
- 5) по территории распространения проведение экспериментов является двухэтапным: сначала в нем задействованы 4 субъекта Федерации, а затем – вся территория Российской Федерации;
- 6) данный процесс предполагает внедрение гибких и эффективных налоговых инструментов.

Эксперимент в налоговой сфере носит добровольный для плательщика характер. При этом вопрос – платить или не платить налоги – под сомнение не ставится. Вопрос выбора лица касается системы налогообложения и налоговой оптимизации легальным способом. Самозанятый гражданин имеет возможность оценить свои доходы, расходы и особенности деятельности, чтобы выбрать наиболее подходящую систему налогообложения. Так, лицо, признаваемое самозанятым, может уплачивать налог на доходы физических лиц либо

зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя и перейти, например, на упрощенную систему налогообложения. Выбор специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» является правом, а не обязанностью гражданина. Важно понимать, что выбор системы налогообложения должен быть обоснованным и взвешенным, т. к. он влияет на финансовую устойчивость и развитие бизнеса в долгосрочной перспективе.

Эксперимент с установлением налога на профессиональный доход и практические работники, и ученые признают весьма успешным. Так, С.М. Миронова отмечает, что причинами для этого стали понятные условия специального налогового режима, простота использования, низкие налоговые ставки, что вызвало доверие самозанятых лиц [19, с. 14].

Следует отметить, что в 2024 г. Счетной палатой РФ была проведена оценка эффективности эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [22, с. 60]. Результаты анализа продемонстрировали, что в целом налоговый режим оказывает положительное влияние на самозанятых граждан, способствует достижению одной из ключевых целей – легализации деятельности лиц, занимающихся профессиональной деятельностью без регистрации в качестве юридических лиц. Тем не менее, несмотря на положительные результаты, исследование выявило определенные пробелы и недостатки в существующих механизмах контроля за деятельностью самозанятых, что требует дополнительного внимания и возможного пересмотра подходов к контролю для обеспечения эффективного функционирования рассматриваемого специального налогового режима.

Специальные налоговые режимы «налог на профессиональный доход» и АвтоУСН предполагают активное использование цифровых технологий для взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами. В научной литературе отмечается чрезвычайное разнообразие электронных сервисов, наборов открытых данных и государственных реестров, доступных налогоплательщику для использования на портале Налог.ру [28, с. 88]. Так, для администрирования налога на профессиональный доход применяется приложение «Мой налог», значительно упрощающее процесс ведения учета доходов и расходов, подачи отчетности и уплаты налога для самозанятых граждан. Налоговый режим АвтоУСН, в свою очередь предполагает агрегирование информации о доходах и расходах налогоплательщика, полученной с использованием контрольно-кассовой техники, от уполномоченных кредитных организаций, операторов электронных площадок либо через личный кабинет налогоплательщика. Внедрение цифровых технологий в экспериментальные специальные налоговые режимы способствует уменьшению административной нагрузки на

малый и средний бизнес, снижению вероятности ошибок, росту формальной занятости, повышению собираемости налога за счет автоматизации процесса.

Таким образом, экспериментальное правотворчество в налоговой сфере занимает важное место в процессе реформирования налоговой системы Российской Федерации. Оно позволяет апробировать новые механизмы и подходы на ограниченной территории и круге налогоплательщиков, минимизируя риски от внедрения новшеств в масштабах всей страны, что позволяет не только стимулировать экономическую активность, но и обеспечивает гибкость налоговой системы. В результате успешно проведенных экспериментов законодательство о налогах и сборах становится более адаптивным и эффективным, способствуя устойчивому экономическому развитию.

Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить, что правовой эксперимент позволяет минимизировать риски при внедрении нововведений и оперативно вносить корректировки, предоставляет возможность учитывать реальные практические последствия внедрения норм до их окончательной кодификации. Таким образом, правовой эксперимент выступает эффективным инструментом правового регулирования общественных отношений, призванным не только выявить и устранить недостатки в действующем законодательстве, но и обеспечить гибкость и динамичность правовой системы в целом.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024 г., с изм. от 21.01.2025 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2025. № 5. Ст. 403.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2025. № 31. Ст. 4636.
3. Федеральный закон от 01.04.2025 г. № 40-ФЗ «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Федеральный закон от 06.03.2022 г. № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).
5. Федеральный закон от 25.02.2022 г. № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»» (ред. от 29.11.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

6. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 28.02.2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

7. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 24.06.2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

8. Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (ред. от 29.11.2024 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

9. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

10. Федеральный закон от 20.07.1997 г. № 110-ФЗ «О проведении эксперимента по налогообложению недвижимости в городах Великом Новгороде и Твери» (ред. от 28.07.2004 г.) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3582.

11. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2025. № 14. Ст. 1574.

12. Постановление Правительства РФ от 12.08.2025 г. № 1199 «О проведении эксперимента (пилотного проекта) по применению навигационных пломб в отношении товаров Евразийского экономического союза, перемещаемых между территориями Республики Армения и Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

13. Постановление Правительства РФ от 16.02.2023 г. № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющих в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров» (ред. от 11.08.2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

14. Постановление Правительства РФ от 14.07.2014 г. № 657 «О проведении в 2014–2015 годах эксперимента по применению контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт в целях совершенствования порядка ее регистрации и применения» // СЗ РФ. 2014. № 29. Ст. 4158

15. Болтаевский А.А. Краткий философский словарь / А.А. Болтаевский, И.П. Прядко. М.: ИНФРА-М, 2020. 113 с.

16. Егоров П.Е. К вопросу об общем состоянии экспериментального нормотворчества // Право и бизнес. 2024. № 3. С. 11–16.

17. Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 24 с.

18. Итоги деятельности ФНС России. Январь-апрель 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/itog01_04_25.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
19. Миронова С.М. Налог на профессиональный доход – пять лет эксперимента: промежуточные итоги // Финансовое право. 2023. № 12. С. 10–14.
20. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология: словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. 208 с.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3-е изд., стереотипное испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
22. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d34/r9je39e5z05455o9ksar608z6j12jwad.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).
23. Репьев А.Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 44–52.
24. Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.
25. Томбулова Е.Г. Эксперимент в гражданском (арбитражном) судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 158–166.
26. Фатьянов И.В. Правотворческий эксперимент в правовом регулировании России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2015. 22 с.
27. Чагин И.Б. Правотворческий эксперимент и оценка его результативности (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022. 20 с.
28. Юстус О.И. Развитие принципа взаимного доверия государства и общества в условиях цифровой экономики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 84–93.

Об авторах:

БАКАЕВА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, зд. 104), профессор кафедры таможенного, административного и финансового права ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83), ORCID: 0000-0002-1971-0497, SPIN-код: 4530-6392, e-mail: finpravo@ssla.ru

МОШКИНА Надежда Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного, административного и финансового права ФГБОУ ВО «Саратовский национальный

исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83), доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, зд. 104), ORCID: 0000-0002-5707-0224, SPIN-код: 5949-4455, e-mail: ponaal@yandex.ru

Experiment as an effective tool for the legal regulation of public relations (on the example of taxation)

O.Y. Bakayeva^{1,2}, N.A. Moshkina^{1,2}

¹Saratov State Law Academy, Saratov;

²Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov

The experiment, as the most effective tool for legal regulation, makes it possible to assess the consequences of the introduction of new legal norms, identify their advantages and disadvantages, promote the development of law-making, and quickly adapt the legal system to changes in the socio-economic sphere. Using the example of special tax regimes, which are established experimentally, the authors reveal the features of this instrument of legal regulation. It is concluded that the legal experiment plays an important role in reforming the Russian tax system, minimizing the risks associated with the introduction of new regulations and allowing for consideration of the real practical consequences of their implementation before final codification.

Keywords: *experiment, legal experiment, law-making experiment, experimental law-making, taxation, special tax regime.*

About author:

BAKAEVA Olga – Doctor of Law, Professor, Professor of the Financial, Banking and Customs Law Department named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy (410056, Saratov, N.G. Chernyshevsky str., 104), Professor of the Department of Customs, Administrative and Financial Law Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (410012, Saratov, Astrakhan str., 83).

MOSHKINA Nadezhda – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Customs, Administrative and Financial Law, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (410012, Saratov, Astrakhan str., 83), Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva Saratov State Law Academy (410056, Saratov, N.G. Chernyshevsky str., 104)

Бакаева О.Ю., Мошкина Н.А. Эксперимент как эффективный инструмент правового регулирования общественных отношений (на примере налогообложения) // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2025. № 4 (84). С. 124–134.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

О равенстве в гражданском праве: научная доктрина и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают отношения, составляющие предмет отрасли гражданского права в аспекте их связи с категорией юридического равенства. Целью работы является обоснование влияния и взаимодействия научных взглядов в сфере юриспруденции о равенстве в праве с подходами Конституционного Суда РФ, изложенными в его решениях, а также значения такого рода корреляции. Поставлены следующие задачи: обосновать многоаспектный характер категории равенства; установить взаимосвязь исследуемого понятия с конституционными основами, а также иными основными началами гражданского законодательства РФ; проанализировать правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых дано толкование равенства и оценка норм гражданского права на предмет соответствия их принципу равенства. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования авторских выводов в правоприменительной практике, в частности для решения вопросов об отраслевой принадлежности правоотношений, о допустимости ограничения в гражданских правах, о выборе способов защиты с учетом позиций Конституционного Суда РФ. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. Помимо этого, были применены общенаучные методы (в частности общелогические методы теоретического анализа), междисциплинарные методы (аксиологический, метод системного анализа) и специализированные методы юридических наук (формально-юридический, метод технико-юридического анализа, конкретизации, толкования).

Ключевые слова: гражданское право, равенство, равные возможности, основные начала, принципы, конституционные основы, справедливость, добросовестность, интересы, баланс интересов, координация, солидарность.

Интерес к данной теме вызван тем, что несмотря на особую значимость равенства, закрепленного в гражданском законодательстве Российской Федерации, в первую очередь в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), существо, содержание и функции этого правового

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке Компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2025).

явления требуют переосмысления с учетом современного состояния правоприменения, а также определённых позиций, изложенных Конституционным Судом РФ в своих решениях. Понимание такого равенства, на первый взгляд, как будто очевидно, однако при более внимательном отношении к его смыслу и существу обнаруживается трудность в их ясности и конкретизации путем формулирования не только и не столько дефиниции (что в принципе невозможно), сколько в изложении хотя бы определённого, достаточно полного перечня свойств, признаков и особенностей. Это подтверждает изучение научной литературы, диссертаций как в области теории права, а также в сфере гражданского права [см., например, 12, 13].

Из первой же статьи текста ГК РФ следует, что равенство участников регулируемых гражданским законодательством РФ отношений – это то базовое положение, которое относится к основным началам такого законодательства. Следовательно, все те характеристики, которые мы обнаруживаем в цивилистической литературе применительно к понятию и сущности этих начал, присущи и равенству.

Система таких основных начал (принципов) служит стабильности уже существующей совокупности гражданско-правовых норм и его источников, а также мерилom для обновления отрасли гражданского права, обособлению и отграничению одной отрасли от другой. Такие характеристики основных начал (принципов), как: базовые исходные положения, идеи, выражающие существо гражданско-правового регулирования и его метода, определяющие особенности предмета регулирования, являющиеся общими границами (пределами) осуществления гражданских прав, инструментами в применении аналогии права и закона, в полной мере относятся и к юридическому равенству. При этом заметим сразу, что важной чертой всех принципов является их корреляция. Именно поэтому не только в ст. 1 и 2 ГК РФ, но и в правоприменительной практике равенство всегда упоминается в совокупности с другими основными началами, что отражает их объективную взаимосвязь и взаимодействие, основанные на единой функциональной сущности.

Обращаясь к отечественному правовому полю следует указать на то, что названный принцип опосредует все нормы гражданского законодательства РФ. Как указывается в научной литературе «принципы гражданского права цементируют гражданско-правовые нормы» [10, с. 89 – 90].

Совершенно очевидно, что нам чужд примитивный ненаучный подход в понимании равенства как тождества и одинаковости любых явлений, включая такие, как гражданско-правовое положение каждой из категорий субъектов гражданского права, субъективные гражданские права, юридические обязанности и пр.

В научной литературе, безусловно, наиболее значимыми в сфере исследования названного явления являются труды таких ученых, как С.С. Алексеев, О.С. Иоффе, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, В.Ф. Яковлев и др. К сожалению, в учебной литературе по гражданскому праву понятию «юридическое равенство» уделяется, как правило, незначительное внимание, что можно объяснить ограничениями в объеме такого рода литературы и задачами, поставленными перед авторами. Обычно в характеристике такого правового явления, как равенство в частном праве указывают на то, что это основное начало гражданского законодательства РФ, основной принцип одноименной отрасли, выражающий также особый характер правовой связи – отсутствие власти одного участника правоотношений и, соответственно, подчинения другого. Такой вывод следует непосредственно из закона (из п. 1 ст. 1, п. 1 и п. 3 ст. 2 ГК РФ).

Для установления сущности, признаков и функций равенства в гражданском праве автор обратился к некоторым решениям Конституционного Суда РФ. Названный орган, реализуя свои полномочия, в обоснование своей позиции не только ссылается и опирается на юридическое равенство, но дает ему толкование, определяет корреляционные связи с иными правовыми категориями, что позволяет относиться к этому явлению как к более конкретной и ясной конструкции. Важно, что в подходах Конституционного Суда РФ обнаруживается близость с цивилистическими подходами, которые были заложены в трудах доктора юридических наук В.Ф. Яковлева. Кроме того, каждый раз указывая на равенство в частном праве, такой суд учитывает конкретные юридические обстоятельства спора, в котором была применена соответствующая оспариваемая норма, особенности того правового института (субинститута), который занимает центральное место в ситуации, его место в правовом поле, а также основные методологические подходы, применяемые для оценки конституционности [16]. Для целей исследования автор отбирал решения Конституционного Суда РФ, которые были приняты, прежде всего, по вопросам соответствия отдельных положений ГК РФ Конституции РФ.

В качестве посылок и базовых исходных воспользуемся некоторыми ключевыми, присутствующими в доктрине выводами для обоснования многозначности, многоаспектности понятия равенства в гражданском праве и того, как это отражается в позициях Конституционного Суда РФ.

По мнению большинства ученых, равенство участников является важнейшим признаком имущественных отношений, регулируемых гражданским правом [например, 9, с. 30; 11, с. 53]. Другой известный цивилист Ю.К. Толстой, считая этот признак дополнительным, указывал на его решающее значение для отграничения имущественных отношений в составе предмета гражданского права от иных имущественных отношений. Он же подчеркивал его значимость для

формирования гражданско-правового метода регулирования [14, с. 6 – 8].

Наиболее значимыми в исследуемой области, на наш взгляд, являются труды уважаемого В.Ф. Яковлева. Исследуя метод гражданско-правового регулирования, которому была посвящена написанная им диссертация, а в дальнейшем и другие его цивилистические исследования о принципах гражданского права, об отдельных институтах этой отрасли, он подчеркивал, что нельзя согласиться с мнением авторов, отрицающих значение метода для разграничения отраслей права. При этом, говоря о методе, он указывал на то, что его сущностные признаки должны иметь объективные основания. Следовательно и равенство участников находит свое обоснование в самих отношениях, опосредуемых гражданским правом [15]. «Именно для разграничения гражданско-правовых и административно-правовых отношений, которые складываются в процессе государственного управления экономикой, в основном и используется в литературе признак равенства или неравенства в положении участников отношений» [15].

В целом в трудах В.Ф. Яковлева прослеживается комплексный и многоаспектный подход к пониманию равенства в гражданском праве.

Исследуя равенство, он указывает на его связь с категорией гражданской правосубъектности. Отмечая однопорядковость структуры гражданской правосубъектности, В.Ф. Яковлев объяснял, что она воплощает в себе такую специфическую черту гражданского регулирования, как юридическое равенство субъектов. Оно служит отправной точкой участия субъектов гражданского права в односторонних правоотношениях и тождественных правовых ролях, создает в принципе равные возможности для участия в гражданском обороте. Это проявляется также в наделении всех участников гражданского права в принципе равными, однопорядковыми правовыми возможностями, что не исключает случаев, когда такие возможности наполняются своим, конкретным содержанием [16].

Это находит отражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ, который обращает внимание на то, что в правовых нормах, а также в процессе их применения не должно иметь место необоснованное ограничение прав, установление дополнительных обязанностей, неоправданное освобождение от гражданско-правовой ответственности. В требованиях о равных возможностях, помимо всего прочего, входит запрет вводить различия в правах и обязанностях лиц, принадлежащих к одной и той же категории субъектов, которые не имели бы объективного и разумного оправдания [3, п. 6]. Таким образом, Конституционный Суд РФ говорит о запрете различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или схожих ситуациях, при учете существующих исключений. Закрепление равных возможностей выступает «защитой от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод» [4].

Безусловную связь можно обнаружить и применительно к такому понятию, как гражданская дееспособность, поскольку все субъекты наделяются равной способностью в осуществлении гражданских прав, исполнении юридических обязанностей, приобретении новых прав и обязанностей, в совершении сделок и иных действий. Это, впрочем, не исключает отличия в круге, видах сделок, наличия специфики их совершения определёнными участниками гражданского оборота, что объективно предопределено особенностями той или иной категории субъектов (например, объёмом дееспособности), существом правоотношений, необходимостью обеспечить баланс интересов через выражение воли законодателя в императивных нормах. Однако это не влечет неравенства.

Наряду с запретом устанавливать необоснованное преимущество одной из сторон, вытекающим из присущего гражданскому праву механизму регулирования, существует объективно обусловленная, порой социально значимая необходимость поддержки наиболее уязвимой и слабой стороны в гражданско-правовом отношении. Такой прием регулирования не имеет цели ущемления прав второй стороны и не предоставляет необоснованного преимущества первой. Например, в сфере договорных отношений законодатель, преследуя цель конституционной свободы договора, не вправе ограничиваться формальным признанием юридического равенства [1, п. 2; 6, п. 4; 8, п. 4]. Относительно экономически слабой стороны отмечается, что «таковой в гражданско-правовых отношениях с организациями и индивидуальными предпринимателями является потребитель». Следовательно, необходимым становятся предоставление потребителю как экономически слабой стороне особой защиты его прав и соразмерное правовое ограничение свободы договора для другой стороны, являющейся профессиональным участником рынка, с тем чтобы реально гарантировать соблюдение принципа равенства [4, 8].

Нормы о дееспособности в гражданском праве таковы, что не наделяют кого-либо из субъектов возможностью совершения актов властного характера.

В охранительных правоотношениях юридическое равенство обеспечивает всем равные возможности к защите своих прав. Это является отражением особенностей предмета и метода гражданского права и дозволительной направленности гражданско-правового регулирования. Способность к защите вытекает из необходимости обеспечения субъектов соответствующими правами и сама является общим правом лица. По своему содержанию и механизму использования она отражает и такие черты гражданско-правового регулирования, как диспозитивность, правовая инициатива, юридическое равенство субъектов. При этом использование принудительных мер построено на

началах всеобщности, взаимности и однотипности этих мер для всех субъектов [16].

Анализ текстов решений Конституционного Суда РФ позволяет нам обратить внимание на следующие выработанные им подходы.

Во-первых, в большинстве правовых позиций он, ссылаясь на равенство в гражданско-правовых отношениях, подчеркивает его связь с общеправовым принципом равенства, а также с принципом справедливости. Это коррелирует и научным тенденциям. Так, доктор юридических наук И.С. Барзилова указывает, что «равенство тесным образом соприкасается со всеми общеправовыми принципами, являясь одной из основополагающих идей всего праворегулирующего процесса, обеспечивая целостность права, сохранение его свойств и функций от воздействия негативных факторов» [10, с. 90].

Во-вторых, Конституционный Суд РФ неоднократно указывает на взаимосвязь и взаимодействие равенства с иными основными началами, например, что общепризнанные принципы неприкосновенности собственности и свободы договора, нашедшие отражение в основных началах гражданского законодательства (т.е. отраслевых принципах) предполагают, в частности, равенство участников гражданско-правовых отношений [7, п. 19; 2, п. 2].

В-третьих, Конституционный Суд РФ, как правило, подчеркивает неразрывную связь принципа равенства и справедливости.

Таким образом, несмотря на важность исследуемого правового явления, сущность и признаки равенства не всегда представляются ясными и очевидными. Можно предположить, что причинами этого служит многообразие и динамика отношений в правовом поле, предпосылками чего, в свою очередь, является расширение круга объектов гражданских прав, разнообразный круг юридических оснований и, как следствие, формирование новых и имущественных и неимущественных интересов, реализуемых через вступление в гражданско-правовые отношения. По этой причине практическая значимость равенства в названных отношениях будет актуальна и в будущем, а Конституционному Суду РФ придется, видимо, еще не раз устанавливать и разъяснять существо равенства, используя его как одно из правовых средств в механизме конституционного нормоконтроля и судебного контроля наряду с такими принципами, как справедливость, баланс интересов, эквивалентность в товарно-денежных отношениях, предупреждение и пресечение злоупотребления правами и свободами и недобросовестного осуществления прав.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2025 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 34 и пункта 45 Правил осуществления контроля состава и свойств сточных вод в связи с

жалобой акционерного общества “Объединенная двигателестроительная корпорация”) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.04.2023 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 6 Федерального закона “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина И.Ф. Короткова» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2024 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 419 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.С. Шапки» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2023 г. № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 16.1 Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” в связи с жалобой гражданина М.А. Сизова» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2022 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”, статьи 189.91 и пункта 31 статьи 189.96 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданки И.В. Рехиной» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Лысьва-теплоэнерго”» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года “О банках и банковской деятельности” в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Труды Свердловского юр. ин-та. Вып. 13. С. 30 [Электронный ресурс]. URL: <http://lawlibrary.ru/article1113119.html> (дата обращения: 09.11.2025).

10. Барзилова И.С. Теоретические аспекты равенства в российском праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 89–90.

11. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. С. 5256 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_4272646/ (дата обращения: 09.11.2025).

12. Киракосян С.А. Принцип равенства в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 217 с.

13. Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2019. 1161 с. (дата обращения: 09.11.2025).

14. Толстой Г.К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961-1965 г.г.): автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. Ленинград, 1970. 38 с.

15. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972; 2-е изд. М.: Статут, 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_995659/ (дата обращения: 09.11.2025).

16. Яковлев В.Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012. 351 с.

17. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

On equality in civil law: in scientific doctrine and in legal positionsb Constitutional Court of the Russian Federation

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The object of the study is the relationship that is the subject of the civil law branch in terms of their relationship with the category of legal equality. The purpose of the work is to substantiate the influence and interaction of scientific views in the field of jurisprudence on equality in law with the approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation set forth in its decisions, as well as the meaning of this kind of correlation. The following tasks are set: to justify the multidimensional nature of the category of equality; establish the relationship of the studied concept with the constitutional foundations, as well as other basic principles of civil legislation of the Russian Federation; analyze the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which interpret equality and assess the norms of civil law for compliance with their principle of equality. The practical significance of the study lies in the possibility of using copyright conclusions in law enforcement practice, in particular to resolve issues about the sectoral affiliation of legal relations, about the admissibility of restrictions in civil rights, about the choice of methods of protection, taking into account the positions of the Constitutional Court of the

Russian Federation. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of socio-legal phenomena. In addition, general scientific methods (in particular, general logical methods of theoretical analysis), interdisciplinary methods (axiological, method of system analysis) and specialized methods of legal sciences (formal legal, method of technical and legal analysis, specification, interpretation) were used.

Keywords: *equality, equal opportunities, basic principles, principles, constitutional foundations, justice, good faith, interests, balance of interests, coordination, solidarity.*

About author;

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. О равенстве в гражданском праве: научная доктрина и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 135–143.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Уголовно-правовая характеристика контрабанды денежных средств и (или) денежных инструментов: теоретические и практические аспекты

А.В. Гайдашов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам правового регулирования контрабанды денежных средств и денежных инструментов. Следует отметить, что в последнее время возросла опасность такой контрабанды. В статье представлена позиция, обосновывающая необходимость особой регламентации ответственности за контрабанду денежных средств и денежных инструментов. Это должно быть связано как с надлежащим законодательным определением предмета преступления, так и верной квалификацией соответствующих деяний на практике. Достижение задач уголовного судопроизводства немыслимо без надлежащего разрешения вопроса о возмещении ущерба от преступлений. Полагаем, что такие ключевые аспекты компенсации вреда, как способы возмещения, порядок и сроки, должны быть четко определены на законодательном уровне. Методами исследования являются формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход.

Ключевые слова: экономическая безопасность, контрабанда, денежные средства, денежные инструменты, таможенная граница ЕАЭС.

В современных условиях взаимодействие России с рядом государств характеризуется повышенной напряженностью, что сопровождается введением санкционных мер в отношении нашей страны. Данная ситуация также провоцирует рост контрабанды, незаконно перемещаемой через таможенную границу. В этих обстоятельствах наблюдается трансформация подходов к организации работы таможенных органов России, при этом особую значимость приобретает функционирование их оперативно-разыскных подразделений. В связи с чем государства - члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) стремятся создать условия для организации эффективного противодействия контрабанде денежных средств и денежных инструментов, в том числе посредством унификации норм уголовно-правового характера.

Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов на сегодняшний день составляет отдельную ст. 200.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Ранее данное деяние описывалось в ст. 88 УК РФ «Контарбанда» [1]. Представляется, что выделение контрабанды наличных денежных средств в самостоятельное

преступление обусловлено рядом причин, базирующихся, прежде всего, на специфике предмета и объективной стороне преступления. Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что в последнее время возросла опасность соответствующего вида контрабанды в связи с развитием сетей финансирования террористических организаций, незаконных военных формирований и иных видов преступности.

В 2024 г. таможенными органами РФ возбуждено 1 914 уголовных дел, среди которых 823 дела (43 %) – по ст. 226.1 УК РФ; 301 – по ст. 194 УК РФ; 240 – по ст. 193.1 УК РФ; 65 – по ст. 200.1 УК РФ [2]. Статистика показывает, что контрабанда – самый распространенный вид преступлений, выявленных таможенными органами, наряду с уклонением от уплаты таможенных платежей и нарушением валютного законодательства, что свидетельствует о целенаправленной реализации таможенными органами задач по выявлению и предотвращению угроз экономической безопасности России.

Таким образом, изучение вопросов контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов имеет как теоретическую, так и практическую значимость в аспекте установления особенностей уголовно-правового регулирования этих явлений и поиска эффективных способов борьбы с ними.

Диспозиция ст. 200.1 УК РФ указывает на незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, совершенных в крупном размере. Соответственно, в качестве предмета преступления закон называет наличные денежные средства и (или) денежные инструменты.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г.) под наличными денежными средствами понимает денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет, за исключением монет из драгоценных металлов, находящихся в обращении и являющихся законным платежным средством в государствах-членах или государствах (группе государств), не являющихся членами Союза, включая изъятые либо изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки (п. 23 ч. 1 ст. 2 Кодекса Союза).

В комментарии к УК РФ под редакцией А.И. Рарог отмечается, что под денежными инструментами следует понимать дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата [4].

Однако стоит отметить, что на сегодняшний день нет законодательного определения понятия денежных инструментов, что, в

свою очередь, может вызвать ошибочное толкование на практике, несмотря на то что в УК РФ в п. 5. Примечания № 1 к ст. 200.1 УК РФ дается перечисление этих объектов.

Так, по одному из дел суд установил, что подсудимый совершил контрабанду денежного инструмента, имея в виду незаконное перемещение через таможенную границу векселя на сумму 2 280 000 рублей. Вексель не был задекларирован и, соответственно, оказался скрыт от таможенного контроля. Подсудимый был осведомлен о правилах декларирования, но сознательно их нарушил, за что был приговорен к году ограничения свободы [5].

Данный пример показывает, что суды в качестве предмета преступления прямо называют денежные инструменты, не описывая содержание данного понятия, ссылаясь на ценные бумаги как на соответствующие инструменты. Однако если обратиться к природе этого явления, то, представляется, что нельзя отождествлять денежный инструмент с ценной бумагой, т. к. последние, по смыслу ст. 142 Гражданского кодекса РФ, рассматриваются как документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении (документарные ценные бумаги). В то же время понятие денежного инструмента более широкое, соотнесенное с понятием финансового инструмента, которое помимо ценных бумаг включает в себя финансовые активы, финансовые вложения, производные финансовые инструменты [3].

Однако для разрешения данного вопроса суды обращаются к п. 5 Примечания № 1 к ст. 200.1 УК РФ и положениям Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, указывающим на денежные инструменты именно в значении ценных бумаг.

Представляется, что подобного рода характеристика денежных инструментов подлежит уточнению.

Другой вопрос, который возникает на практике, связан с регламентацией объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ.

Объективная сторона преступления представлена в законе как незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Способы совершения преступления разъяснены в п. 5–8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде». Так, согласно п. 5 данного документа незаконное перемещение товаров через таможенную границу включает в себя перемещение вне установленных мест или времени работы таможенных органов, сокрытие от таможенного контроля, недостоверное или полное отсутствие декларирования, а также

использование фальсифицированных документов или документов, относящихся к другим товарам.

Незаконное перемещение наличных денежных средств и (или) денежных инструментов посредством сокрытия от таможенного контроля может выражаться в любых действиях, затрудняющих их обнаружение, в утаивании их свойств, их количества, в том числе путем маскировки под другие предметы или с использованием тайников в багаже, одежде или транспортных средствах.

Так, по приговору Кяхтинского районного суда по делу о контрабанде наличных денежных средств, подсудимая признана виновной в незаконном перемещении через таможенную границу 280 000 юаней [6]. Гончигдорж Тунгалаг хотела провезти деньги из Монголии в Россию, чтобы получить прибыль от обмена валюты. Деньги были спрятаны в одежде попутчиков и в футляре для документов. За денежное вознаграждение в размере 2 500 рублей каждому попутчику под предлогом перевозки средств восточной медицины, подсудимая получила согласие на свою просьбу скрыть в карманах одежды и под одеждой денежные средства при прохождении таможенного контроля.

В другом случае суд вернул уголовное дело прокурору из-за недостатков обвинительного заключения, а именно: обвинение в контрабанде наличных денежных средств не было конкретизировано. Следствие не уточнило, в чем именно заключаются «текущие расходы», заявленные подсудимой, и какие именно сведения в таможенной декларации были искажены. Органами следствия не вменено, какие именно требования права ЕАЭС и законодательства РФ не соблюдены обвиняемой при вывозе валюты [7].

Указанный пример показывает, что нормы ст. 200.1 УК РФ носят бланкетный характер, требующий обращения к положениям иных отраслей законодательства. Прежде всего, следует руководствоваться нормами таможенного законодательства ЕАЭС, в которых содержится понятие незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС предметов контрабанды, которые, соответственно, конкретизируют содержание объективной стороны контрабанды денежных средств и денежных инструментов, включая возможные способы совершения таких преступлений.

Таким образом, особенность регламентации ответственности за контрабанду денежных средств проявляется в юридической конструкции ст. 200.1 УК РФ.

Другой вопрос, возникающий в связи с квалификаций контрабанды, предметом которой становятся денежные средства и денежные инструменты, возникает относительно характеристики субъективной стороны преступления. В настоящее время обязательным признаком состава соответствующего преступления является прямой умысел, что представляется весьма обоснованным и логичным законодательным

решением. Однако в качестве обязательных признаков законодатель не называет мотив и цель совершения контрабанды.

Представляется, что это упущение указывает на недооцененный характер общественной опасности такого вида контрабанды, поскольку лицо, перемещающее денежные средства через границу определенного государства, совершает эти действия не просто с целью переместить, а, как правило, с целью легализовать эту денежную сумму на территории другого государства. Такой преступный замысел, бесспорно, указывает на высокий уровень общественной опасности подобных деяний, влекущих наступление последствий, ударяющих по экономической безопасности российского государства и дестабилизирующих финансовую систему.

Перемещение через границу Евразийского экономического союза денежных средств, особенно в крупном размере, непосредственно связано с легализацией преступных доходов, а также может способствовать финансированию терроризма, вооруженных формирований и т. п.

В соответствии с вышеизложенным, следует отметить, что положения ст. 200.1 УК РФ представляют собой уголовно-правовую характеристику относительно нового вида контрабанды, точнее относят соответствующий вид контрабанды к преступлению с самостоятельным составом.

Такое законодательное решение обусловлено, прежде всего, спецификой предмета контрабанды и объективной стороной преступления.

На практике вызывает вопросы недостаточно четкая характеристика субъективной стороны контрабанды денежных средств и (или) денежных инструментов, что свидетельствует о необходимости совершенствования данного института. Тем более что общественные отношения, которые становятся объектом исследуемого преступления, связаны с необходимостью обеспечения экономической безопасности государства и стабильным функционированием внешнеэкономической деятельности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Гарант».
2. Астахова Ю.А. Особенности классификации финансовых инструментов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-klassifikatsii-finansovyh-instrumentov/viewer> (дата обращения: 02.10.2025).
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов; отв. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарог; 13-е изд., перераб. и доп.) [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77133406/paragraph/3009/doclist/1208/2/0/0:8> (дата обращения: 01.10.2025).

4. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatelnost-/informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-i-doznaniya/document/617555> (дата обращения: 01.10.2025).

5. Приговор Кяхтинского районного суда Республики Бурятия от 05.06.2025 г. по делу № 1-93/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/347036265/paragraph/21/doclist/6744/5/0/0/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2:1> (дата обращения: 02.10.2025).

6. Постановление Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан от 15.08.2023 г. по делу № 1-25/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/338415208/paragraph/1/doclist/6744/23/0/0/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2:6> (дата обращения: 02.10.2025).

7. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 14.08.2012 г. по делу № 1-383/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/300683603/paragraph/3/doclist/7192/15/0/0/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2:8> (дата обращения: 01.10.2025).

Об авторе:

ГАЙДАШОВ Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8568-1770, AuthorID: 293534, e-mail: Gaydashov.AV@tversu.ru

Criminal and legal characteristics of contraband of money and (or) money instruments: theoretical and practical aspects

A.V. Gaidashov

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of legal regulation of the contraband of money and money instruments. It should be noted that the danger of such contraband has increased recently. The article presents a view on the need for special regulation of liability for the smuggling of money and monetary instruments. This should be related both to the proper legislative definition of

the subject of the crime and to the correct classification of the relevant acts in practice. Achieving the goals of criminal proceedings is impossible without properly addressing the issue of compensation for damage caused by crimes. We believe that key aspects of compensation, such as the methods of compensation, the procedure, and the time limits, should be clearly defined at the legislative level. Research methods include formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), complexity, and a systematic approach.

Keywords: *economic security, smuggling, funds, monetary instruments, and the EAEU customs border.*

About author:

GAYDASHOV Alexander – PhD in Law, assistant professor of the department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 8568-1770, AuthorID: 293534, e-mail: Gaydashov.AV@tversu.ru

Гайдашов А.В. Уголовно-правовая характеристика контрабанды денежных средств и (или) денежных инструментов: теоретические и практические аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025 № 4 (84). С. 144–150.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Правовая культура и готовность бизнеса к партнерской модели государственного надзора: социолого-правовой анализ

А.Э. Гапич¹, Д.В. Переварюха²

¹ ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь

² ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу правовой культуры предпринимательского сообщества в условиях реформирования системы контрольно-надзорной деятельности. Целью исследования является выявление структурных характеристик правовой культуры, факторов, определяющих ее уровень, и барьеров, препятствующих развитию профилактических и партнерских моделей взаимодействия бизнеса с надзорными органами. Эмпирическую базу составили данные социологического опроса предпринимателей Северо-Кавказского федерального округа, проведенного с использованием стандартизированной анкеты, включающей блоки по восприятию процедур контроля, административного давления, прозрачности, готовности к применению цифровых инструментов и установок на профилактику правонарушений. Для количественной оценки был сконструирован интегральный индекс правовой культуры. Наиболее высокие значения индекса зафиксированы среди предпринимателей, оценивающих проверки как полностью прозрачные, не испытывающих административного давления и взаимодействующих с надзорными органами в партнерском формате. Отдельное внимание уделено анализу цифрового блока, который показал существенный разрыв между высокой декларативной готовностью к применению цифровых и самопроверочных инструментов и низким уровнем их фактического использования. В статье обосновано, что ключевыми направлениями повышения правовой культуры предпринимателей являются обеспечение прозрачности и предсказуемости процедур, продолжение курса на минимизацию давления в ходе проверок, развитие партнерской модели надзора и стимулирование использования цифровых инструментов. Полученные результаты имеют как теоретическое значение для развития социологии права, так и прикладную ценность для оптимизации регуляторной политики и выработки эффективных управленческих решений в сфере взаимодействия государства и бизнеса.

Ключевые слова: правовая культура, контрольно-надзорная деятельность, административное давление, партнерская модель надзора, цифровизация, профилактическое правоприменение, правовое доверие, социология права.

В современных условиях становления правового государства в России особую значимость приобретает анализ правовой культуры

предпринимателей, поскольку именно она становится важнейшим основанием для формирования устойчивых и легитимных механизмов взаимодействия бизнеса и государства. Правовая культура предпринимателя охватывает не только уровень знаний о праве и законодательстве, но и ценностные ориентации, правовую активность, а также способность к поведению в соответствии с правовыми нормами, что представляется в новейших исследованиях российской правовой науки как ключевой ресурс правосознания и эффективного регулирования предпринимательской деятельности [11].

Анализ правовой науки свидетельствует, что в настоящее время правовая культура предпринимателей в России носит сравнительно молодой характер, что обусловлено исторически сложившимися нормативными барьерами, значительной ролью теневой экономики и недостаточно развитой правовой и институциональной средой [5]. Именно эти условия обуславливают необходимость исследования правосознания как набора представлений, чувств и убеждений, определяющих правомерное поведение экономических субъектов. Последовательно исследуя правовую культуру бизнес-среды, можно выстраивать стратегии правовой и институциональной поддержки малых и средних предприятий, способствующие устойчивому развитию и снижению рисков правонарушений.

В рамках современной правовой науки отмечается, что правовая культура представляет собой интегральный феномен, включающий когнитивный, эмоционально-ценностный и поведенческий компоненты, важные на уровне как личности, так и социальной группы [7]. При этом предприниматели составляют особую категорию, формирующую правовую культуру группы, одновременно влияющую на социальную структуру и системный уровень правопорядка. В этой связи необходимо системное исследование того, как именно особенности предпринимательского правосознания отражаются в практике взаимодействия с государственными институтами.

Российские исследования демонстрируют, что высокий уровень правовой культуры предпринимателей способствует более активному использованию правовых механизмов защиты и снижает конфликтность правоотношений [8]. Низкий же уровень правосознания предпринимателей коррелирует с пассивностью, недоверием к государственным институтам и ограничением возможностей конструктивного диалога. Именно эти аспекты оказывают негативное влияние на качество правоприменительной практики и создают институциональные барьеры для бизнеса.

Таким образом, системное социолого-правовое исследование структуры правовой культуры предпринимателей, в особенности взаимосвязей между правовым сознанием, готовностью к партнерской модели надзора и восприятием цифровых инструментов, представляется

крайне актуальным и своевременным. Данная тематика не только способствует расширению теоретических инструментов правовой культуры, но и предлагает практические ориентиры для корректировки надзорных и образовательных стратегий, направленных на укрепление доверия между бизнесом и государством.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет комплекс современных подходов правовой и социологической науки, обеспечивающих целостное изучение правовой культуры предпринимателей в контексте формирования партнерской модели государственного надзора. Базовой концептуальной рамкой выступает социология права, в границах которой правовая культура рассматривается как интегративная характеристика правосознания, правовой активности и модели правомерного поведения, формируемой в конкретных социальных и институциональных условиях. Именно в данном контексте используется определение правовой культуры как системного явления, включающего когнитивный, ценностно-мотивационный и поведенческий компоненты [3, с. 27–35].

Существенное значение для данного исследования имеют идеи М. Вебера о рационально-правовом типе господства, позволяющие интерпретировать легитимность административных практик через признание их правомерности и соответствия ценностным ориентирам предпринимательской среды [1]. Концепция процедурной справедливости Т. Тайлера применяется для анализа взаимосвязи между восприятием справедливости инспекционных процедур и готовностью предпринимателей к сотрудничеству с надзорными органами [13]. При интерпретации данных опроса используется теория правового сознания П. Эвика и С. Силби, раскрывающая вариативность отношения к праву через нарративы «перед законом», «с законом» и «против закона», что позволяет типологизировать предпринимателей по их установкам и поведенческим стратегиям [12].

Для оценки влияния цифровизации и профилактических мер на формирование правовой культуры применяются положения современной российской правовой науки о правовой социализации и адаптации субъектов предпринимательства к изменяющейся регуляторной среде [9]. Особое внимание уделяется концепции «партнерского надзора» как разновидности сервисной модели административного взаимодействия, в которой акцент смещается с карательных мер на предупреждение нарушений, разъяснение требований и развитие правовой компетентности бизнеса [10, с. 63–75].

Методологически исследование опирается на сочетание нормативно-правового анализа, социологического подхода к измерению правовой культуры и статистических методов обработки данных. Используются результаты репрезентативного опроса предпринимателей в Северо-Кавказском федеральном округе, позволяющие построить

интегральные индексы правовой информированности, ориентации на профилактику, готовности к цифровому взаимодействию и общей правовой культуры. Для выявления латентных структурных взаимосвязей между этими показателями применяется факторный анализ и моделирование структурными уравнениями (SEM), что позволяет количественно оценить вклад различных факторов в формирование правовой культуры и готовности к партнерской модели надзора.

Важным методологическим ресурсом настоящего исследования являются работы российских ученых-правоведов, которые рассматривают правовую культуру как ключевой элемент правового развития общества и основу устойчивых государственно-правовых отношений. В трудах М.Н. Коротких правовая культура определяется как «качественное состояние правовой жизни общества», включающее уровень развития правосознания, степень правовой активности и качество правоприменительной практики [6]. Такой подход позволяет рассматривать предпринимательскую правовую культуру не только как частный аспект общей правовой культуры, но и как особую подструктуру, имеющую собственные ценностные ориентиры, регулятивные механизмы и социальные функции.

Анализ предпринимательского правосознания в контексте правового регулирования экономических отношений опирается на исследования В.Н. Гуляихина, акцентирующего внимание на взаимосвязи правовой социализации, профессиональной правовой компетенции и эффективности применения норм права [4]. Ученый подчеркивает, что устойчивость правовой культуры предпринимателей напрямую связана с их способностью интегрировать правовые нормы в повседневную деловую практику, что требует комплексной правовой адаптации и высокой степени правовой информированности.

С точки зрения теории правового государства значимыми являются выводы С.В. Володиной о необходимости «правового доверия» между государством и гражданами, в том числе субъектами экономической деятельности [2]. Данная концепция коррелирует с целями партнерской модели надзора, в основе которой лежит признание взаимной ответственности и прозрачности в процессе контрольно-надзорных мероприятий.

Методологически данное исследование опирается на синтез указанных концепций с применением эмпирических данных репрезентативного социологического опроса, что позволило интегрировать нормативно-правовой анализ с инструментарием прикладной социологии права. Подобный подход способствует выявлению не только формально-юридических, но и социокультурных детерминант правовой культуры предпринимателей, что обеспечивает комплексное и многоуровневое рассмотрение исследуемого феномена.

Таким образом, теоретико-методологическая основа исследования сочетает положения классической и современной социологии права, правовой теории, эмпирической социологии и прикладной юридической аналитики, обеспечивая комплексное изучение правовой культуры предпринимателей как многомерного и динамичного явления.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе данных репрезентативного социологического опроса предпринимателей, ведущих хозяйственную деятельность в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Целью опроса явилось выявление особенностей правовой культуры бизнес-сообщества и факторов, влияющих на готовность к партнерской модели взаимодействия с органами государственного контроля и надзора.

Выборочная совокупность составила 349 респондентов, что обеспечивает статистическую надежность полученных результатов при уровне значимости 0,05 и допустимой ошибке выборки не более $\pm 5\%$. Отбор участников проводился по стратификационному принципу с учетом организационно-правовой формы, отраслевой принадлежности, численности персонала и годового оборота. В отраслевом срезе выборки преобладали субъекты предпринимательства, работающие в сфере услуг (35,7 %) и розничной и оптовой торговли (27,2 %). Значимую долю составили представители аграрного сектора (14,6 %), строительной отрасли (9,8 %) и промышленного производства (8,4 %). Оставшиеся 4,3 % респондентов осуществляют деятельность в иных направлениях, включая информационные технологии, транспорт и сферу креативных индустрий.

Сбор данных проводился в онлайн-формате посредством стандартизированной анкеты, включающей 41 вопрос, сгруппированный в пять логических блоков. Для измерения установок применялись номинативные и порядковые шкалы, в том числе пятибалльные Лайкертовские, позволившие построить интегральные индексы правовой культуры, профилактической ориентации и цифровой готовности.

Обработка данных включает многоступенчатый статистический анализ. На первом этапе был выполнен описательный анализ и рассчитаны частотные распределения, на втором проведен корреляционный анализ взаимосвязей между ключевыми показателями. Заключительный этап состоял в реализации факторного анализа для выделения структурных компонентов правовой культуры и построении модели структурных уравнений, позволившей количественно оценить влияние отдельных факторов на общий индекс правовой культуры.

Качество данных обеспечивалось применением фильтрующих вопросов, проверкой на внутреннюю согласованность ответов и исключением анкет с явно противоречивой или неполной информацией. Данный подход позволил не только достичь высокой валидности результатов, но и выявить типологические группы предпринимателей,

различающиеся по уровню правовой культуры, установкам на сотрудничество с государственными органами и восприимчивости к цифровым инструментам правоприменения.

Анализ массива эмпирических данных, полученных в ходе социологического опроса предпринимателей, позволил выявить ключевые особенности правовой культуры бизнес-сообщества Северо-Кавказского федерального округа и их взаимосвязь с восприятием контрольно-надзорной деятельности.

Для комплексной оценки правовой культуры предпринимателей были выделены три интегральных индекса: ядро правовой культуры (включает доверие к инспекторам и проверяющим, восприятие проверок как защиты общественных интересов, убежденность в их профилактической ценности и этичности действий проверяющих); превентивно-цифровая ориентация (готовность к использованию самопроверок, цифровых сервисов, участию в пилотных проектах, поддержка перехода от карательной модели к профилактической) и индекс восприятия давления (уровень субъективного ощущения угрозы, непредсказуемости и формальности проверок, показатель устойчивости к восприятию проверок как репрессивных процедур). На основе представленных компонентов был рассчитан интегральный индекс правовой культуры, позволивший количественно зафиксировать как общее состояние правовой культуры, так и внутреннюю дифференциацию ее составляющих.

Среднее значение индекса в выборке составило 3,07 балла по пятибалльной шкале, что соответствует умеренному уровню правовой культуры при выраженной неоднородности распределения: 23,7 % респондентов имеют низкие значения индекса ($<2,5$), 55,9 % – средние (2,5–3,5) и лишь 20,4 % – высокие ($>3,5$). При этом ядро правовой культуры оказалось наиболее уязвимой составляющей (2,7), свидетельствующей о дефиците доверительных и партнерских установок в предпринимательской среде. Превентивно-цифровая ориентация, напротив, демонстрирует сравнительно высокие значения (3,71), указывая на готовность бизнеса к более современным и сервисным форматам взаимодействия с надзорными органами. Индекс восприятия давления находится на уровне 2,77, отражая сохраняющуюся значимость фактора административного давления и неопределенности в правоприменительной практике.

Сопоставление значений индекса правовой культуры с оценками прозрачности проверочных процедур показало, что предприниматели, воспринимающие процесс проверок как полностью прозрачный, имеют значительно более высокий индекс правовой культуры (3,44) в сравнении с теми, кто считает его частично прозрачным (2,87) или непрозрачным (2,92). Аналогичная закономерность выявлена и по параметру административного давления. Его отсутствие связано с максимальными

значениями индекса (3,33), тогда как при наличии давления индекс падает до 2,88. Полученные данные свидетельствуют о том, что восприятие процедурного качества надзора и субъективное ощущение безопасности взаимодействия являются критическими детерминантами формирования правовой культуры.

Анализ предпочтений в сфере профилактических и проверочных форматов выявил преобладание запроса на некарательные модели. Так, 45,7 % опрошенных назвали наиболее эффективным визит без назначения санкций (аудит), 28,0 % указали самопроверку с чек-листом, и лишь 14,5 % респондентов отдали предпочтение классической проверке. При этом использование цифровых инструментов для соблюдения требований остается ограниченным. Более половины респондентов (58,6 %) не знают о таких сервисах, а 21,0 % опрошенных используют их и считают полезными. Еще 3,4 % участников исследования предпочитают традиционные бумажные форматы, а 7,0 % предпринимателей отказались от их применения в силу различных неудобств. Показательно, что даже среди тех, кто выражает готовность к цифровым практикам, уровень фактической вовлеченности остается низким.

Осведомленность о реформе контрольно-надзорной деятельности зафиксирована у 37,1 % респондентов, еще 38,2 % заявили об отсутствии информации, а 24,7 % опрошенных затруднились с ответом. При этом знание о реформе не демонстрирует статистически значимого влияния на уровень построенного индекса (3,16 у осведомленных против 3,09 у неосведомленных). Представленные данные позволяют предположить, что ключевым фактором изменения правовой культуры являются не декларативные знания о нормативных изменениях, а личный опыт взаимодействия с надзорными органами и качество самих процедур.

Максимальные значения индекса правовой культуры зафиксированы у респондентов, описывающих взаимодействие как партнерское (3,42), тогда как при нейтральной модели индекс составляет 3,09, а при силовой снижается до 2,85. Таким образом, наличие партнерской модели взаимодействия сопровождается ростом индекса на 0,57–0,28 пункта по сравнению с иными стилями отношений. Выявленная тенденция является одним из наиболее значимых драйверов формирования правовой культуры предпринимательского сообщества.

Совокупность выявленных зависимостей подтверждает, что ключевыми условиями повышения правовой культуры являются обеспечение полной прозрачности контрольно-надзорных процедур, минимизация давления на бизнес в процессе проверок и развитие партнерских форм взаимодействия. Именно данные факторы обладают комплексным воздействием. Они одновременно повышают доверие к инспекторам, укрепляют установки на профилактическое

правоприменение и стимулируют реальное использование цифровых и самопроверочных инструментов.

Полученные результаты позволяют также сделать вывод о том, что правовая культура предпринимательского сообщества макрорегиона находится в состоянии переходного баланса между устоявшейся моделью восприятия контроля как угрозы и формирующимися установками на профилактику и цифровизацию. Доверительный и партнерский компоненты правовой культуры остаются недостаточно развитыми, несмотря на высокий потенциал для их укрепления при условии повышения прозрачности и предсказуемости взаимодействия. Выявленный разрыв внедрения между готовностью к современным форматам контроля и фактическим их использованием подтверждает необходимость комплексных мер, направленных на упрощение доступа к цифровым сервисам, повышение их удобства и включение в повседневную деловую практику.

Полученные в ходе исследования данные позволяют критически осмыслить современные тенденции формирования правовой культуры предпринимательского сообщества в макрорегиональном контексте. Умеренный средний уровень интегрального индекса правовой культуры при значительной внутригрупповой дифференциации указывает на то, что в бизнес-среде сосуществуют как устойчивые традиционные модели правового поведения, ориентированные на минимизацию взаимодействия с надзорными органами, так и более современные установки, предполагающие готовность к сотрудничеству в профилактическом формате. Подобная неоднородность свидетельствует о том, что правовая культура в рассматриваемом сегменте находится в стадии трансформации и вектор ее развития определяется сочетанием институциональных условий и индивидуальных правосознательных ориентаций.

Важным результатом исследования стало выявление высокой чувствительности индекса правовой культуры к восприятию процедурной прозрачности и отсутствию административного давления. Эти параметры, по сути, выступают операциональными индикаторами качества правоприменительной среды. В частности, чем выше предсказуемость и прозрачность взаимодействия с государственными структурами, тем сильнее выражена готовность бизнеса интегрировать правовые нормы в повседневную деятельность. Данный вывод согласуется с концепцией процедурной справедливости Т. Тайлера, согласно которой легитимность власти во многом опирается на восприятие справедливости и ясности процедур, даже при сохранении исходного объема регулятивных требований.

Результаты также подтверждают, что развитие партнерской модели надзора способно оказывать мультипликативный эффект на правовую культуру предпринимателей. Повышение индекса среди респондентов,

описывающих взаимодействие с надзорными органами как партнерское, демонстрирует, что такая модель не только снижает конфликтность, но и укрепляет ценностно-нормативный компонент правосознания. Это соотносится с положениями современной российской правовой науки, в которой акцентируется значение «правового доверия» как системного ресурса для устойчивого взаимодействия государства и бизнеса.

Отдельного внимания заслуживает выявленный разрыв между готовностью предпринимателей к использованию цифровых и самопроверочных инструментов и фактическим уровнем их применения. Несмотря на высокий потенциал цифровизации как механизма профилактики правонарушений, реальная вовлеченность в эти процессы остается ограниченной. Это позволяет говорить о существовании барьеров внедрения, связанных, в первую очередь, с недостаточной информированностью респондентов о возможностях существующих цифровых сервисов. Таким образом, успешное развитие профилактической и сервисной модели надзора требует комплексных мер, включающих не только нормативно-правовое обеспечение, но и улучшение технологической и организационной инфраструктуры.

В более широком контексте полученные результаты иллюстрируют важность интеграции правовых и социокультурных подходов при анализе предпринимательского правосознания. Факторные зависимости, выявленные в исследовании, указывают на необходимость синхронного воздействия на когнитивный, ценностно-мотивационный и поведенческий компоненты правовой культуры.

Проведенное исследование позволило комплексно оценить уровень и структурные характеристики правовой культуры предпринимательского сообщества в условиях реформирования системы контрольно-надзорной деятельности. Результаты анализа свидетельствуют о том, что правовая культура бизнеса в регионе сохраняет черты переходного состояния. Наряду с устойчивыми установками на минимизацию взаимодействия с надзорными органами, фиксируется формирование готовности к профилактическим и цифровым форматам сотрудничества.

Интегральный индекс правовой культуры продемонстрировал умеренные средние значения при выраженной дифференциации внутри выборки. Существенная зависимость индекса от параметров процедурной прозрачности и отсутствия административного давления позволяет сделать вывод о том, что именно эти факторы играют определяющую роль в укреплении правовой культуры. Повышение предсказуемости, открытости и партнерского характера проверок способно не только улучшить восприятие надзорной деятельности, но и стимулировать интеграцию правовых норм в хозяйственную практику. Выявленный разрыв между высокой декларативной готовностью к использованию цифровых инструментов и низким уровнем их

фактического применения указывает на необходимость системного устранения барьеров внедрения.

Таким образом, повышение правовой культуры предпринимательского сообщества предполагает комплексную стратегию, включающую институциональное обеспечение прозрачности и предсказуемости контрольно-надзорных процедур, развитие сервисных и партнерских моделей взаимодействия, а также стимулирование реального использования цифровых и профилактических инструментов. Эти меры способны не только укрепить правовое доверие и снизить уровень конфликтности во взаимодействии государства и бизнеса, но и повысить общую эффективность правоприменения в экономической сфере.

Список литературы

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии // Экономическая социология. 2016. № 5. С. 13–27.
2. Володина С.В. Аксиология правового доверия: от конституционного измерения к практике медиации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 9 (121). С. 185–194.
3. Голубев И.В. Правовая культура: понятие и функции в контексте социокультурного подхода // Вестник экономики, управления и права. 2021. № 4 (57). С. 27–35.
4. Гуляихин В.Н., Фантров П.П. Теория и практика правовой социализации в контексте актуальных политических ценностей // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 43–49.
5. Капустин Д.С. Правовая культура российского предпринимателя: проблемы, пути решения // Молодой ученый. 2025. № 23 (574). С. 314–316 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/574/126265/> (дата обращения: 08.10.2025).
6. Коротких М.Н. Правовая культура российского общества: векторы развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-rossiyskogo-obschestva-vektory-razvitiya> (дата обращения: 10.07.2025).
7. Медведев В.А. Правовая культура: понятие, сущность и современные тенденции развития // Oeconomia et Jus. 2022. № 2. С. 82–88.
8. Мингалев А.А. Взаимосвязь правосознания, правовой системы и правовой информации в системе построения бизнеса российскими предпринимателями // Вестник науки. 2023. № 10 (67). С. 151–160.
9. Сироткин А.А. К вопросу о влиянии цифровизации на состояние правовой культуры российского общества // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). С. 119–124.
10. Спиридонов А.А. Особенности модели контрольно-надзорной деятельности в рамках развития механизмов государственного управления в России: конституционно-правовой взгляд // Lex Russica. 2023. № 1 (194). С. 63–75.

11. Фазылова Л.Р., Королева Д.В. Влияние правовой культуры на использование предпринимателями способов защиты прав // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 11-4. С. 195–198.

12. Silbey S. After Legal Consciousness // *Annual Review of Law and Social Science*. 2005. Vol. 1, pp. 323–368.

13. Tyler T.R. Procedural justice, legitimacy, and the effective rule of law // *Crime and Justice: A Review of Research*. Vol. 30. Chicago; London: University of Chicago Press, 2003. P. 431–505.

Об авторах:

ГАПИЧ Александр Эрикович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь; SPIN-код: 7282-3237, AuthorID: 140336, e-mail: eversor@mail.ru

ПЕРЕВАРЮХА Диана Валерьевна – проректор ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Perevaryukha.DV@tversu.ru

Legal culture and business readiness for a partnership model of state oversight: a sociological and legal analysis

A.E. Gapich¹, D.V. Perevaryukha²

¹ North Caucasus Federal University, Stavropol

² Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of the legal culture of the business community in the context of reforming the system of control and supervisory activities. The purpose of the study is to identify the structural characteristics of the legal culture, the factors determining its level, and the barriers that hinder the development of preventive and partnership models of interaction between business and supervisory authorities. The empirical base was made up of data from a sociological survey of entrepreneurs in the North Caucasus Federal District, conducted using a standardized questionnaire, including blocks on the perception of control procedures, administrative pressure, transparency, readiness to use digital tools and attitudes towards preventing offenses. For a quantitative assessment, an integral index of legal culture was constructed. The highest index values were recorded among entrepreneurs who assess inspections as completely transparent, do not experience administrative pressure and interact with supervisory authorities in a partnership format. Special attention is paid to the analysis of the digital block, which showed a significant gap between the high declarative readiness to use digital and self-verification tools and the low level of their actual use. Comparison of the legal culture index with the reform awareness parameter showed no statistically significant differences, which confirms the paramount importance of the quality of practical interaction for the formation of legal culture.

Keywords: *legal culture, control and supervisory activities, administrative pressure, partner model of supervision, digitalization, preventive law enforcement, legal trust, sociology of law.*

About authors:

GAPICH Alexander – Ph.D in Sociology, associate professor of the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol; SPIN-code: 7282-3237, AuthorID: 140336, e-mail: eversor@mail.ru

PEREVARYUKHA Diana – Diana Perevaryukha vice-rector Tver State University, Tver (33 Zhelyabova Street, Tver, 170100), e-mail: Perevaryukha.DV@tversu.ru

Гапич А.Э., Переварюха Д.В. Правовая культура и готовность бизнеса к партнерской модели государственного надзора: социолого-правовой анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 151–162.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Гражданско-правовые споры по договорам о комплексном развитии территории: обзор актуальной судебной практики

Ф.Ф. Жуков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются гражданско-правовые споры, возникающие между сторонами договоров о комплексном развитии территории. Предметом исследования выступают судебные акты по спорам относительно договоров о комплексном развитии территории. Цель исследования: выявление актуальных проблем, возникающих у сторон такого договора и лиц, его заключающих, и предложения по системному решению этих проблем. Задачи: отобрать наиболее интересные в рамках заданной темы судебные акты, определить способы разрешения этих проблем судами, раскрыть недостатки этих способов. Методы, использованные автором: диалектический, анализа, синтеза, сравнения судебной практики.

Ключевые слова: комплексное развитие территории, договор комплексного развития территории, судебная практика, арбитражные суды, градостроительство, заключение договора, изменение договора, прекращение договора, отказ в заключении договора, преддоговорные споры, правообладатель.

Конец 2025 года ознаменуется небольшим, но важным пятилетним юбилеем появления в Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее – ГрК РФ [3]) института комплексного развития территории (далее – КРТ), который удостоился отдельной – уже десятой по счету – главы ГрК РФ, и пришел на смену утратившей силу гл. 5.1 ГрК РФ о комплексном освоении территорий [4].

По утверждению Министерства строительства Российской Федерации, в 78 субъектах Российской Федерации в стадии реализации находятся проекты КРТ общей площадью 107 623,6 тыс. га с градостроительным потенциалом 176,4 млн кв. м, в том числе жилой площади 132,06 млн кв. м., было принято 881 решение о КРТ (из них 329 решений о КРТ жилой застройки) общей площадью 16,7 тыс. га с градостроительным потенциалом 129 млн кв. м, из них 90,9 млн кв. м жилой площади [8].

А коль скоро в регионах реализуются программы КРТ, неизбежны судебные споры. В рамках настоящей публикации нами были изучены все имеющиеся частноправовые и публичные споры, прямо или косвенно относящиеся к КРТ (всего 648 судебных актов судов различных инстанций), но в рамках настоящей публикации для нас представляют

интерес исключительно цивилистические споры сторон КРТ, а именно: относительно заключения, изменения и прекращения договоров о КРТ, ответственности и недействительности указанных договоров. Не претендуя на абсолютную репрезентативность, работа призвана обозначить актуальные вопросы по заданной теме, показать наиболее интересные, на наш взгляд, судебные акты и проблемы, которые в них обсуждаются.

Полагаем, что уже само определение договора о КРТ просто не может не являться предпосылкой для возникновения споров: договор КРТ «...заключается в целях реализации решения о КРТ с победителем торгов, проведенных в соответствии со статьей 69 настоящего Кодекса, либо с иным участником торгов, определяемым в соответствии с указанной статьей, либо с правообладателями земельных участков и (или) объектов недвижимости в соответствии с пунктом 4 части 7 статьи 66 и со статьей 70 настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 70 ГрК РФ) [3]. Из прочтения дефиниции сразу возникают вопросы. Какова его правовая природа: частная, публичная или смешанная (см., например: [6])? Какую в таком случае имеет правовую природу его гражданско-правовая часть (товарищество, строительный подряд и т. д.) (см., например: [7])? Каков субъектный состав правоотношений лиц по КРТ? Каковы их права и обязанности? С какого момента начинается КРТ – принятия соответствующего решения или заключения договора о КРТ? Как будет показано ниже, указанные аспекты уже в полной мере проявляются при рассмотрении дел судами.

При этом, отмечая безусловную полезность введения КРТ и приветствуя темпы его развития в масштабах страны, мы не можем не констатировать, что в Тверской области, во всяком случае, если ориентироваться на данные из открытых источников, пока не реализуются программы КРТ, соответственно, мы не можем привести ни одного примера из судебной практики судов Тверского региона.

Для удобства далее по тексту мы будем называть лиц, заключивших договор на торгах, инвесторами, а правообладателей недвижимости, пожелавших самостоятельно застроить свою территорию, собственно правообладателями.

Заключение договора о КРТ.

Заключение договора о КРТ производится по результатам торгов (для не-правообладателей) либо без таковых (для правообладателей) (ч. 1 ст. 69 ГрК РФ).

Заключение договоров о КРТ по результатам торгов осуществляется по общим правилам ст. 447 и 448 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], сами торги проводятся по Правилам проведения торгов на право заключения договора о КРТ [5].

Большинство дел, связанных с заключением договоров на торгах, рассматривается в контексте оспариваний результатов торгов [14, 12] или

ненормативных актов антимонопольного органа, установившего или не установившего какие-либо нарушения при проведении торгов (см., например: [13]), но сама процедура торгов и соблюдение требований правовых актов при их проведении в рамках заданной темы нас не интересуют, приведем более интересный пример.

Решением Арбитражного суда города Москвы, оставленным без изменения вышестоящими судами, частично удовлетворен иск правообладателей об урегулировании разногласия в части вступления в силу договора о КРТ (с момента вступления в силу судебного акта по делу), установлен срок действия договора – 9 лет, установлены параметры строительства и обязанности сторон по договору, размер ответственности правообладателей перед органом власти за неисполнение отдельных обязательств, в остальной части иска отказано [16]. Удовлетворяя иск частично, суд руководствовался п. 1 ст. 421 ГК РФ о свободе договора, ст. 68 и 70 ГрК РФ о содержании договора о КРТ и возможности правообладателей предлагать условия договора по своему усмотрению, п. 2 ст. 445 ГК РФ – при отклонении протокола разногласий либо неполучении извещения о результатах его рассмотрения в указанный срок сторона, направившая протокол разногласий, вправе передать разногласия, возникшие при заключении договора, на рассмотрение суда.

Данный кейс любопытен по двум причинам: во-первых, у правообладателей, в отличие от инвестора, заключившего договор на торгах, больше возможностей согласовать его условия, во-вторых, он ставит под сомнение позицию ряда исследователей о том, что договор о КРТ носит в себе элементы административного договора.

Еще один пример – о согласовании судом условий договора о КРТ. Правообладатели обратились с иском к органу власти об урегулировании разногласий, возникших при заключении договора о КРТ.

Орган власти – сторона договора о КРТ – обратился к инвестору с иском об обязанности заключить дополнительное соглашение к договору о КРТ.

По мнению органа власти, инвестор, заключив договор о КРТ, принял на себя обязательства о необходимости заключения дополнительного соглашения о безвозмездной передаче в публичную собственность всех объектов коммунальной и транспортной инфраструктур в границах КРТ, в связи с чем истец просит обязать ответчика заключить дополнительное соглашение к договору о КРТ об утверждении перечня объектов транспортной и коммунальной инфраструктуры и необходимости определить их параметры на стадии проектирования.

Частично удовлетворяя требования после отмены «отказного» решения кассационным судом, Арбитражный суд Алтайского края обязал стороны заключить дополнительное соглашение о передаче

объектов инфраструктуры и определении параметров на стадии проектирования. Решение не обжаловалось и вступило в силу [20].

В ходе рассмотрения дела суды пришли к следующим выводам:

– учитывая правовую природу договора об осуществлении технологического присоединения, не подразумевается передача возведенных сетевой организацией в рамках выполнения обязанностей по договору объектов, с помощью которых будет осуществляться подача ресурса, в собственность заказчика и муниципального образования, соответственно, сети, которые инвестор возводил не за свои средства, в собственность публичного образования перейти не могут;

– спор сторон квалифицирован не как вытекающий из принудительного внесения изменений в договор судом, а как понуждение к заключению договора стороной, для которой заключение такого договора является обязательным (п. 1 ст. 421, п. 4 ст. 445 ГК).

Отказ в заключении договора о КРТ с правообладателями.

Правообладатели обратились в суд с иском о заключении на основании ч. 8 ст. 70 ГрК РФ договоров о КРТ на условиях проектов договоров каждого из истцов. Отменяя судебные акты нижестоящих судов об удовлетворении требований истцов, Арбитражный суд Северо-Западного округа указал, что территория, в границах которой предполагается осуществление КРТ, определяется в градостроительных документах, утверждение которых относится к компетенции соответствующих органов публичной власти в рамках осуществления ими полномочий в области градостроительной деятельности. Заключение договора о КРТ с правообладателем по его инициативе в отношении земельных участков в границах территории, не определенной градостроительными документами как подлежащей комплексному развитию, по сути означает наделение правообладателя полномочиями по принятию градостроительного решения об установлении территории, в границах которой следует осуществлять комплексное развитие [15].

Данный казус обнаруживает следующую проблему: действующий механизм КРТ, даже при наличии инициативных правообладателей, ограничен необходимостью внесения изменений в градостроительные документы. Но коль скоро государство декларирует поддержку развития территорий, было бы логично совместить процедуру внесения изменений в градостроительные документы одновременно с процедурой заключения договора с правообладателями.

Изменение договора о КРТ.

Инвестор обратился с иском в суд к органу власти – стороне договора о КРТ – о признании незаконным отказа о продлении срока действия договора, продлении срока действия договора о КРТ и изменении ряда условий договора. Первоначально иск был удовлетворен, но после отмены судебных актов кассационным судом в иске было отказано [10]. Суды указали, что существенными обстоятельствами,

имеющими значение для рассмотрения настоящего дела, являются установление факта виновной просрочки исполнения органом власти обязательств, закрепленных в договоре и субсидиарно установленных законом, а также период данной просрочки. Суды установили, что инвестором не осуществляются какие-либо действия, направленные на исполнение обязательств, вытекающих из договора, т. е. допущена просрочка исполнения своих обязательств, в то время как орган власти допущенные им нарушения устранил. При таких обстоятельствах продление срока действия договора и внесение в него изменений неправомерно.

Суды, разрешая спор, применили общие положения об обязательствах (ст. 307, 307.1, 328 ГК РФ и ст. 450 ГК РФ об изменении договора).

Таким образом, для продления срока действия договора о КРТ истец должен представить достаточную совокупность доказательств того, что просрочка исполнения обязательств связана с виновными действиями другой стороны или произошла по иным, не зависящим от истца причинам.

К аналогичным выводам пришли суды при рассмотрении спора по делу № А07-8753/2022 [9].

При этом поиски дел о внесении изменений в договоры о КРТ по инициативе органов власти результатов не дали.

Ответственность по договору о КРТ.

Орган власти – сторона договора о КРТ – обратился с иском к инвестору о взыскании неустойки за просрочку выполнения обязательств по договору о КРТ (проектные и строительные работы). Суды в иске отказали, отметив, что инвестор принял все возможные меры для исполнения договора, а внесенные изменения в законодательство о КРТ объективно исключали возможность осуществления мероприятий (в частности, получение технических условий и договоров технологического присоединения) в сроки, предусмотренные договором [17].

Отказывая в иске, суды при разрешении спора руководствовались общими положениями ГК РФ об обязательствах, встречном предоставлении и освобождении должника от ответственности по обязательству в случае отсутствия такого предоставления (ст. 1, 8, 307, 328, 416, 423 ГК РФ).

Суды уклонились от квалификации отношений сторон, однако в их рассуждениях красной нитью проходит строительный подряд.

Любопытно, что при изучении судебных дел нами не было найдено ни единого спора о привлечении к ответственности органа власти, хотя, вероятно, подобные споры уже имеются.

Прекращение договора о КРТ.

Орган власти – сторона договора КРТ – обратился с иском к инвестору по договору о КРТ о расторжении данного договора. Основание иска: инвестором не исполнены обязательства, предусмотренные договором о КРТ, в предоставлении государственной услуги об утверждении документации ответчику отказано в связи с несоблюдением последним установленных требований, что повлекло нарушение предусмотренных планом-графиком сроков выполнения работ по договору и является основанием для расторжения договора.

Инвестор возражал, поскольку договор о КРТ не содержал перечня всех объектов, подлежащих сносу или реконструкции, и на стадии изучения документации, размещенной в составе извещения о проведении конкурса, ответчик был лишен возможности установить данный факт.

Решением Арбитражного суда Оренбургской области от 10.03.2025 г. исковые требования удовлетворены. Постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2025 г. решение было отменено, в удовлетворении исковых требований отказано [11]). Апелляционный суд принял во внимание следующие обстоятельства:

- инвестор не уклонялся от исполнения соответствующей обязанности как таковой, направлял документацию на утверждение, на что неоднократно получал отказы со стороны органа власти по различным основаниям;

- уже после заключения с органом власти договора о КРТ и при его исполнении установлен факт нахождения в зоне застройки объектов, сведения о которых ранее отсутствовали и не могли быть получены при ознакомлении с аукционной документацией.

- инвестор доводил до органа власти сведения об объектах и просил дать разъяснения о собственнике данного имущества и переносу объектов, но ответа на данные требования со стороны не получил, в направленных ответных письмах истец ограничивался констатацией факта отсутствия кадастрового учета объектов и указанием на необходимость исполнения обязательств по договору о КРТ в установленный срок.

Отменяя решение нижестоящего суда, апелляционный суд применил общую норму ст. 307, 309, 310 об обязательствах и ст. 450 ГК о расторжении договора и его неприменимости к рассматриваемой ситуации, тактично умолчав о том, какие нормы второй части ГК РФ применяются к спорному договору КРТ. Меж тем в рассуждениях суда красной нитью проходит необходимость содействия заказчика по смыслу ст. 718 и ст. 750 ГК РФ [2] о сотрудничестве сторон и отказе в защите права заказчика при нарушении данных предписаний.

Вероятно, это упущение апелляционного суда сможет устранить Арбитражный суд Уральского округа, который рассмотрит кассационную жалобу органа власти уже в ближайшее время.

Сведений о попытках инвесторов или правообладателей расторгнуть договор о КРТ в судебном порядке в открытых источниках не найдено.

Признание недействительным договора о КРТ.

Правообладатель обратился с иском о признании условия договора о КРТ недействительным (ничтожным) как несправедливого. Оспариваемым пунктом договора, что в случае невнесения представительным органом изменений в генеральный план в границах Территории в целях реализации настоящего договора в срок, установленный иным пунктом договора, настоящий договор прекращает свое действие и прекращается. Удовлетворяя иск и признавая пункт договора недействительным, суды отметили, что исполнение договора о КРТ предполагает совершение обеими его сторонами определенных действий, соблюдение определенных и притом длительных административных процедур, в том числе предполагающих несение имущественных затрат, в связи с чем такой договор заключается, как правило, на продолжительный срок, правила ГрК РФ об установлении оснований для расторжения договора вследствие отказа от него одной из сторон носят императивный характер, по крайней мере, в той части, в которой они касаются расторжения договора по требованию публичного органа. Стороны договора о КРТ не свободны в установлении условий о прекращении договора; при этом не имеет существенного значения то, какие формулировки использованы в предложенном ответчиком бланке договора; в данном случае спорный пункт содержит условие об автоматическом прекращении договора (отменительное условие, зависящее полностью от поведения иного местного органа) без учета волеизъявления истца (правообладателя земельных участков). Основание для удовлетворения иска: классическая формула «10+168 ГК РФ», ст. 157 ГК РФ (сделки, совершенные под условием), 416 ГК РФ (прекращение обязательства невозможностью исполнения), 422 ГК РФ (договор и закон), п. 1 ст. 450 ГК РФ (основания изменения и расторжения договора) [18].

Полагаем, данные выводы являются спорными: во-первых, правообладатель длительное время (более года после заключения договора о КРТ) не оспаривал спорный пункт, вероятно, его побудили сложности, с которыми он столкнулся при реализации КРТ и опасался за срыв проекта; во-вторых, при заключении договора у лица должно быть понимание того, что, как правильно указали суды, процедуре КРТ сопутствуют длительные и сложные административные процедуры; в-третьих, ничто не мешало правообладателю обратиться в суд с иском об урегулировании условий спорного пункта в судебном порядке или внесении в него изменений. К сожалению, на момент сдачи публикации в печать, кассационный суд не рассмотрит жалобу органа власти – стороны договора, но, полагаем, имеются основания для отмены

принятых по делу судебных актов и направления дела на новое рассмотрение.

Показательно, что в открытых базах нет сведений о том, что с требованиями признать недействительными договоры о КРТ полностью или с иском об оспаривании договора о КРТ обращался бы орган власти – сторона договора. Однако такие попытки предпринимались органами прокуратуры: так, например, были удовлетворены требования прокурора о признании недействительным пункта договора о КРТ об обязанностях инвестора в связи с несоответствием п. 5 ч. 4 ст. 68 ГрК РФ [19].

Выводы:

– судебная практика по гражданским спорам по договорам о КРТ пока необъемна, чтобы можно было ее систематизировать и обобщать, но тем не менее, как видно, споры появляются и отличаются разнообразием предметов (и это при том, что за рамками статьи административные споры, связанные с КРТ);

– перед судами неизбежно будут ставиться проблемы гражданско-правовой квалификации договоров о КРТ и применения к ним соответствующих положений второй части ГК РФ;

– совершенно четко прослеживается тенденция о специалитете требований: органы власти требуют расторжения договоров о КРТ, инвесторы и правообладатели пытаются их сохранять путем внесения изменений или признания недействительными в части.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства России от 04.05.2021 г. № 701 (ред. от 07.07.2025 г.) «Об утверждении Правил проведения торгов на право заключения договора о комплексном развитии территории, Правил определения начальной цены торгов на право заключения договора о комплексном развитии территории при принятии решения о комплексном развитии территории Правительством Российской Федерации и Правил заключения договора о комплексном развитии территории посредством проведения торгов в электронной форме и установлении случаев проведения торгов на право заключения 2 и более договоров о комплексном развитии территорий» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кирсанов А.Р. Договор о комплексном развитии территории: правовая природа и существенные условия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 7. С. 8–18.

7. Ляхова М.А. Правовая природа договора о развитии застроенной территории // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 834–841.

8. Мониторинг реализации механизма комплексного развития территорий субъектами Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/kompleksnoe-razvitie-territoriy/1-monitoring-realizatsii-mekhanizma-kompleksnogo-razvitiya-territoriy-subektami-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 30.10.2025).

9. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2025 г. № 18АП-6778/2025 по делу № А07-8753/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.08.2025 г. № 18АП-6741/2025 по делу № А07-5937/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.07.2025 г. № 18АП-4087/2025, 18АП-4089/2025 по делу № А47-7455/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10.06.2025 г. № 07АП-5654/2024 по делу № А27-22822/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.06.2025 г. № Ф01-1169/2025 по делу № А28-257/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2025 г. № 01АП-2114/2025 по делу № А43-40607/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.04.2025 г. № Ф07-439/2025 по делу № А56-21261/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.02.2025 г. № Ф05-259/2025 по делу № А40-38896/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.12.2024 г. № Ф08-9911/2024 по делу № А32-38226/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 15.11.2024 г. № 02АП-6264/2024 по делу № А28-6309/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2024 г. № 02АП-2034/2025 по делу № А28-7589/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Решение Арбитражного суда Алтайского края от 20.07.2023 г. по делу № А03-87/2022. [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eed62262-d7b7-4a99-ac35-8dc6f6ba876/297c1f1c-1bcc-428c-9fb7-7920c8aa5f1f/A03-87-2022_20230720_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.11.2025).

Об авторе:

ЖУКОВ Федор Федорович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), адвокат, SPIN-код: 6959-2925, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru

Civil law disputes over contracts on the integrated development of the territory: overview of current judicial practice

F.F. Zhukov

Tver State University, Tver

The object of the research is civil law disputes arising between the parties to the contracts on the integrated development of the territory. The subject of the study is court acts on disputes regarding the contracts on the integrated development of the territory. The purpose of the research is to identify the current problems that arise for the parties to such a contract and the persons who conclude it, and to propose a systematic solution to the identified problems. The objectives of the research are to identify the most interesting court acts within the given topic, to determine the ways of resolving these problems by the courts, and to reveal the shortcomings of these methods. The methods used by the author are dialectical, analysis, synthesis, and comparison of judicial practice.

Keywords: *integrated development of an area, integrated development agreement, judicial practice, arbitration courts, urban planning, conclusion of a contract, modification of a contract, termination of a contract, refusal to conclude a contract, pre-contractual disputes, and the copyright holder.*

About author:

ZHUKOV Fedor – PhD in Law, assistant professor at the department of civil law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), attorney, SPIN-code: 6959-2925, e-mail: Zhukov.FF@tversu.ru

Жуков Ф.Ф. Гражданско-правовые споры по договорам о комплексном развитии территории: обзор актуальной судебной практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 163–172.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Проблемные вопросы общей собственности супругов при банкротстве

М.С. Иванова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматривается проблема определения порядка удовлетворения требований кредиторов при реализации имущества, находящегося в совместной собственности супругов, в случае банкротства одного из них. Автор акцентирует внимание на соотношении общих и личных обязательств супругов в процессе реализации имущества должника в процедуре банкротства. Цель исследования заключается в обосновании правовой модели, обеспечивающей приоритетное исполнение общих обязательств супругов до раздела имущества и до исполнения личных обязательств каждого из супругов. Задачи исследования включают: анализ существующего подхода судебной практики к распределению средств от реализации совместного имущества супругов в банкротстве; выявление теоретических и практических противоречий в действующей модели; разработку альтернативной последовательности удовлетворения обязательств; формулирование принципов правового регулирования, обеспечивающих баланс интересов супругов и кредиторов. Объектом исследования выступают имущественные отношения супругов в условиях банкротства одного из них. Предметом исследования является механизм удовлетворения требований кредиторов при обращении взыскания на общее имущество. Методологическая база исследования включает системно-структурный, сравнительно-правовой и формально-логический методы, а также метод правового моделирования для выработки оптимальной последовательности расчетов между супругами и кредиторами.

Ключевые слова: *супруги, общий долг супругов, банкротство, общая совместная собственность, личный долг супруга, кредиторы.*

Для ученых и практиков сложными в контексте исследования вопросами были и остаются правоотношения, возникающие на стыке отраслей и институтов. В данной статье рассматривается одна из актуальных проблем применения законодательства о банкротстве при обращении взыскания на имущество супругов, находящееся в общей совместной собственности, когда процедура банкротства возбуждена в отношении одного из супругов. В этой ситуации неизбежно возникает проблема соотношения общих долгов супругов и личных обязательств должника, а также вопрос о том, в какой последовательности такие долги должны погашаться за счет средств, полученных от реализации супружеского имущества.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил [2], что в деле о банкротстве гражданина учитываются как требования кредиторов по личным обязательствам самого должника, так и требования по общим обязательствам супругов. Погашение этих требований за счет конкурсной массы осуществляется в следующем порядке. Сначала погашаются требования всех кредиторов, в том числе кредиторов по текущим обязательствам, из стоимости личного имущества должника и стоимости общего имущества супругов, приходящейся на долю должника. Затем средства, приходящиеся на долю супруга должника, направляются на удовлетворение требований кредиторов по общим обязательствам (в непогашенной части), а оставшиеся средства, приходящиеся на долю супруга должника, передаются этому супругу (п. 1 и 2 ст. 45 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1].

Таким образом, в судебной практике сложился подход, при котором реализованное совместное имущество супругов условно делится пополам: одна половина включается в конкурсную массу должника, другая резервируется за супругом, который не банкротится, до завершения расчетов с кредиторами. После этого из конкурсной массы погашаются как личные, так и общие долги. При недостаточности средств непогашенные общие долги взыскиваются за счет доли другого супруга.

Смоделируем ситуацию и применим положения, сформулированные Верховным Судом РФ.

Допустим, что муж и жена в браке взяли заем на имя мужа на 4 млн рублей. На сумму этого займа с добавлением общих супружеских средств приобретен в общую совместную собственность земельный участок, стоимостью 6 млн рублей. Указанный заем в соответствии со ст. 45 СК РФ будет общим долгом супругов, поскольку заемные денежные средства использованы в интересах семьи. При этом у мужа имеются личные долги, на погашение которых он взял кредит в банке на 1 млн рублей, это первый вариант. И второй вариант – при тех же условиях, но личные долги мужа уже 8 млн.

Банк предъявил требования к мужу в связи с неуплатой по кредиту, в итоге муж признан банкротом. Для первого случая, т. е. личного долга в размере 1 млн рублей и общего долга в размере 4 млн рублей порядок удовлетворения требований кредиторов будет следующим.

Имущество, в нашем примере земельный участок, находящийся в совместной собственности, стоимостью 6 млн рублей, продается с торгов. Полученная от реализации сумма условно делится пополам: 3 млн рублей включаются в конкурсную массу должника, а 3 млн рублей резервируются в пользу другого супруга, но временно не выдаются до завершения расчетов с кредиторами.

Общие долги супругов составляют 4 млн рублей, личные долги должника 1 млн рублей.

Из конкурсной массы должника, т. е. из 3 млн рублей, погашаются личные долги мужа (1 млн рублей) и 4 млн рублей общих долгов супругов (насколько хватит средств). После выплаты 1 млн рублей личных долгов у мужа остается 2 млн рублей, из которых покрывается часть общих долгов. непогашенная часть общих долгов составляет 2 млн рублей.

Эта непогашенная часть общих долгов взыскивается из средств, приходящихся на долю другого супруга (резерв 3 млн рублей). После уплаты оставшейся части общего долга 2 млн рублей за счет суммы, приходящейся на долю жены, остается 1 млн рублей, который передается этой самой жене.

В результате: общие долги 4 млн рублей погашены полностью, личные долги мужа-должника 1 млн рублей погашены полностью. Другому супругу возвращается 1 млн рублей. Баланс прав и интересов и кредиторов, и супругов восстановлен.

Таким образом, при небольшом объеме личных долгов должника доля другого супруга страдает минимально, ее уменьшение происходит лишь постольку, поскольку из нее покрываются непогашенные общие обязательства.

Теперь возьмем второй случай, в котором муж должен банку не 1 млн рублей, а 8 млн рублей при том же земельном участке, стоимостью 6 млн рублей, и общем долге 4 млн рублей.

Конкурсная масса мужа-должника в размере 3 млн рублей расходуется пропорционально на личные долги должника в размере 2 млн и на общие долги в размере 1 млн.

Из денег, приходящихся на долю жены, выплачивается оставшаяся часть общего долга супругов в размере 3 млн рублей.

В результате общие долги 4 млн рублей погашены полностью, личные долги мужа частично, жена ничего не получает.

Такое решение выглядит технически удобным, но оно порождает существенный дисбаланс интересов. По сути, личные долги одного из супругов начинают конкурировать с общими долгами, что приводит к тому, что из совместного имущества покрываются прежде всего индивидуальные обязательства должника, а не долги, возникшие в интересах семьи в целом. В результате доля другого супруга фактически используется для удовлетворения чужих личных долгов, хотя по своей правовой природе она не должна быть источником их погашения. Таким образом, личные кредиторы одного из супругов опосредованно получают преимущество перед общими кредиторами, а имущественная ответственность супругов становится фактически солидарной, хотя закон прямо такого не предусматривает.

Более последовательной и соответствующей правовой природе совместной собственности представляется модель, в рамках которой за счет общего имущества погашаются непосредственно общие обязательства супругов. Такие долги являются производными от их общего имущественного статуса: они возникают в связи с приобретением совместного имущества, ведением общего хозяйства, исполнением семейных обязанностей и т. д. Следовательно, обращение взыскания на совместное имущество в первую очередь должно обеспечивать погашение именно этих долгов.

После полного расчета с кредиторами по общим обязательствам остаток выручки от реализации супружеского имущества должен делиться между супругами поровну. И уже из этих средств погашаются требования личных кредиторов каждого из супругов.

Предлагаемая модель, учитывающая первоочередное исполнение общих обязательств, может быть объяснена через, например, функциональную связь долга и имущества. Если долг возник в интересах семьи, то и удовлетворение требований кредиторов должно происходить из общего имущества, прежде чем оно будет разделено между супругами или кредиторами одного из супругов. Или через принцип баланса прав и интересов как супругов, так и третьих лиц, их кредиторов. Раздел остатка выручки, полученной после погашения общих долгов, гарантирует, что доля каждого из супругов останется защищенной от личных обязательств другого, а личные кредиторы каждого из супругов будут иметь равные возможности на удовлетворение своих требований.

Общие долги супругов должны погашаться прежде личных, поскольку они соотносятся не с индивидуальной выгодой каждого, а с имуществом, принадлежащим «сообществу супругов», т. е. единому субъекту. Тут, безусловно, небесспорная позиция, поскольку такого субъекта права, как семья в нашем правовом порядке не существует, а научные рассуждения и понимания, несмотря на всю их ценность, практическое значение обретают только став действующими нормами права или получив закрепление на уровне разъяснений высшими судебными инстанциями. И все же та правовая неопределенность, которая сейчас имеется в вопросе понимания совместной собственности и общих обязательств, требует научного анализа.

Вряд ли оправданно рассуждать, что привело Верховный Суд РФ к позиции, при которой общие и личные долги супругов рассматриваются как равноправные с точки зрения порядка удовлетворения требований кредиторов. Этот подход доминирует в судебной практике, но он исходит из долевой модели собственности, где каждый супруг воспринимается как независимый участник, владеющий «половиной вещи».

Однако, если рассматривать совместную собственность супругов по аналогии с наследственной массой, т. е. как некий имущественный комплекс, принадлежащий семье, а не в долях, пусть и равных,

принадлежащих жене и мужу, то логика Верховного Суда оказывается методологически ошибочной. В ней стирается грань между долгами семьи и личными долгами супругов, что приводит к абсурдному результату: имущество, принадлежащее семье, используется для удовлетворения обязательств одного из ее членов в ущерб самой семье.

Таким образом, судебная практика применяет к институту совместной собственности понятийный аппарат долевой собственности, что искажает его сущность и ведет к несправедливым последствиям.

Возможно, более целесообразно было бы рассматривать совместное имущество как неделимую имущественную массу до тех пор, пока существуют общие обязательства. Общие долги гасятся из этой массы в первую очередь, поскольку они были направлены на реализацию имущественных интересов семьи. Только после этого возможно выделение индивидуальных долей и обращение взыскания по личным обязательствам каждого супруга.

Еще одним достаточно сложным вопросом при банкротстве одного из супругов является бремя доказывания того, что долг общий. И несмотря на процессуальный характер, он напрямую связан с толкованием норм, которое дается в рамках материального права.

Предусмотренная нормами СК РФ модель имущественных отношений супругов является ассиметричной.

С одной стороны, активы супругов объединяются в общую совместную собственность, с другой – пассивы, т. е. обязательства, носят преимущественно личный характер. Иными словами, презумпция общности установлена только в отношении активов, но не распространяется на долги.

Такое несоответствие порождает ситуацию, при которой кредитор, даже если он объективно финансировал потребности семьи, вынужден доказывать общность долга, в то время как супруг автоматически защищен презумпцией личного характера обязательств.

Чтобы признать долг общим, кредитору необходимо доказать, что обязательство возникло с согласия второго супруга или что обязательство было направлено на нужды семьи. На практике прямых доказательств этих обстоятельств у кредиторов почти никогда нет, т. к. доступа к внутренним отношениям в семье они не имеют. Принцип невмешательства в дела семьи, а также разрешение всех вопросов по взаимному согласию супругов надежно защищают интересы семьи.

Тем не менее складывается тенденция, когда суды вынуждены смягчать бремя доказывания, переходя к косвенным доказательствам, подтверждающим общность долга, которые можно получить из реестров. Это могут быть совпадение дат получения кредита и приобретения семейного актива; указание цели займа (например, покупка квартиры, автомобиля, ремонт жилья); показания свидетелей, подтверждающих, что заемные средства использовались в интересах семьи. Судебная

практика постепенно вырабатывает новую презумпцию фактической общности долга, особенно в делах о банкротстве, где требуется защитить интересы кредиторов. То есть складывается ситуация, что в законе закреплён личный характер долгов и общность имущества, а в практике применения и долги, и имущество рассматриваются совместными, пока не доказано иное.

Супруги свободны в распределении рисков и вправе между собой решать, кто за какие обязательства отвечает. Это внутренние отношения семьи. Однако есть внешние отношения, в том числе отношения в процессе банкротства, где общность имущества при раздельных долгах вызывает нарушение прав участников правоотношений и порождает конфликты.

Достаточно сложно представить себе справедливую модель отношений, где общность имущества оставалась бы без общности ответственности по долгам. Тем не менее общность супружеского имущества и презумпция личных долгов приводит к разделению активов и обязательств, что делает институт совместной собственности непрозрачным для участников оборота и кредиторов.

Указанную проблему могло бы решить закрепление презумпции общности долгов, если доказано, что обязательство связано с приобретением, сохранением или улучшением общего имущества. А также толкование совместно нажитого супружеского имущества как единой имущественной массы, за счет которой до ее раздела между супругами могут быть удовлетворены требования кредиторов по общим долгам.

Такой подход не только соответствует экономической и правовой природе совместной собственности, но и предотвращает нарушение имущественных прав другого супруга, исключая возможность фактического обращения взыскания на его долю по долгам, к которым он не имеет отношения. Кроме того, приоритетное удовлетворение общих обязательств обеспечивает баланс интересов всех участников: семьи, кредиторов и конкурсной массы.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ИВАНОВА Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный

Problematic issues of the spouses' common property in case of bankruptcy

M.S. Ivanova

Tver State University, Tver

The article examines the problem of determining the order of satisfaction of creditors' claims in the case of bankruptcy of one of the spouses, when the property is jointly owned by the spouses. The author focuses on the relationship between the general and personal obligations of the spouses, and provides an example of their repayment from the proceeds of the sale of the common property. The purpose of the study is to justify a legal model that ensures the priority satisfaction of the general debts of the spouses before the division of the property and the transition to the repayment of the personal debts of each spouse. The research objectives include: analyzing the existing judicial practice approach to the distribution of proceeds from the sale of joint property of spouses in bankruptcy; identifying theoretical and practical contradictions in the current model; developing an alternative sequence for meeting obligations; and formulating principles of legal regulation that ensure a balance between the interests of spouses and creditors. The object of the study is the property relations between spouses in the event of one of them going bankrupt. The subject of the study is the mechanism for meeting the claims of creditors when levying on common property. The methodological framework of the study includes system-structural, comparative-legal, and formal-logical methods, as well as the method of legal modeling to develop an optimal sequence of calculations between spouses and creditors.

Keywords: *spouses; joint debt of spouses; bankruptcy; joint property, personal debt of a spouse, creditors.*

About author:

IVANOVA Maria – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Tver State University (Zhelyabova str., 33, 170100 Tver, Russia), SPIN-code: 3509-5382, AuthorID: 1185103, e-mail: ivanova.ms@tversu.ru

Иванова М.С. Проблемные вопросы общей собственности супругов при банкротстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 173–179.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Посмертное осуждение в уголовном праве России: правовые и этические проблемы

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы возможного введения в уголовное законодательство Российской Федерации правового института, предусматривающего осуждение лица без назначения наказания посмертно. На основании проведенного анализа делается вывод о нецелесообразности указанного института в действующем правовом поле страны ввиду несоответствия его принципам уголовного права, а именно: принципу вины, не позволяющему установить вину умершего с соблюдением всех предусмотренных уголовно-правовых гарантий; принципу индивидуализации наказания, предусматривающему применение наказания к конкретному лицу, что невозможно после смерти; принципу гуманизма, поскольку уголовный закон не должен носить карательный характер. С учетом изложенного делается вывод о рисках политизации права, нарушении прав потерпевших от преступлений, в том числе предоставленной им законодателем возможности получить возмещение материального ущерба и морального вреда в рамках гражданского иска, заявленного по уголовному делу. При этом констатируется невозможность вынесения судебных решений, предоставляющих право требования возмещения вреда от родственников лиц, признанных виновными посмертно.

Ключевые слова: уголовный кодекс, меры уголовной ответственности, обвинительный приговор, виновность посмертно, военные преступления, право на защиту, права осужденного, права потерпевшего, гражданский иск.

Уголовное право России, как и большинство правовых систем мира, основывается на принципах справедливости, гуманизма и неотвратимости наказания.

Несмотря на последнее обстоятельство, в правовом сообществе страны все чаще поднимается вопрос о возможности введения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) правового института, предусматривающего осуждение лица без назначения наказания посмертно [7].

Иными словами, на государственном уровне предлагается закрепить возможность официального признания лица виновным в преступлении после его смерти без применения мер уголовной ответственности.

Объясняется это, прежде всего, восстановлением исторической справедливости, поскольку есть необходимость дать правовую оценку злодеяниям и преступлениям, которые были совершены в прошлом, «в

первую очередь в период Великой Отечественной войны, потому что многие из этих злодеев, изуверов, фашистов, как бы их ни назвали, они же ушли от ответственности, потому что не дожили до суда. Вот тот же Бандера, которого все считают преступником, по суду не признан таковым» [10].

В настоящее время в различных субъектах Российской Федерации проходят судебные процессы по делам о признании преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников в годы Великой Отечественной войны преступлениями против человечности и геноцидом.

Однако проходят указанные процессы в рамках не уголовного, а гражданского судопроизводства, в порядке, предусмотренном ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [3], когда по заявлению прокурора, поданном в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц, устанавливается факт, имеющий юридическое значение. Например, суд в Санкт-Петербурге по делу о геноциде советских граждан нацистами и их пособниками стал уже десятым в российской истории¹ [11].

Представляется, что с точки зрения действующего законодательства и правовой логики такого рода альтернативные механизмы установления истины по делам о военных преступлениях прошлых лет достаточны, поскольку большинства военных преступников уже давно нет в живых, а те кто остался в живых, увы, недостижимы для российского правосудия в силу проживания их в государствах, враждебно относящихся к нашей стране [6].

Доводы о нецелесообразности введения в УК РФ правового института, предусматривающего осуждение лица без назначения наказания посмертно, могут быть подкреплены также нормами международного права, а также конституционным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Так, несмотря на отсутствие в тексте прямого запрета, Всеобщая декларация прав человека (далее – ВДПЧ), в сочетании с общепризнанными принципами правосудия, не допускает вынесения обвинительного приговора в отношении умершего лица, поскольку изложенное противоречило бы принципам справедливого суда и природе юридической ответственности.

Более того, ст. 11 ВДПЧ предусмотрено, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в ходе гласного судебного разбирательства, в ходе которого обвиняемому обеспечиваются все возможности для защиты [1].

¹ Ранее подобные процессы прошли в Новгородской, Псковской, Ростовской, Брянской, Орловской областях, Краснодарском крае, а также в Республике Крым.

Данный принцип международного права включен и в содержание ст. 49 Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может быть признан виновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке [2].

Представляется, что институт посмертного осуждения будет нарушать право подсудимого на защиту и состязательность процесса, поскольку мертвое лицо не может представлять свои интересы в ходе уголовного преследования, а значит возражать против обвинения, а также положенных в его основу доказательств.

При этом аргументы о защите интересов посмертно осуждаемого лица в ходе уголовного преследования адвокатом, нанятым родственниками, не могут рассматриваться в качестве убедительных, поскольку права на последнее слово в судебном заседании не может быть лишен ни один подсудимый.

Не будем забывать также и о предусмотренном ст. 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [5] праве суда возобновить судебное следствие в случае изложения подсудимым в последнем слове новых обстоятельств по уголовному делу или заявлении о необходимости предъявить для исследования новые доказательства. Представляется, что адвокат как посторонний человек, не совершавший преступления и не знакомый в полной мере с реальной картиной преступления, не сможет в полной мере воспользоваться правом на защиту, указанным в данной статье.

При вышеуказанных обстоятельствах, посмертное осуждение превратится в односторонний судебный процесс, фактически лишенный состязательности.

Кроме того, в юридической литературе вопрос уголовной ответственности всегда рассматривался не только в контексте основных принципов правосудия и прав человека, но и принципа правосубъектности гражданина.

Поскольку после смерти человек перестает быть субъектом права, уголовное преследование в отношении него также становится невозможным и прекращается (за исключением случая реабилитации умершего, но последняя и не предполагает вынесение судом обвинительного приговора).

При этом нельзя забывать, что основная цель обвинительного приговора – это не только признание подсудимого виновным, но и назначение ему наказания за совершенное преступление.

Так, в соответствии со ст. 6 УК РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, личности виновного [4].

При осуждении лица без назначения наказания посмертно теряется и смысл в так называемых «целях наказания», а именно: восстановление

социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения им новых преступлений.

В рамках указанного института отсутствует сам факт исправления виновного лица, что делает невозможным и восстановление справедливости, а следовательно, посмертное осуждение лишено всякого смысла с точки зрения целей уголовно-процессуального законодательства. Может именно поэтому в большинстве стран мира и предусмотрено прекращение уголовного дела в случае смерти обвиняемого (подсудимого)?

Кроме того, осуждением лица без назначения наказания посмертно останется без исполнения еще одна не мало важная цель обвинительного приговора: защита прав потерпевших от преступлений, в том числе предоставленной им законодателем возможности получить возмещение материального ущерба и морального вреда в рамках гражданского иска, заявленного по уголовному делу.

Предложением о введении в уголовно-процессуальное законодательство такого института государство как бы говорит о том, что ему недостаточно только нарушения прав потерпевших (законных представителей, представителей потерпевших) существующим помилованием осужденных к длительным срокам лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений при направлении их в целях специальной военной операции [9]. Ему необходим еще один институт, который станет таким же бесполезным в части защиты прав потерпевших от преступных посягательств?

Тогда необходимо рассмотреть вопрос и о внесении изменений в ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающей возможность полного возмещения вреда, причиненного личности или имуществу гражданина, не только лицом, причинившим вред, но и родственниками лица, признанного виновным посмертно.

Данный принцип незаконной, по мнению автора статьи, «многовекторной ответственности» отражен в судебных решениях некоторых иностранных государств¹, однако последнее не делает их безупречными с точки зрения права и подлежащими обязательному применению.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что уголовное право не должно и не может рассматриваться политиками исключительно как инструмент исторической справедливости. Такой

¹ Верховный суд Литвы вынес решение по иску граждан Литвы, чьи родственники погибли в январских событиях 1991. Судьи пришли к выводу, что «лица, признанные потерпевшими по делу о событиях 13 января 1991 года в Вильнюсе, могут требовать возмещения ущерба даже после смерти виновного». Согласно литовскому законодательству, «обязанность по возмещению ущерба является имущественным обязательством, возможность наследования которого предусмотрена Гражданским кодексом» [8].

подход дискредитирует саму идею правосудия, превращая его в инструмент политических или идеологических манипуляций.

Уголовно-процессуальное законодательство, в первую очередь, – это механизм привлечения лица к уголовной ответственности, в связи с чем всегда должно оставаться рациональным и гуманным, а не служить механизмом посмертного возмездия.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 09.11.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. В Генпрокуратуре оценили отказ Канады выдать эсэсовца Гунько [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/new/2024/05/13/v-genprokurature-otsnili-otkaz-kanady-vydat-esovtsa-gunko/> (дата обращения 09.11.2025).
7. Мертвецы на скамье подсудимых: Следком предложил выносить посмертные приговоры [Электронный ресурс]. URL: <https://newiz.ru/new/2024-06-27/mertvy-na-skamiepodsudimyh-sledkom-predlozhit-vynosit-posmertnye-prigovory-431438/> (дата обращения: 09.11.2025).
8. Наследников Горбачева настигла карма за развал СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/vz.ru> (дата обращения: 09.11.2025).
9. Сапронова Т.П. Дополнительное правовое регулирование вопросов, связанных с институтом помилования в Российской Федерации» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 3 (75). С. 49–56.
10. СК предложил ввести в УК понятие, как осуждение без назначения наказания посмертно» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21219603> (дата обращения: 04.11.2025).
11. Суд признал геноцидом советского народа преступления, совершенные нацистами и их пособниками во время блокады Ленинграда [Электронный ресурс]. URL: <https://безпрокадавности.рф/sud-priznal-genocizidom-sovetskogo-naroda-prestupleniya-sovershyonnye-nacizistami-i-ih-posobnikami-vo-vremya-blokady-leningrada> (дата обращения: 09.11.2025).

Об авторе:

САПРОНОВА Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Posthumous conviction in Russian Criminal Law: legal and ethical issues

T.P. Sapronova

Tver State University, Tver

The article examines the possible introduction into the criminal legislation of the Russian Federation of a legal institution providing for the conviction of a person without imposing a punishment posthumously. Based on the analysis conducted, a conclusion is made about the inappropriateness of the said institution in the current legal framework of the country due to its inconsistency with the principles of criminal law, namely: the principle of guilt, which does not allow for the determination of the guilt of the deceased while observing all the guarantees provided for by criminal law; the principle of individualization of punishment, which provides for the application of punishment to a specific person, which is impossible after death; the principle of humanism, since criminal law should not be punitive in nature. Taking into account the above, a conclusion is drawn about the risks of politicization of law, violation of the rights of victims of crimes, including the opportunity provided to them by the legislator to receive compensation for material and moral damages within the framework of a civil claim filed in a criminal case. At the same time, it is stated that it is impossible to issue court decisions granting the right to demand compensation for damages from relatives of persons found guilty posthumously.

Keywords: *criminal code, criminal liability measures, guilty verdict, posthumous guilt, war crimes, right to defense, rights of the convicted person, rights of the victim, civil action.*

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN code: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. Посмертное осуждение в уголовном праве России: правовые и этические проблемы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 180–185.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье показаны перспективы правоприменения и особенно судопроизводства в условиях ускоряющихся процессов информатизации и цифровизации на основе анализа мнения ряда авторов, которые исследуют проблемы цифровизации объектов гражданского оборота и вероятную трансформацию юридической профессии. На протяжении последних лет все интенсивнее обсуждается проблема внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в процесс осуществления правосудия и возможность замены судьи-человека на ИИ. Поддержана точка зрения тех авторов, которые обращают внимание на этические проблемы, возникающие как при консультировании по правовым вопросам, так и при осуществлении правосудия, и выражают позицию о нереальности полного замещения не только судьи, но и адвоката исключительно ИИ. При этом обосновывается необходимость дальнейшего развития информатизации правоприменения в целом и процессуальной деятельности. Показан опыт Республики Казахстан по применению новейших информационных технологий в гражданском процессе. Обращено внимание на системные недостатки и отставание правового регулирования информационных процессов. Прежде всего необходимо законодательно закрепить правовой статус ИИ и сопутствующие этому права. На основе предсказания писателя фантаста Рэя Дугласа Брэдбери показано, что самые «умные» информационные системы не могут эффективно действовать без участия человека. Выражены также опасения относительно трансформации семейных отношений по мере развития процессов информатизации и цифровизации, особенно в том, что касается воспитания детей. Но при этом информатизация и хорошее владение ее возможностями детьми и подростками способствуют реализации их права на обращение в суд.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, искусственный интеллект, цифровой объект, правоприменение, правосудие, эффективность и доступность судебной защиты, семейные правоотношения, права родителей, процессуальная дееспособность несовершеннолетних.

Информационные технологии охватывают все сферы жизни и существенно влияют не только на ускорение технического прогресса, но и абсолютно на все, включая то, что принято считать личной жизнью. Стремительно исчезают профессии, которые еще совсем недавно были востребованы, а то, что казалось выдумкой писателей-фантастов,

становится реальностью. Реализация сказочных и фантастических явлений всегда имела место, достаточно упомянуть сюжеты о коврах-самолетах и тарелках, в которых можно было увидеть другие страны. Но так быстро и всеобъемлюще, как в настоящее время, жизнь человека не менялась. Возникает определенное отставание процессов информатизации и цифровизации от их правового регулирования. Так, Л.Ю. Василевская обращает внимание на то, что «в статье 1225 ГК РФ предусмотрен закрытый перечень РИД, которым законодатель предоставил правовую охрану. В этом перечне отсутствуют такие объекты интеллектуальной собственности, как ИИ и его технологии, хотя если исходить из определения понятия ИИ, приведенного в пп. 2 ч. 1 ст. 2 Закона № 233-ФЗ, то он как комплекс технологических решений, безусловно, должен относиться к РИД» [4, с. 16]. И это с учетом того, что ИИ уже прочно входит практически во все сферы жизни и деятельности человека. Отсутствие ИИ в перечне результатов интеллектуальной деятельности приводит к тому, что при его использовании не учитывается факт, что главным является программное обеспечение, которое создается конкретными людьми, а следовательно, как уже неоднократно проявилось на практике, ИИ решает поставленные задачи на основе программы, в которой сохраняются определенные взгляды и убеждения ее автора. В США уже неоднократно сталкивались с тем, что ИИ показывает некий субъективный подход. Нет необходимого правового обеспечения и для объектов, которые созданы с использованием ИИ, например, кого считать автором картины, литературного или научного произведения, если они полностью или в значительной части являются продуктом ИИ. Следовательно, необходим инновационный подход к законодательству, с тем чтобы не разрушить его фундаментальные основы и дать правовое обоснование новых явлений, порожденных процессом информатизации и цифровизации. В терминологии уже достаточно укореняются термины «цифровое право», «цифровые права», «электронное правосудие» и многое другое. Вместе с тем использование подобной терминологии еще не получило достаточного теоретического обоснования и вызывает сомнение правомерность их использования. Например, Л.Ю. Василевская полагает, «что цифровизация прав приводит не к возникновению нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к использованию цифрового способа их фиксации» [4, с. 15]. В поддержку этого можно привести позицию законодателя применительно к регулированию перечня средств доказывания. Первоначально в ч. 2 ст. 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) в качестве самостоятельного вида были указаны электронные доказательства, но в последующем это было исключено. Это объясняется тем, что КАС РФ принят был в 2015 г., когда

информатизация и цифровизация стали трендом всех сфер общественной жизни. Но в дальнейшем пришло понимание, что «электронные доказательства» являются таковыми только по форме закрепления информации, а по содержанию остаются письменными доказательствами, поскольку важна не форма, а содержание информации, следовательно, понятие письменных доказательств сохраняет свою терминологическую актуальность независимо от того, на каком носителе и с помощью каких символов эта информация закреплена. Относительно термина «электронное правосудие» достаточно вспомнить ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ): «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Следовательно, правосудие не может менять свою сущность в зависимости от тех приемов и технологических средств, которые используются. Это еще раз подчеркивает, что правильная терминология является основой не только правотворчества, но и правоприменения.

Как уже было отмечено, информатизация многократно ускорила изменения в профессиональной сфере. Еще совсем недавно очень востребованной была профессия машинистки, эффективность подготовки научных исследований, литературных произведений и документов во многом зависела от профессионализма машинистки, ведь любая ошибка предполагала необходимость заново печатать всю страницу; в настоящее время даже те, кто жил и творил в этих условиях, уже с трудом верят, что такое было, с легкостью исправляя на своих компьютерах и всевозможных гаджетах тексты. Подготовка текста договора, претензии, искового заявления не требует особых усилий не только технического порядка, но и по содержанию, ведь информатизация обеспечивает доступ и к различным образцам и бланкам, и к аналогичным документам, среди которых особо значима электронная база судебных актов, размещенная в системе «ГАС- Правосудие». Правовые системы «КонсультантПлюс» и «Гарант» обеспечивают актуальными нормативно-правовыми источниками. Современный судья уже и не представляет, как его коллеги еще несколько десятилетий назад пользовались бумажными вариантами кодексов, которые были в сплошных газетных вклейках, содержащих изменения. Право перестало быть привилегией избранных его знатоков. Исторически этому прежде всего способствовала всеобщая грамотность, а также публикация нормативных актов. А в эру информатизации каждый может найти нужную правовую норму, сам себя проконсультировать. Все чаще встречаются пророчества о том, что профессия юриста скоро практически исчезнет. К сожалению, при этом забывают древний постулат: «нельзя быть судьей в своем деле», который нужно понимать в широком смысле, ведь человеку трудно самому оценить объективно себя и свою проблему, невольно он будет истолковывать все в свою пользу.

Равным образом, не надо себя и лечить, пользуясь сведениями, полученными из информационных систем. Но это не означает, что правоприменение не меняется по мере развития информационных технологий, внедрения роботизации и использования ИИ.

Следует согласиться с мнением К.Л. Брановицкого, что «это ставит фундаментальный вопрос о роли юристов как посредников между законом и обществом» [2, с. 32]. Развивая мысль, автор отмечает, что посредничество юриста по многим делам становится очень дорогим и занимающим много времени, а использование различных информационных сервисов позволяет за несколько минут найти ответ по заявленной проблеме. Но при этом К.Л. Брановицкий предупреждает, что «развитие генеративного ИИ в сфере юридического консультирования способно “выбить” практически все привилегии адвокатуры и поставить под вопрос принцип независимости юридического консультирования, что, в свою очередь, может привести к более глубокой трансформации права, чем кажется на первый взгляд» [2, с. 34].

Дальнейшая трансформация права и правоприменения неизбежна в условиях глобальных изменений общественных отношений, обусловленных естественным цивилизационным развитием и ускоряющимися процессами информатизации и цифровизации. Но очень важно помнить о таком правиле, применимом ко всему, что так или иначе связано с человеком: «Не навреди!»

Поэтому поспешная замена живого общения с юристом на ИИ или какие-либо информационные сервисы имеет проблемных моментов не меньше, чем преимуществ. Следует согласиться с выводом К.Л. Брановицкого, что «автоматизация и стандартизация правовых услуг, несмотря на их очевидные преимущества, несут риск утраты индивидуального подхода и юридической точности» [2, с. 38–39]. Кроме того, нельзя не учитывать важность человеческого общения, ведь нередко к юристу приходят как к исповеднику и доверяют то, что не разместишь в сети Интернет, а правило адвокатской тайны охраняет сведения, которые получены от клиента. А вот все, что попадает в информационную среду, легко становится доступным другим лицам, что повышает риски стать жертвой мошенников. Каждый студент уже в период обучения юридической профессии усваивает основные навыки: умение задавать вопросы; слушать и слышать клиента; анализировать обстоятельства по делу и интерпретировать применительно к ним правовые нормы. В обозримом будущем никакой ИИ не сможет реализовать все навыки, тем более проявлять сочувствие и сопереживание. Не менее значимо, чтобы юрист при общении с клиентом определял степень правдивости того, что излагает клиент. Сегодня уже существуют сервисы, которые по голосу и интонациям могут распознать определенные признаки, свидетельствующие о состоянии тревоги или обмана, но полностью они не могут заменить личных впечатлений

юриста, имеющего большой опыт работы с людьми. Различные информационные системы, а также ИИ значительно облегчают работу юриста, но только при условии, что он изучает и проверяет полученную таким путем информацию, отступление от этого, как уже показала практика, чревато печальными последствиями, когда ИИ сам придумывает, допустим, несуществующие примеры судебной практики.

Вершиной юридической профессии, а следовательно, и правоприменения справедливо считается судебная деятельность. Соответственно, вопрос о пределах возможной информатизации правосудия и использования ИИ, в том числе в качестве замены судьи-человека, является наиболее актуальным. Все, что уже было отмечено о важности взаимодействия при решении правовых коллизий с юристом, но при использовании всех возможностей, которые предоставляет цифровизация, в полной мере относится и к сфере судебной деятельности. Учитывая особую значимость судебной власти и то, что закон называет ее носителем судью, требуется особый подход к возможным пределам использования информационных технологий и особенно ИИ. Своеобразным программным тезисом можно считать вывод Д.А. Туманова по итогам его исследования вопроса о том, может ли искусственный интеллект заменить судью-человека: «в настоящее время и в обозримом будущем недопустима замена судьи-человека на ИИ. Помимо судебной, существует множество иных форм защиты прав, свобод и законных интересов, в которых может эффективно использоваться ИИ в качестве основного фактора разрешения правового спора. Однако правосудие немыслимо без обеспечивающих его осуществление принципов, часть из которых несовместима с ИИ» [9, с. 25]. Вывод был сделан из анализа различных точек зрения, частично обосновывающих радикализацию правосудия, основанную на пересмотре самого этого понятия и главных принципов. Вместе с тем Д.А. Туманов проанализировал и более взвешенные позиции по исследуемой проблеме авторов, которые предлагают варианты «встраивания» возможностей ИИ для повышения эффективности процесса защиты прав и законных интересов в целом [9, с. 12–17]. Бесспорно, что ИИ должен способствовать доступности судебной защиты и повышать ее эффективность, но есть очень большие сомнения относительно возможности ИИ реализовывать принцип справедливости. Значение этого принципа для правоприменения в целом и особенно при осуществлении правосудия трудно переоценить, а для его реализации судье предоставляется право на судебское усмотрение, без которого практически невозможно вынести ни один приговор по уголовному делу. Ведь уже сами санкции обозначаются как «до» или «от и до», и нужен учет личности подсудимого, отягчающих и смягчающих обстоятельств, перечень которых носит открытый характер. Не менее сложны и дела, рассматриваемые в порядке гражданского и административного

судопроизводства, применяемые по таким делам нормы материального права носят во многих случаях оценочный характер. Трудно даже представить, как сможет справиться ИИ с рассмотрением жалобы на решение квалификационной коллегии судей о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, если закон не содержит даже примерного перечня того, что следует считать дисциплинарным проступком, все это усугубляется тем, что проступок может относиться как к служебной, так и неслужебной деятельности судьи, что уже само по себе делает дисциплинарную ответственность судей уникальной, а следовательно, недоступной для ее «оцифровки». Еще один важный момент – представляется недопустимым деление правосудия на виды с позиции использования судьи-человека и ИИ. Совершенно обоснованно Д.А. Туманов предостерегает: «любые попытки разделения дел на те, которые будут рассматриваться ИИ по причине отсутствия необходимости в судебском усмотрении, и те, которые следует разбирать судье-человеку, поскольку потребность в усмотрении в них может возникнуть, приведут к тому, что и к ИИ неизбежно будут попадать дела, в которых существует потребность в судебском усмотрении» [9, с. 19].

Особо следует упомянуть о приказном производстве. Действительно, ряд принципов там не действует либо проявляется специфически. Трудно не согласиться с тем, что ИИ способен тщательно проверить представленные документы и заявление о вынесении судебного приказа, но даже в этом необходим контроль со стороны судьи; подготовленный судебный приказ будет только проектом до тех пор, пока его не одобрит судья и не придаст ему юридической силы своей подписью. Судебный приказ, равно как и упрощенное производство, в наибольшей степени могут служить основой для создания в будущем новых альтернативных способов разрешения правовых конфликтов наряду с существующей системой третейского разбирательства или в качестве его новых форм. Но пока судебный приказ выносит мировой судья, только его подпись придает юридическую силу.

Все это свидетельствует о том, что необходимо развивать новые технологии, которые должны повышать эффективность и доступность правосудия. Целесообразно использовать опыт других государств, учитывая как достижения, так и возможные проблемы, что поможет избежать ошибок, ведь любая судебная ошибка влияет на судьбы людей и порождает неверие в правосудие.

Обратимся к опыту информатизации гражданского судопроизводства в Республике Казахстан. Прежде всего следует отметить одну из главных проблем, которую называет З.Х. Баймолдина: «Проблема заключается в отставании правового регулирования от практического внедрения информационных технологий в судопроизводство, поэтому требуется адекватное сложившимся реалиям законодательство. При этом значимость должна быть придана

регламентации единых подходов к становлению цифрового общества путем кодификации» [1, с. 53]. Это свидетельствует о том, что недостаток правового регулирования стремительно развивающейся цифровизации является общей проблемой. Следует отметить, что Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – ГПК РК) несколько опережает наше гражданское процессуальное законодательство, т.к. у нас только две статьи в главе посвящены особенностям проведения онлайн-процесса, а в ГПК РК с 2019 г. появилась целая глава «Особенности электронного судопроизводства» [1, с. 45].

Интерес представляет система «Судебный кабинет», состоящая из 15 сервисов и модулей, которые целесообразно перечислить. Доступные любому лицу: «Банк судебных актов», «Найти дело», «Ознакомление с судебными документами», «Проверка легитимности судебного акта», «Запись на личный прием», «Анкета внешней оценки». Доступны только участникам процесса: «График рассмотрения судебных дел», «Подача документов», «Мои дела», «Уведомления», «Онлайн- беседа», «Доверенность», «Е-примирение», «Мои письма», «Календарь участника процесса» [1, с. 46–48]. Безусловно, есть над чем задуматься, а особо хочется выделить сервис о примирении, который предполагает решение вопросов о возможности примирительных процедур в электронном формате, что экономит время как сторон, так и суда. Самым интересным является сервис, в котором участники процесса размещают заранее информацию о своей занятости, что позволяет более быстро и эффективно решать вопросы назначения судебного заседания и других процессуальных действий. Но вызывает некоторые сомнения обоснование З.Х. Баймолдиной значимости использования информационных технологий тем, что это «создало условия для обеспечения единообразной судебной практики и предсказуемости правосудия» [1, с. 48]. Как раз чрезмерное единообразие судебной практики, а тем более предсказуемость правосудия и являются главными опасностями применения ИИ. Не может быть абсолютной предсказуемости, изучение практики дает только определенные ориентиры, помогает сторонам в решении вопроса о необходимых доказательствах, да и то судья по каждому делу должен уточнить, что и какими средствами стороны должны доказывать. Можно только отметить некоторую предсказуемость так называемых «неправовых споров», но на данном этапе такие обращения (типа «о необходимости установления уполномоченного по делам НЛО») уже практически не встречаются.

Каждое дело уникально, и именно эту уникальность способен постигнуть и оценить только судья-человек.

Возвращаясь к вопросу о необходимости надлежащего правового регулирования процессов информатизации и цифровизации, хочется

выразить сомнения в реалистичности утверждения З.Х. Баймолдиной о том, «что есть все основания для принятия Цифрового кодекса Республики Казахстан, поскольку без систематизации правового регулирования общественных отношений в данной сфере невозможно преодолеть правовые пробелы и коллизии» [1, с. 53]. Соглашаясь с мотивацией о необходимости преодоления пробелов и коллизий, трудно представить такой единый кодекс, способный урегулировать цифровизацию всех общественных отношений, которые относятся к различным отраслям права. Представляется, что нужно начинать с общих вопросов, определяющих правовой режим ИИ и сопутствующих ему информационных и цифровых технологий, а на основе этого вносить изменения и дополнения в законы, регулирующие конкретные общественные отношения.

Сложность этой задачи можно показать на примере того, как влияет информатизация на сферу семейных правоотношений.

Литературные произведения писателей-фантастов только на первый взгляд производят впечатление «легкого развлекательного жанра», на самом деле, как правило, в них содержится не только предвидение, но и предостережение. Еще в 1950 г. Рей Дуглас Бредбери написал рассказ «Будет ласковый дождь...», в котором очень сжато и впечатляюще показал, что самый «умный дом», оказавшись без людей, которые погибли в ядерной катастрофе, не смог справиться сам с пожаром и его деятельность потеряла всякий смысл [3]. Все описываемые события автором датированы августом две тысячи двадцать шестого года. Вряд ли степень информатизации к данной дате достигнет того уровня, который описан в рассказе, но многое уже вошло в нашу повседневную жизнь. Нет сомнения, что достижения, облегчающие многие виды домашней работы, очень необходимы, но вот тотальное замещение всего, что составляет по сути семейную жизнь, вызывает сомнение. В рассказе описаны электронные цифровые устройства, которые не только выполняют абсолютно все, начиная с информирования о времени и призывов вставать к обитателям дома, но и напоминают буквально все, что должен нормальный человек помнить сам. Например, «метеокоробка на наружной двери тихо пела: “Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень...”» [3]. И это фантастическое стало сегодня реальным, уже созданы системы, которые также умеют «давать советы». Но ведь семейные отношения складываются именно из таких слов и обращений членов семьи, они демонстрируют внимание, заботу и любовь к близким людям. В связи с этим вспоминается эпизод из комедии «Странная миссис Сэвидж», когда героиня, пытаясь объяснить, какими словами можно выражать свою любовь, называет фразу о том, что нужно взять зонт, поскольку идет дождь. Это очень тонко показывает, что самое простое бытовое общение в семье и является проявлением любви и заботы между членами семьи, ведь человек, а тем более ребенок, очень

нуждается в любви и заботе своих близких, а когда это все начинают заменять электронные устройства, то взаимосвязь между членами семьи исчезает. Рассказ Рея Дугласа Брэдбери вызывает ужас не крушением этого дома, а именно тем, как жили в нем его обитатели. Роботы готовили еду, а ведь мама, папа готовят «с душой», тем самым передавая свою любовь, и как приятно родителям, если ребенок приготовит для них хоть самый простой бутерброд. Информатизация порождает разнообразные «Алисы», которые вместо родителей предлагают детям сказку или песню на ночь. Ребенок, который еще не научился ходить и говорить, получает вместо игрушек, соответствующих его возрасту и развитию, телефон, с тем чтобы мама тоже могла не отвлекаться от своего. Все это не может не влиять на изменение внутренней сущности семейных отношений.

Получается, что родители действуют в рамках закона, поскольку методы и формы воспитания они определяют сами. Именно поэтому О.Ю. Ильина отмечает, что «отношения между родителями и детьми являются, пожалуй, объективно самой уязвимой сферой в составе предмета семейно-правового регулирования» [7, с. 15]. Ведь в ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) только в самом общем виде указано на недопустимость осуществления родительских прав в противоречии с интересами детей. Есть и незначительная «расшифровка» этого, где указано, что нельзя причинять вред физическому, психическому здоровью, нравственному развитию, а также не допускается пренебрежительное отношение к детям. Но кто и как может установить, можно ли считать пренебрежительным отношением, когда ребенка перепоручают гаджетам, а тем более установить, причинит ли это вред здоровью или нравственности ребенка. Плоды такого «электронного» воспитания станут очевидны только спустя годы. Это не означает, что нужно определять в нормах права каждое действие родителей. Следует согласиться с О.Ю. Ильиной, которая отметила, что «чрезмерная формализация, введение дефиниций, как представляется, лишь усложнит процесс семейно-правового регулирования» [8, с. 13]. Добавим к этому, что чрезмерная регламентация в правовых нормах, как правило, влечет их неисполнимость. Это не означает, что не надо вовсе улучшать правовое регулирование семейных отношений. Процессы информатизации и цифровизации должны получить некоторое правовое регулирование и в отношении прав и обязанностей родителей. Ведь была проведена маркировка литературы, мультипликационных фильмов и другой видеопродукции, но вне правового регулирования остался контент, который предлагают интернет, различные «тик-токи» и другие сервисы. Разумеется, детей необходимо обучать компьютерной грамотности, но должен быть установлен также определенный возрастной режим.

Немало и других новелл вносит информатизация в сферу семейных отношений. С учетом определенной криминальной опасности очень

хорошо, что есть программы, которые позволяют контролировать ребенка в режиме реального времени, но нельзя забывать, что, используя различные информационные сервисы, оказывается, намного легче склонять несовершеннолетних к совершению правонарушений, а что еще страшнее – к суицидальному поведению. А истоки этого – в том, что с раннего детства не возникает необходимого контакта между родителями и детьми, возрастает определенное отчуждение, отсутствует доверие. Да и трудно ожидать иного, если изначально общение переходит в форму смс-сообщений. Нет простых и готовых рецептов, есть потребность в системе «родительского образования». Усыновители проходят обязательное обучение, возможно, это должно стать обязательным для всех родителей, ведь легче предотвратить ошибки родительского воспитания, чем потом пытаться бороться с их тяжелыми последствиями.

Тема «Дети и интернет» многогранна, и это означает, что ей надо заниматься.

Информационные технологии влияют практически на содержание всех семейных отношений. В одной статье охватить все невозможно, отметим еще лишь два аспекта.

Семейные отношения всегда отличал определенный элемент закрытости, что естественно вытекает из их сути. Длительный период истории семья была практически вне зоны какого-либо, в том числе государственного, контроля. Но постепенно правовое регулирование охватывало все основные стороны семейной жизни. При этом правовой охране подлежат вопросы, составляющие личную и семейную тайну. «В то же время семья является социальным институтом, открытым для взаимодействия с иными лицами, в том числе не всегда дружелюбно настроенными к членам семьи. Пикантные ситуации с "любовным треугольником", эмоциональные трагедии при донорстве биологического материала или суррогатном материнстве могут вызывать не только общественный резонанс, степень которого зависит от известности действующих лиц, но и необходимость теоретического осмысления сложившейся ситуации с точки зрения применения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 СК РФ)» [5, с. 23–24]. К этому перечню, отмеченному О.Ю. Ильиной, следует добавить правило ст. 139 СК РФ о соблюдении тайны усыновления и еще много других охраняемых законом тайн, которые так или иначе затрагивают семейные отношения. Но вот правовая охрана тайн и иных сведений, касающихся сторон личной жизни членов семьи, в условиях глобальной информатизации становится практически невыполнимой. Многочисленные видеокамеры, фиксирующие частную жизнь, неистребимое желание самих людей поделиться фотографиями и роликами в различных информационных системах превращают личную жизнь в «публичную» независимо от рода занятий и должностного положения членов семьи. Желание закрепить

моменты своей жизни в информационной среде, иногда весьма пикантные, одолевает даже судей и кандидатов на должности судей, несмотря на то, что это может повлечь для них весьма неприятные последствия. Информатизация как будто уничтожила стены домов, сделала семейную жизнь большинства достоянием досужей публики. И такая информация может стать причиной разрушения семьи, причем организовать это могут те самые «не всегда дружелюбно настроенные» люди. Значит, необходимо расширить сферу правового регулирования и установить дополнительные запреты на распространение информации о личной и семейной жизни с учетом интересов всех членов семьи, ведь неразумные дети могут «подставить» своими «постами» родителей, а родители могут не понять того, как их «жизнь» в информационной среде может отразиться на детях.

Но надо отметить и положительное влияние процессов информатизации на сферу семейных отношений, хотя с некоторым негативным оттенком. В рассуждениях о правоприменении было однозначно обозначено существенное влияние информатизации на доступность судебной защиты. Это в полной мере относится и к защите прав и законных интересов в семейных правоотношениях. Есть вопрос, который заслуживает особого внимания. Анализируя процессуальное законодательство, регулирующее отношения с участием несовершеннолетних, О.В. Жукова подчеркивает, что «специфика процессуальной дееспособности в отличие от дееспособности в материальном праве состоит в том, что ее содержание имеет две основные составляющие: право лично участвовать в суде и право поручать ведение дела представителю. В гражданском процессуальном законодательстве несовершеннолетний, достигший 14 лет, может в случаях, предусмотренных законом, вести дела лично, но у него нет полномочия передавать ведение дела представителю (ст. 37 ГПК РФ)» [5, с. 19]. Возможность несовершеннолетнего лично обратиться в суд важна именно для споров, вытекающих из семейных правоотношений, когда ребенок нуждается в защите от своих родителей, усыновителей или попечителей. И здесь огромное значение имеет возможность электронного обращения в суд, т. к. современные дети прекрасно себя чувствуют в информационной среде. Но самому несовершеннолетнему трудно, даже почти невозможно разобраться в нормах семейного права и требованиях процессуального законодателя. И здесь ему на помощь придут соответствующие программы, а также ИИ, которые, по сути, заменят консультацию юриста, и несовершеннолетний сможет сам обратиться в суд. Следовательно, все, что ранее было отмечено о роли информатизации в правоприменении и судебной деятельности, особо значимо для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Проблемы, связанные с их участием при рассмотрении дела, заслуживают специального исследования не только с позиций

информатизации. И важнейшим является то, что с помощью информационных технологий исковое заявление несовершеннолетнего будет принято судом.

Не будем делать никаких общих выводов, процесс информатизации всех сторон жизни развивается стремительно, и всем нам следует еще поразмышлять, как обращать эти процессы исключительно во благо.

Список литературы

1. Баймолдина З.Х. Применение информационных технологий в Казахском гражданском судопроизводстве // Цифровое право. Т. 5. 2024. № 4. С. 41–54.
2. Брановицкий К.Л. Искусственный интеллект и LEGALTECH: риски трансформации юридической профессии // Цифровое право. Т. 5. 2024. № 4. С. 28–40.
3. Бредбери Рэй Дуглас. Будет ласковый дождь... // Дарьял. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2021. № 6. URL: https://www.darial-online.ru/material/2021_6-bred/ (дата обращения 15.10.2025).
4. Василевская Л.Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // Lex russica. Т. 78. 2025. № 9. С. 9–23.
5. Жукова О.В. Некоторые вопросы унификации и дифференциации процессуального законодательства по делам с участием несовершеннолетних // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 15–23.
6. Ильина О.Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 23–31.
7. Ильина О.Ю. Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 15–22.
8. Ильина О.Ю. Новшества Семейного кодекса Российской Федерации: предпосылки, содержание и последствия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3 (75). С. 7–15.
9. Туманов Д.А. Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? // Цифровое право. Т. 5. 2024. № 4. С. 10–27.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

The impact of informatization on law enforcement and family relations

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

This article examines the prospects for law enforcement, and particularly legal proceedings, in the context of accelerating informatization and digitalization. It analyzes the opinions of several authors who explore the digitalization of civil transactions and the potential transformation of the legal profession. In recent years, the introduction of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) into the administration of justice and the possibility of replacing human judges with AI have become increasingly discussed. This article supports the views of those authors who draw attention to the ethical issues that arise both in legal consultations and in the administration of justice, and who argue that it is unrealistic to completely replace not only judges but also lawyers with AI alone. Furthermore, the need for further development of the informatization of law enforcement in general and procedural activities is substantiated. The Republic of Kazakhstan's experience in applying the latest information technologies in civil proceedings is presented. Attention is drawn to systemic shortcomings and the lag in legal regulation of information processes. First and foremost, it is necessary to legislatively enshrine the legal status of AI and the accompanying rights. Based on a prediction by science fiction writer Ray Douglas Bradbury, it is shown that even the most intelligent information systems cannot operate effectively without human intervention. Concerns are also expressed regarding the transformation of family relationships as information and digitalization advance, particularly with regard to raising children. However, information technology and children's and adolescents' mastery of its capabilities facilitate their exercise of the right to appeal to the courts.

Keywords: *information technology, digitalization, artificial intelligence, digital object, law enforcement, justice, effectiveness and accessibility of judicial protection, family legal relations, parental rights, legal capacity of minors.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 186–198.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

**О некоторых особенностях назначения наказания
в виде лишения права занимать определенные должности
или заниматься определенной деятельностью:
статистический и практический анализ**

В.В. Харитошкин, Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье затрагиваются вопросы назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью согласно ст. 47 УК РФ. Дается уголовно-правовой анализ данного наказания в качестве как основного, так и дополнительного. Приводятся статистические показатели и конкретные примеры из судебной практики назначения этого вида наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, разновидности и сроки лишения прав, особенности назначения наказания.

Одной из отличительных тенденций современной уголовно-исполнительной политики РФ является более широкое применение наказаний, альтернативных лишению свободы. К числу таких наказаний относится лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Основная цель этого наказания – лишить виновного возможности осуществлять деятельность, в результате которой было совершено преступление или существует потенциальная опасность его совершения.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние 5 лет отмечено определенное снижение числа осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. На представленных ниже диаграммах показана динамика изменения числа осужденных за период с 2020 по 2024 гг., которым это наказание было назначено как в качестве основного, так и в качестве дополнительного (рис. 1, 2) [12].

© Харитошкин В.В.,
Огаркова Н.О., 2025

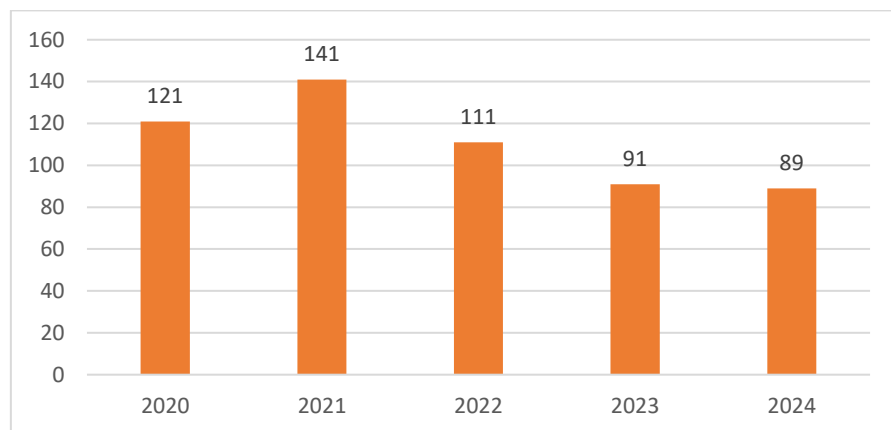

Рис. 1. Динамика назначение основного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за 2020–2024 гг.

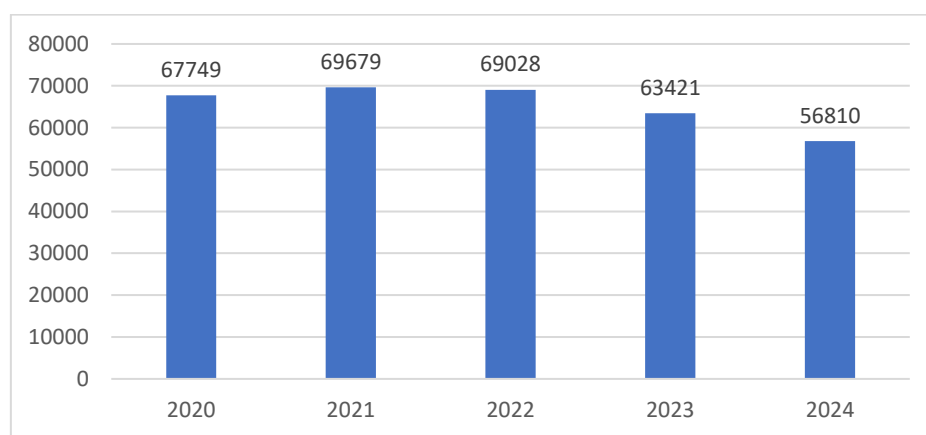

Рис. 2. Динамика назначение наказания в качестве дополнительного в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за 2020–2024 гг.

Из приведенных данных видно, что пик назначения этого наказания за последние пять лет приходится на 2021 г. Начиная же с 2022 г. наблюдается некоторое снижение числа осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, причем как в качестве основного, так и в качестве дополнительного.

Характерно при этом, что сохраняется достаточно высокий удельный вес осужденных к данному виду наказания в общей структуре судимости ко всем видам наказания (рис. 3) [11].

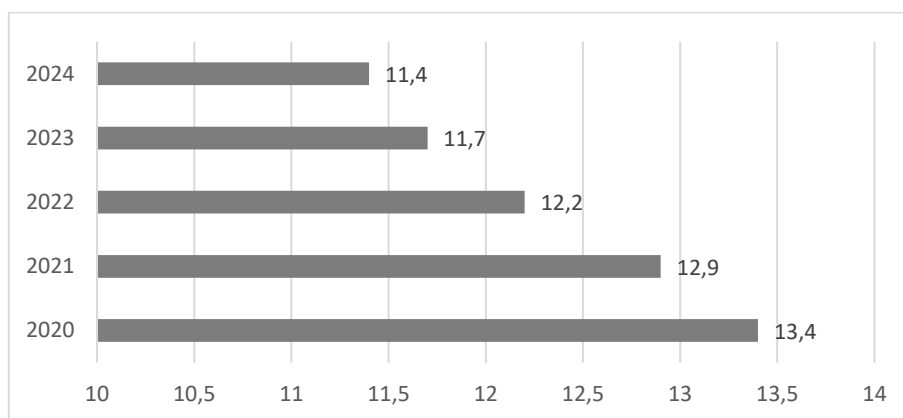

Рис. 3. Удельный вес осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в общей структуре судимости к видам наказания, %

Несмотря на в целом положительную тенденцию применения данного наказания, при его реализации возникают определенные проблемы, требующие как теоретического осмысления, так и возможных законодательных корректировок. Нет единства в толковании некоторых дефиниций, используемых применительно к данному наказанию, также имеют место и определенные расхождения в судебной практике.

Поскольку данный вид наказания включает две разновидности лишения прав (лишение права заниматься как профессиональной, так и иной деятельностью), в приговоре суда должен быть четко указан конкретный вид такой деятельности. За одно и то же преступление нельзя назначить и лишение права занимать должность, и лишение права заниматься определенной деятельностью одновременно.

В санкциях Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельности сочетается с основными наказаниями и его назначение возможно с любым основным наказанием, даже со штрафом. В качестве дополнительного это наказание, как показывает практика, чаще всего назначается за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264¹ УК РФ), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) и т. п.

Так, гражданин Б. в состоянии опьянения управлял легковым автомобилем. При приближении к регулируемому перекрестку Б., в нарушение правил дорожного движения, увеличил скорость свыше 100 км/час с целью проезда перекрестка на мигающий зеленый сигнал светофора. В это время к перекрестку подъехал автомобиль под управлением потерпевшего К., который на разрешающий зеленый сигнал светофора стал осуществлять маневр поворота налево. После столкновения оба автомобиля вынесло с проезжей части перекрестка на

тротуар. В результате ДТП водитель К. получил тяжелые травмы и позже скончался в больнице. Получили травмы различной степени тяжести еще 8 пешеходов. Гражданин Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 6 лет 6 месяцев с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 3 года [12].

Еще одним видом преступлений, за которые суды, как правило, в качестве дополнительного наказания назначают лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, – это злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и др.

Так, Э. был назначен на должность государственного инспектора отдела по общепромышленному надзору и надзору за объектами нефтегазового комплекса. Исполняя возложенные на него должностные обязанности, находясь в составе комиссии на объекте для ведения работ по бурению нефтяной скважины, Э. подготовил документ, подтверждающий техническую исправность оборудования буровой установки, планируемого к применению при наличии выявленных нарушений. Преследуя корыстную цель, Э. позвонил П. – генеральному директору организации, производящей буровые работы, и предложил тому перечислить на банковскую карту Э. 200 000 рублей в качестве взятки за неприменение в отношении П. и представляемой им организации мер ограничительного характера, предусмотренных законодательством Российской Федерации. В тот же день П. осуществил безналичный перевод требуемой суммы. После этого Э., зная, что организация незаконно осуществляет предпринимательскую деятельность, не принял мер ограничительного характера, не составил протокол об административном правонарушении, не сообщил о выявленных нарушениях руководству и не инициировал перед ним вопрос о подготовке и направлении соответствующих материалов в правоохранительные органы Республики Калмыкия для проведения проверки и принятия решения в порядке ст. 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса РФ в отношении генерального директора П. на наличие признаков преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2022 г., с учетом смягчающих обстоятельств (беременность супруги, а также добровольное перечисление осужденным денежных средств в размере 200 000 рублей, полученных в качестве незаконного обогащения), Э. было назначено наказание по п. «в» ч. 5 ст. 290, ст. 64 УК РФ – 3 года 10 месяцев лишения свободы с лишением права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти

либо с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий также на срок 3 года [8].

Согласно ч. 2 ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от одного года до пяти лет в качестве основного вида наказания и на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида наказания.

В случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями УК РФ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок до двадцати лет в качестве дополнительного вида наказания. Такое наказание, например, предусмотрено санкцией ч. 4 ст. 134 УК РФ за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Согласно ч. 1 ст. 72 УК РФ сроки лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью исчисляются в месяцах и годах. Когда данное наказание назначается в качестве дополнительного к обязательным работам, исправительным работам, а также при условном осуждении, его срок исчисляется с момента вступления судебного решения в законную силу. В случае назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, принудительным работам, лишению свободы оно распространяется на все время отбывания указанных основных видов наказаний, но при этом его срок исчисляется с момента их отбытия (ч. 4 ст. 47 УК РФ) [1].

При этом ряд ученых указывает на некоторую непоследовательность законодателя, поскольку при назначении данного вида наказания в качестве дополнительного с перечисленными видами основного наказания, оно будет длиться значительно большее время, чем предусмотрено приговором [4]. Изучение судебной практики также свидетельствует о том, что имеет место во многом субъективный подход в установлении сроков лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Если сравнить максимальные сроки наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в соотношении с лишением свободы в альтернативной санкции, то очевидно, что законодатель преимущественно склоняется к назначению наказания осужденному либо более длительного срока более мягкого вида наказания первого, либо более непродолжительного второго – лишения свободы. Например, ст. 137 УК РФ установлено наказание в виде лишения права занимать определенные должности от 2 до 5 лет, лишение свободы – до 4 лет, а в ст. 243³ УК РФ лишение права

занимать определенные должности – до 5 лет, лишение свободы – до 3 лет.

Обращают на себя внимание определенные противоречия, существующие в ряде норм Общей и Особенной частей УК РФ. Так, сроки основного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, как уже отмечалось, в ч. 2 ст. 47 УК РФ определены: минимальный – один год, а максимальный – пять лет. Между тем в ч. 1 ст. 145.1 УК РФ в качестве основного наказания предусмотрено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до одного года. В этой связи можно согласиться с теми учеными, которые предлагают увеличить срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до трех лет [5].

Можно отметить также и довольно значительный разрыв между верхним и нижним пределами данного вида наказания: от 6 месяцев до 20 лет. По этому вопросу в юридической литературе специалисты высказывают разные позиции. Одни ученые считают, что более широкий диапазон пределов санкций является важным условием индивидуализации наказания, в то время как другие полагают, что широкие рамки судейского усмотрения при определении меры уголовной ответственности – это скорее признак так называемого «кризиса наказания» [2]. Представляется, что при существующих широких диапазонах санкций, оптимальным следует признать их средний размер.

Так, В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, завлек мальчика в лесной массив, где, приставив к его горлу нож, совершил в отношении его насильственные действия сексуального характера. Очевидцы увода ребенка неизвестным сообщили его матери о случившемся. Благодаря усилиям местных жителей, пустившихся на его поиски, удалось задержать преступника. По приговору Верховного Суда Республики Дагестан от 27.03.2023 г. В. был осужден по ч. 5 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера) к 18 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с лишением права заниматься деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних сроком на 10 лет. Находиться под контролем учреждений и органов уголовно-исполнительной системы гражданин В. будет 28 лет [10].

Еще один пример из судебной практики. Кировский районный суд Санкт-Петербурга вынес приговоры мужчинам, обвиняемым в изнасиловании сирот в одном из городских детских домов. По данным следствия, насилие совершалось в детском доме № 10, расположенном на улице Ивана Черных в Кировском районе города. Суд признал Михаила Е. виновным в двух эпизодах насильственных действий сексуального

характера, совершенных в отношении лица младше 14 лет. По одному эпизоду его освободили от наказания в виде лишения свободы на 10 лет в связи с истечением сроков давности, по второму назначили 12 лет в колонии строгого режима и на 10 лет запретили заниматься педагогической деятельностью [3]. Отметим, что в данном случае наказание напрямую связано с занимаемой осужденным должностью или занятием определенной деятельностью.

Следует согласиться с мнением специалистов, которые полагают, что судам при решении вопроса об основном виде наказания целесообразно снижать его размер за счет увеличения срока дополнительного. При назначении же более длительного срока основного вида наказания, имеет смысл назначать менее длительные сроки наказания дополнительного.

Согласно ч. 3 ст. 47 УК РФ лишение права заниматься определенными видами деятельности может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление. Пленумом Верховного Суда РФ подтверждена возможность назначения названного вида наказания в качестве дополнительного с учетом положений ч. 3 ст. 47 УК РФ и в том случае, если оно предусмотрено в статье Особенной части только в качестве альтернативного основного наказания.

Так, Б. была осуждена по ч. 1 ст. 290 УК РФ к 3 годам лишения свободы. В соответствии с ч. 3 ст. 47 УК РФ ей было назначено дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности в судебной системе и в государственных правоохранительных органах Российской Федерации, связанные с осуществлением функций представителя власти, сроком на три года. Как следует из материалов дела, к гражданину М. обратился его знакомый, на которого был составлен протокол об административном правонарушении за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения с просьбой «решить вопрос». В свою очередь М. обратился к мировому судье Б. и попросил не лишать своего знакомого водительских прав. За принятие такого решения Б. потребовала деньги в сумме 50 000 рублей. Состоявшийся между ними разговор М. записал на диктофон, затем переписал его на компакт-диск и приложил его к своему заявлению в правоохранительные органы. В ходе оперативных мероприятий была получена видеозапись хода встречи М. и Б., а также зафиксирован разговор между ними как до, так и после передачи судье денег в размере 50 000 рублей [9].

Анализ судебной практики показывает, что суды нередко допускают ошибки при назначении дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенными видами деятельности с учетом положений ст. 69 и 70 УК РФ. Положения этих норм они учитывают

только при назначении наказания за отдельные преступления и умалчивают о них при формулировании окончательного вида наказания. Также суды подчас указывают на дополнительный вид наказания лишь при назначении окончательного наказания (в то время как ни за одно из преступлений, входящих в совокупность, оно не было назначено).

При этом Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что дополнительное наказание не может быть определено по совокупности преступлений, если оно не назначено ни за одно из преступлений, входящих в совокупность.

Так, гражданин Ф. был осужден: по ч. 3 ст. 159 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 350 000 рублей; по ст. 289 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 25 000 рублей. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний, окончательно ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 360 000 рублей с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти либо выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, сроком на 2 года. Судебная коллегия Ульяновского областного суда изменила приговор и исключила назначение Ф. дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти либо выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, сроком на 2 года, назначенного по совокупности преступлений по правилам ст. 69 УК РФ [7].

При применении судом правил ч. 5 ст. 69 УК РФ в резолютивной части приговора указывается срок отбытого подсудимым наказания по первому приговору, который подлежит зачету в срок вновь назначенного наказания, в том числе в случаях, когда наказание по прежнему приговору отбыто подсудимым полностью [6].

Тот же порядок назначения дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенными видами деятельности отражен в ч. 5 ст. 70 УК РФ. Отличие заключается лишь в том, что в данном случае к окончательному основному наказанию присоединяются вновь назначенное дополнительное наказание и не отбытая часть дополнительного наказания, назначенного по предыдущему приговору. Если за различные преступления судом назначены разные виды дополнительного наказания, то они с приведением соответствующих размеров и сроков должны быть указаны в приговоре и при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что грамотное и рациональное применение судами уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной

деятельностью, безусловно, будет способствовать как усилению карательно-предупредительного воздействия на осужденного, так и профилактике совершения с его стороны новых преступлений, связанных с профессиональной или иной деятельностью.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Особенности уголовного наказания в аспекте рискологического анализа // Правосудие. 2022. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnogo-nakazaniya-v-aspekte-riskologicheskogo-analiza> (дата обращения: 04.11.2025).
3. Волкова Д.А. По делу о сексуальном насилии в детском доме Петербурга вынесли приговоры // Выпуск РБК. 2025. 26 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34193/> (дата обращения: 04.11.2025).
4. Кафиатулина А.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблема сроков // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 23, № 3. С. 268–272 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37343415> (дата обращения: 04.11.2025).
5. Кафиатулина А.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 294 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 27.09.2023 г. по делу № 22-1772/2023 // СПС «Гарант».
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.01.2023 г. № 42-УД22-8-К4 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.05.2017 г. № 20-АПУ17-4 // СПС «Гарант».
10. Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.12.2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/34193/> (дата обращения: 04.11.2025).
11. Данные судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей // сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/?id=80> <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.11.2025).
12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.11.2025).
13. Архив Центрального районного суда г. Твери за 2021 г. Уголовное дело № 1-8/21.

Об авторах:

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 3865-1541, AuthorID: 1065615, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

**Peculiarities of imposing a punishment in the form
of deprivation of the right to hold certain positions
or engage in certain activities: statistical and practical analysis**

V.V. Kharitoshkin, N.O. Ogarkova

Tver State University, Tver

This article examines the specifics of imposing a penalty in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities under Article 47 of the Criminal Code of the Russian Federation. The sanctions in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation that include this type of punishment as a primary and additional penalty, as well as the legal nature of this penalty, are analyzed. Statistics on the imposition of this type of punishment and judicial practice for specific offenses are presented.

Keywords: *crime, criminal punishment, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, punishment systems.*

About authors:

KHARITOSHKIN Valery – PhD in Law, professor, head of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

OGARKOVA Natalya – senior lecturer of the department of in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 3865-1541, AuthorID: 1065615, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

Харитошкин В.В., Огаркова Н.О. Особенности назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: статистический и практический анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 199–208.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в условиях проведения специальной военной операции

К.В. Шаров¹, С.А. Буров²

¹ФГКОУ ВО «Омская академия МВД России», г. Омск;

² ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», г. Тверь

В научной статье рассматриваются особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в условиях специальной военной операции, которые обусловлены как боевыми действиями, так и изменениями в обществе, вызванными конфликтом. В статье рассмотрены основные факторы, влияющие на ход расследования. Главной целью исследования является разработка и обоснование комплексной методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, с учетом специфики условий специальной военной операции, направленной на повышение эффективности выявления, пресечения и раскрытия таких деяний. В качестве методов исследования выступают системный и сравнительно-правовой анализ нормативной базы, обобщение следственной и судебной практики, криминалистическое моделирование, экспертно-аналитическая оценка, а также изучение и интерпретация эмпирических материалов правоохранительных органов. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами: незаконный оборот оружия в условиях специальной военной операции требует адаптации существующих методических подходов; необходимы усиление межведомственного взаимодействия, внедрение современных криминалистических технологий, повышение квалификации сотрудников и разработка комплексной методики расследования, что позволит повысить раскрываемость и снизить криминогенную угрозу.

Ключевые слов: *расследование преступлений, преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, специальная военная операция, незаконный оборот оружия, огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства.*

Вопрос правового регулирования оборота оружия в Российской Федерации закреплен на федеральном уровне, в частности Федеральным законом от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [1]. Любое отклонение от установленных законодательных норм в данной сфере трактуется как противоправное деяние и влечет юридическую ответственность [15]. При этом нелегальный оборот оружия в настоящее время приобретает устойчивый характер и трансформируется в один из ключевых факторов, стимулирующих рост общей преступности.

Особую тревогу вызывает то, что незаконное хранение, приобретение, передача, сбыт и транспортировка оружия и боеприпасов зачастую сопряжены с иными опасными преступлениями, включая террористическую и экстремистскую деятельность. Уголовно-правовая оценка этих деяний осуществляется в рамках ст. 222–226 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4].

В современных условиях, особенно в контексте проведения специальной военной операции (далее – СВО), формируются новые криминальные практики, адаптированные к нестабильной обстановке и сниженной эффективности традиционных методов оперативно-разыскной работы [18]. Это обстоятельство предопределяет необходимость разработки адаптированной методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, учитывающей особые условия военного и поствоенного времени [6].

Указанная категория преступлений отличается высокой латентностью и значительной степенью общественной опасности, что требует от правоохранительных органов не только повышения уровня технической и аналитической подготовки, но и внедрения новых алгоритмов действий при проведении первоначальных следственных мероприятий. Особую значимость приобретают тактические приемы выявления, документирования и пресечения фактов незаконного хранения вооружения в условиях маскировки под легальные действия (например, с использованием поддельных разрешений или прикрытия в виде частных охранных структур) [10].

Таким образом, актуальная криминогенная ситуация требует коренного пересмотра существующих методических подходов. Повышенные требования предъявляются не только к качеству и своевременности следственных действий, но и к оперативно-профилактической составляющей, включая формирование системы мониторинга рисков, использования цифровой криминалистики и межведомственного взаимодействия. Это позволяет не просто выявлять уже совершенные правонарушения, но и эффективно предупреждать попытки вовлечения оружия в нелегальный оборот [19].

Приведем следующие практические примеры.

Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, был привлечен к уголовной ответственности и получил 3 года и 6 месяцев отбывания в колонии строгого режима за попытку незаконной продажи оружия, вывезенного из зоны СВО [2]. В июле 2023 г. в зоне СВО военнослужащий получил автомат, автоматическую винтовку и магазины к ним. Он спрятал этот арсенал под кузов автомобиля «Камаз» и повез в Краснодарский край, где планировал продать. Грузовик был остановлен сотрудниками ФСБ, и огнестрельное оружие было изъято. В суде военнослужащий частично признал вину, заявив, что оружие вез для себя. Кущевский районный суд Краснодарского края признал его

виновным за покушение на незаконный сбыт оружия (ч. 3 ст. 30, пункт «а» ч. 5 ст. 222 УК РФ) [21].

Интересен еще один пример, когда сотрудники ФСБ и МВД в Белгородской области пресекли крупный канал нелегальной поставки оружия и боеприпасов, которые вывозились из зоны СВО [3]. В результате действий сотрудников правоохранительных органов были задержаны двое мужчин, выходцев из Белгородской и Московской областей. У преступников были изъяты: 67 гранатометов, 14 ПТУР, десятки ручных гранат, тротиловые шашки и более 15 тысяч патронов. Суд признал лиц виновными в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, им было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года с отбыванием в колонии строгого режима [2, 20].

В условиях проведения СВО расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, имеет ряд особенностей, обусловленных как самой обстановкой боевых действий, так и изменениями в общественной жизни, вызванными конфликтом [16]. Современные реалии, обусловленные проведением СВО, формируют уникальные криминогенные условия, оказывающие значительное влияние на тактику и методику расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Анализ эмпирического материала позволяет выделить ряд специфических факторов, существенно усложняющих расследование указанных деяний:

- повышенная насыщенность оружием зоны боевых действий. Утрата, хищение, несанкционированный оборот и последующее перемещение огнестрельного оружия с территории боевых столкновений формируют устойчивую инфраструктуру нелегального распространения вооружения как в пределах страны, так и за ее рубежами;

- труднодоступность места совершения преступления. В зоне активных боевых действий проведение следственных действий (осмотр места происшествия, изъятие вещественных доказательств и т. д.) нередко невозможно в силу оперативной обстановки, что порождает пробелы в сборе доказательственной базы и снижает эффективность расследования [17];

- агрессивное противодействие со стороны преступников. Распространены случаи физического сопротивления, сокрытия или уничтожения улик, давления на свидетелей. Эти проявления требуют разработки специализированных тактических приемов защиты участников процесса и фиксации доказательств в условиях угроз [11];

- психофизиологические перегрузки следователей и оперативных сотрудников. Работа в стрессовых условиях, сопряженная с риском для жизни, негативно влияет на профессиональную выносливость и принятие решений, требующих высокой точности и скорости [7, с. 340].

Недостаточные изменения в правовом режиме оборота оружия в период СВО затрудняют правоприменительную деятельность и требуют от следователей оперативной адаптации к новым юридическим реалиям. Например, возникают факты самовольного присвоения вооружения военнослужащими или иными участниками боевых действий, что формирует дополнительный нелегальный сегмент оружейного оборота – наличие «трофейного» оружия. Кроме того, присутствие иностранных наемников и незаконных вооруженных формирований, участвующих в боевых действиях, сопряжено с транснациональными рисками незаконного оборота оружия.

Эмпирические данные свидетельствуют, что в подавляющем большинстве случаев (до 62,2 %) основанием для возбуждения уголовных дел становятся оперативные материалы, в то время как самостоятельное выявление преступлений в ходе проверок составляет лишь 34,5 %, а сообщения от граждан – менее 4 %. Это подчеркивает значимость проактивных оперативно-разыскных мероприятий, включая агентурную работу, прослушивание переговоров, скрытые наблюдения и криминалистический анализ цифровых следов [12].

Для установления состава преступления на первоначальном этапе расследования требуется проведение комплекса ключевых мероприятий:

- криминалистическая экспертиза для установления принадлежности изъятого предмета к оружию или его частям;
- проверка условий хранения и возможной переделки оружия;
- сверка номерных знаков и баллистических характеристик с базами данных криминалистических учетов [13].

Важнейшим этапом является назначение судебной экспертизы, при этом следователь должен обеспечить полноту направляемых материалов; сохранность технических характеристик оружия (например, недопущение коррозии, отдельная упаковка марлевых тампонов, использованных при консервации ствола); юридическую корректность постановления (с обязательным предупреждением эксперта об ответственности за ложное заключение согласно ст. 307 УК РФ и разъяснением его прав по ст. 57 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации).

Невысокий процент доведения уголовных дел до суда свидетельствует о системных проблемах, таких как частое возбуждение дел по недостаточно верифицированным данным, несвоевременное проведение следственных действий, неэффективное взаимодействие между структурами. Это требует внедрения новой модели межведомственной координации, использующей цифровые платформы обмена данными и автоматизированные средства учета [12].

Отдельное внимание следует уделить организационным особенностям, тормозящим реагирование, таким как нехватка специалистов и технических ресурсов; фрагментарность взаимодействия

между оперативными и следственными подразделениями; латентный характер значительной доли преступлений, требующих скрытых методов выявления; давление на сотрудников, вынужденных работать в чрезвычайных условиях при отсутствии надлежащей материально-психологической поддержки.

В связи с вышеуказанным, представляется необходимым пересмотреть тактику первоначального реагирования на сообщения о незаконном обороте оружия, ориентируя ее на приоритетное проведение осмотров с участием экспертов-криминалистов; активное использование мобильных криминалистических лабораторий; внедрение методик ситуационного моделирования для реконструкции событий при недоступности места происшествия; правовую оценку действий военнослужащих и гражданских лиц в условиях боевых действий с учетом новых интерпретаций фактической обстановки [14].

Одной из ключевых проблем, существенно влияющих на эффективность расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, является недостаточная полнота и низкое качество проведения первоначальных следственных действий [16]. На начальной стадии уголовного судопроизводства такие упущения нередко приводят к утрате существенной информации, искажают оценку обстоятельств происшествия, что, в свою очередь, становится причиной принятия следователями ошибочных процессуальных решений. Как следствие, значительное число уголовных дел приостанавливается, прекращается либо возвращается для дополнительного расследования, что снижает общий показатель их раскрываемости.

Снижение эффективности правоохранительной деятельности в данной сфере обусловлено, в числе прочего, недостаточной подготовкой следователей и оперативных сотрудников, дефицитом современных технических и криминалистических средств, а также отсутствием четко апробированных методических подходов к расследованию преступлений указанной категории [16]. Отмечается и дефицит прикладных научных разработок в области судебной баллистики, а также экспертиз, связанных с оружием и боеприпасами [8].

Проблема профессиональной компетентности сотрудников, участвующих в расследовании, требует особого внимания. Анализ практики показывает, что даже при наличии теоретической подготовки, следователи часто не владеют современными методами фиксации, анализа и интерпретации доказательственной информации. Это особенно актуально в условиях проведения СВО, где динамика оперативной обстановки, специфические условия доступности объектов преступления требуют нестандартных подходов к планированию и реализации следственных мероприятий [6].

Для повышения эффективности противодействия преступлениям данной категории необходимо инициировать комплексное научное

исследование, направленное на разработку прикладной методики выявления, пресечения и расследования незаконного оборота оружия в условиях повышенного правового и физического риска. Результаты таких исследований должны стать основой для подготовки методических рекомендаций и учебных программ повышения квалификации сотрудников следственных и оперативных подразделений [19].

Основные направления повышения эффективности расследования в условиях СВО включают в себя создание специализированных механизмов контроля за оборотом вооружения в зонах проведения СВО и на прилегающих территориях; внедрение электронной системы маркировки и учета огнестрельного оружия и боеприпасов; регулярные ревизии складов и проверку наличия оружия у военнослужащих; усиление контроля на КПП, складах хранения и ремонтных базах. Кроме того, на различных стадиях, для комплексного и сложного решения проблем преодоления противодействия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, необходимо:

1. Совершенствование уголовно-правового механизма противодействия незаконному обороту оружия:

- проведение более четкой дифференциации уголовной ответственности за противоправные действия с оружием с учетом источника его происхождения, включая случаи обращения в гражданский оборот так называемого «трофейного» оружия;

- расширение практики применения обеспечительных мер уголовно-правового характера, в том числе конфискации имущества, полученного в результате незаконного оборота оружия, а также наложения ареста на банковские счета и иные активы, связанные с преступной деятельностью в данной сфере.

2. Интеграция силовых структур в рамках межведомственного подхода:

- создание межведомственных оперативно-следственных групп с участием МВД, ФСБ, военной полиции и Росгвардии;

- унификация информационного обмена и создание межведомственного реестра по незаконному обороту оружия.

3. Инновации в области криминалистической техники и экспертизы:

- внедрение портативных сканеров для идентификации оружия и боеприпасов на месте происшествия;

- развитие единой экспертной платформы с базой данных по следам стрельбы, серийным номерам и конфигурации боеприпасов;

- формирование алгоритма экспресс-экспертизы оружия с возможностью удаленного анализа.

4. Обеспечение защиты участников уголовного судопроизводства:

- разработка программы защиты свидетелей, предоставляющих информацию о преступлениях, связанных с оборотом оружия;

- использование анонимных каналов передачи информации и технических средств дистанционного допроса.

5. Профилактические и превентивные меры:

- масштабная информационная кампания по добровольной сдаче оружия;

- выявление цифровых каналов сбыта оружия, включая даркнет и мессенджеры;

- работа с местными сообществами в целях формирования культуры нетерпимости к незаконному хранению оружия.

6. Технологическое оснащение и кадровое развитие:

- оснащение следственных и оперативных подразделений мобильными криминалистическими лабораториями;

- внедрение модуля искусственного интеллекта в аналитическую деятельность по сопоставлению данных о преступлениях;

- организация курсов повышения квалификации с учетом условий проведения СВО и современных вызовов преступности.

Подводя итоги материалу исследования, следует отметить, что в условиях проведения СВО нарастает масштаб угроз, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Эта преступная деятельность приобретает особую общественную опасность ввиду высокой латентности, сложности в выявлении каналов перемещения оружия, участия в противоправной деятельности как организованных преступных формирований, так и отдельных военнослужащих. Кроме того, такие преступления зачастую сопряжены с иными посягательствами – террористическими актами, контрабандой, диверсионной деятельностью, посягательствами на жизнь сотрудников правоохранительных органов и гражданского населения.

Проведенное исследование позволило выявить совокупность системных факторов, ограничивающих результативность расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в условиях проведения СВО. К числу наиболее значимых проблем относятся недостаточная профессиональная подготовка следователей и оперативных сотрудников, дефицит специализированных технических средств фиксации и анализа доказательственной информации, а также сохраняющаяся правовая неопределенность отдельных процессуальных процедур, особенно при работе в зоне активных боевых действий. Дополнительные трудности создают ограниченный доступ к местам происшествий и повышенные риски для участников следственно-оперативных мероприятий.

Совокупность указанных факторов свидетельствует о необходимости глубокого пересмотра действующих методических и организационных подходов к расследованию данной категории преступлений. Требуется усиление межведомственного взаимодействия между следственными подразделениями, органами внутренних дел,

военной прокуратурой и военной комендатурой, а также внедрение научно обоснованных криминалистических рекомендаций, адаптированных к условиям СВО [9].

Актуальность обозначенной проблематики обуславливает не только потребность в совершенствовании тактики и техники проведения отдельных следственных действий, но и в формировании целостной государственной концепции противодействия незаконному обороту оружия в условиях военного конфликта. Приоритетными направлениями в этой сфере следует признать:

- совершенствование уголовно-правового регулирования, включая дифференциацию ответственности за незаконные действия с оружием в зависимости от его происхождения и назначения;
- развитие криминалистических методик расследования, ориентированных на оперативную идентификацию оружия и каналов его распространения;
- формирование единой межведомственной информационно-аналитической базы данных по фактам незаконного оборота оружия;
- укрепление международного сотрудничества в сфере пресечения трансграничных поставок и обмена криминалистически значимой информацией [5, с. 350].

Научное осмысление проблемы указывает на существенный дефицит исследований, посвященных именно особенностям расследования преступлений указанной категории в специфических условиях вооруженного конфликта. В связи с этим представляется необходимым разработать комплексную межведомственную научно-исследовательскую программу, направленную на создание адаптированной под условия СВО методики расследования преступлений, предусмотренных ст. 222–226 УК РФ. Такая методика должна интегрировать уголовно-правовые, криминалистические, психологические, технические и организационные аспекты деятельности следственных органов, учитывая особенности работы в условиях повышенной опасности и ограниченного доступа к доказательствам.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, снижению потерь доказательственной информации, своевременному выявлению и изобличению виновных лиц. Кроме того, это создаст предпосылки для стабилизации оперативной обстановки в зоне проведения СВО и на прилегающих территориях, что в конечном итоге укрепит национальную и региональную безопасность Российской Федерации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (в ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ МВД РФ от 29.06.2012 г. № 646 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по контролю за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранностью и техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Бастрыкин А.И. Тактика осмотра места происшествия: современные подходы // Вестник СК РФ. 2021. № 3. С. 10–16.
7. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Юристъ, 2001. 800 с.
8. Боброва О.Г. Доктринальные основы правового обеспечения пограничной безопасности в условиях специальной военной операции // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы: сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». М., 2023. С. 44–54.
9. Быховский И.Е. Современные тенденции развития методики расследования преступлений // Российский следователь. 2022. № 10. С. 15–20.
10. Бычков В.В. Криминальный оборот оружия и боеприпасов: понятие, уголовно-правовое и криминалистическое противодействие: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025. 476 с.
11. В Белгородской области поймали торговцев оружием из зоны СВО // News.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/regions/silovik-presekli-nelegalnyj-vvoz-oruzhiya-iz-zony-svo/> (дата обращения: 16.09.2025).
12. Герасимова И.Ф., Кокорев Л.Д. Криминалистика: учебник. М.: Проспект, 2022. 720 с.
13. Девиченский М.В. К вопросу определения предмета военной контрабанды в период проведения специальной военной операции // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3 (178). С. 275–277.
14. Жижиленко А.А. Незаконный оборот оружия: уголовно-правовой и криминологический анализ // Российский следователь. 2022. № 7. С. 25–30.
15. Козлов А.Н. Взаимодействие следователя и оперативных подразделений при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // Следователь. 2021. № 5. С. 18–23.
16. Корухов Ю.Г. Судебная баллистика: учебник. М.: Норма, 2018. 480 с.
17. Пашин С.А. Проблемы доказывания при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // Законность. 2020. № 11. С. 35–39.

18. Противодействие незаконному обороту оружия в России: сб. материалов круглого стола (Москва, 25 сентября 2019 г.) / ред. коллегия Р.В. Жубрин, О.А. Евланова; ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2020. 148 с.

19. Робак В.А. Контрабанда оружия: современное состояние // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2024. С. 388–390.

20. Российское агентство правовой и судебной информации. [Электронный ресурс] URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240529/309935452.html?ysclid=m6f4yrfdww10636275 (дата обращения: 16.09.2025).

21. Шурухнов, Н.Г. Криминалистика: учебник. М.: Норма, 2019. 640 с.

Об авторах:

ШАРОВ Константин Викторович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФГКОУ ВО «Омская академия МВД России» (644092, г. Омск, пр. Комарова, д.7), SPIN-код: 1392-6881, AuthorID: 959107, e-mail: kostia_sharov55@mail.ru

БУРОВ Сергей Алексеевич – старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Тверского филиала ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (170040, г. Тверь, ул. Кривичская, дом 12), SPIN-код: 2139-5906, AuthorID: 959842, e-mail: Buran1984@mail.ru

Features of investigating crimes related to illegal arms trafficking during a special military operation

K.V. Sharov¹, S.A. Burov²

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk;

² V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tver

The scientific article examines the features of the investigation of crimes related to the illicit trafficking of weapons in the context of a special military operation, which are caused both by military operations and by changes in society caused by the conflict. The article discusses the main factors that influence the course of the investigation. The main goal of the study is to develop and justify a comprehensive methodology for investigating crimes related to the illicit trafficking of weapons, taking into account the specific conditions of a special military operation, in order to improve the efficiency of detecting, suppressing, and solving such crimes. The research methods include a systematic and comparative legal analysis of the regulatory framework, a generalization of investigative and judicial practice, forensic modeling, expert and analytical assessment, as well as the study and interpretation of empirical materials from law enforcement agencies. The research results can be summarized as follows: the illegal circulation of weapons in the context of the special military operation (SMO) requires the adaptation of existing methodological approaches; it is

necessary to strengthen interagency cooperation, introduce modern forensic technologies, improve the qualifications of employees, and develop a comprehensive investigation methodology, which will increase the detection rate and reduce the criminal threat.

Keywords: *crime investigation, crimes related to illegal arms trafficking, special military operation, illegal arms trafficking, firearms, ammunition, explosives, explosive devices.*

About author:

SHAROV Konstantin – PhD in Law, Senior Researcher at the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (644092, Omsk, Komarova Avenue, 7), SPIN-code: 1392-6881, AuthorID: 959107, e-mail: kostia_sharov55@mail.ru

BUROV Sergey – senior lecturer of the department of tactical and special, fire, and physical training at the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot (170040, Tver, Krivichskaya Street, 12), SPIN-code: 2139-5906, AuthorID: 959842; e-mail: Buran1984@mail.ru

Шаров К.В., Буров С.А. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в условиях проведения специальной военной операции // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 209–219.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025 г.

Подписана в печать 27.09.2025 г.

Вопросы истории государства и права

УДК 271.22(470-25)-784(569.4)-9

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.4.220

К вопросу об изучении в отечественной науке правовых и организационно-управленческих аспектов деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (краткий историографический обзор)¹

С.Н. Смирнов, А.В. Цыганова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Цель настоящего исследования заключается в анализе историографии в аспекте рассмотрения в научных трудах вопросов, прямо связанных с созданием Императорского Православного Палестинского Общества и его региональных структур, с формированием нормативной базы деятельности и развитием организационно-правовой формы Общества, с принятием органами государственной власти, а также органами управления ИППО управленческих решений в отношении деятельности Общества, включая решения об изменении наименования, организационно-правовой формы и системы органов управления Общества. Объектом исследования является развитие научных знаний об аспектах деятельности Императорского Православного Палестинского Общества, связанных с формированием нормативной базы его работы, развитием системы органов управления и региональной организационной структуры Общества. В фокусе внимания авторов настоящей работы находятся труды, в которых анализируются ключевые управленческие решения и события, напрямую повлиявшие на существование ИППО как организации, определившие его правовую природу, организационную структуру, взаимоотношения с государственной властью. Настоящее исследование выполнено в рамках историко-правовой науки.

Ключевые слова: *Императорское Православное Палестинское Общество, историография, правовой статус, нормативная база, управление, региональная организационная структура.*

Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО, Общество) как одного из старейших, самых авторитетных и наиболее активных общественно-государственных институтов во все исторические периоды привлекала к себе внимание отечественных исследователей.

Практическая работа по организации ИППО началась около полутора веков назад.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания № 0817-2023-0013 «Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в Тверском крае в XIX–XXI вв.».

Историография научной проблематики, связанной с созданием и деятельностью Императорского Православного Палестинского Общества, включая его структуры в различных регионах страны и зарубежных странах, формируется на протяжении более чем столетнего периода. В итоге в отечественной науке был создан мощный комплекс научных исследований по указанной проблематике. Однако следует отметить, что подавляющее большинство исследований выполнено в рамках таких наук, как история, искусствоведение и культурология. В рамках правовой науки (как, впрочем, и в рамках некоторых других социальных и гуманитарных наук) количество исследований значительно меньше.

Историография ИППО является предметом исследования во всех крупных трудах по истории Общества, а также в ряде специальных трудов. В некоторых исследованиях историография ИППО рассматривается в качестве одного из сюжетов [22].

Настоящая работа представляет собой попытку рассмотрения научных трудов, составляющих историографию ИППО, с позиций содержащегося в них научного анализа развития Общества как организации, как субъекта общественной деятельности и субъекта государственной политики, с позиций развития правового статуса и организационной формы Общества, с позиций формирования нормативной базы его функционирования.

В состав предмета исследования не вошли научные работы, посвященные рассмотрению повседневной деятельности Общества, биографий руководителей и иных лиц, связанных с ИППО, и т. д.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют научные достижения в общей теории права и философии права.

Методическая основа исследования сформирована в рамках цивилизационного подхода. Методологию составляют диалектический, исторический, формально-юридический и другие методы.

Начало исследованию деятельности Общества положили ученые и общественные деятели второй половины XIX в. В их числе прежде всего следует назвать В.Н. Хитрово, одного из инициаторов и главных организаторов ИППО. Отметим, что Общество активно поддерживало научные исследования. Правда, несмотря на то что «научная, научно-издательская и просветительская деятельность всегда относились к числу важнейших направлений работы Императорского Православного Палестинского Общества» [40, с. 98–111], исследование деятельности самого Общества не входило в главную область научных исследований. Однако активная деятельность ИППО не могла не привлечь внимания исследователей. Тем более что созданная Обществом издательская инфраструктура позволяла выпускать в свет научные публикации по различной тематике. Очерк издательской деятельности Общества представлен в работах Г.З. Пумпян.

«Первое серьезное обобщение» (по выражению А.Г. Грушевого) деятельности Общества было осуществлено в 1891 г.; оно было связано с научным трудом Ф.К. Грекова (Палеолога) [13]. Первым комплексным научным исследованием монографического характера стал труд А.А. Дмитриевского, увидевший свет в 1907 г. Следует учитывать, что автор занимал официальный пост в центральных органах Общества; это обстоятельство облегчало ему доступ к документам ИППО. Не удивительно, что труд А.А. Дмитриевского имеет солидную эмпирическую базу и, в частности, прочное документационное основание [20].

В советский период истории деятельность ИППО не находилась в центре внимания исследователей. Более того, издательская деятельность Общества была приостановлена с середины 1930-х по середину 1950-х гг. Работы комплексного характера по истории Общества выходили в советский период в свет к его юбилейным датам. В числе наиболее значительных научных работ советского периода по правовым, управленческим и организационным вопросам деятельности Общества следует назвать труды С.Л. Тихвинского, К.Н. Юзбашяна, Е.Н. Мещерской [46].

Со второй половины 1980-х гг. научные исследования деятельности ИППО в отечественной историографии активизируются.

В последние годы в России в свет вышли интересные исследования по истории Императорского Православного Палестинского Общества.

Как весьма значительный следует оценить вклад в изучение различных аспектов деятельности Общества заместителя председателя ИППО Н.Н. Лисового. В числе центральных направлений его научной работы – изучение наследия Русской Палестины и деятельности руководителей и видных его представителей, а также комплексное исследование истории Общества.

Одной из центральных фигур в научном исследовании проблематики, связанной с деятельностью Общества, является в настоящее время С.Ю. Житенёв, руководитель Научной секции ИППО, советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Представим краткий историографический обзор по ключевым этапам в развитии ИППО.

Относительно проблематики, связанной с созданием ИППО, среди отечественных исследователей существует практически полное единодушие в отношении факторов, способствовавших появлению и реализации идеи создания данного государственно-общественного института. В числе этих факторов указывается политическая ситуация на Ближнем Востоке, последствия неудачной для Российской империи войны 1853–1856 гг., недостаточная эффективность деятельности официальных государственных ведомств России на этом направлении,

активная миссионерская деятельность представителей других христианских конфессий и пр. В этих условиях именно привлечение инициативы и ресурсов общества позволяло обеспечить новый формат российского цивилизационного присутствия на Святой Земле.

Н.Н. Лисовой подчеркивает длительную историческую традицию «русского православного присутствия в Святой Земле». Это присутствие осуществлялось «прежде всего и по преимуществу как государственная, державная инициатива» [25, с. 103].

Об активной миссионерской деятельности представителей различных христианских конфессий, о возрастании в мире научного интереса к Святой Земле как о предпосылках образования ИППО пишет В.С. Павинский [37], о несогласованности действий, взаимном недоверии российских учреждений того времени (до 1882 г.) в Святой Земле пишет О.А. Перенижко [38, с. 15].

В научной литературе отмечается роль руководителей государства, которые следовали при этом отнюдь не только политическими соображениями. О.Г. Пересыпкин приводит слова императора Александра II при принятии им решения о создании Палестинского комитета: «Это для меня вопрос сердца» [39, с. 41]. Н.Н. Лисовой пишет о державной воле императора Александра III при создании ИППО [26, с. 3].

К.Н. Юзбашян подчеркивает роль В.Н. Хитрово: «Общество явилось творением по существу одного человека – Василия Николаевича Хитрово». Автор высоко оценивает документационное сопровождение деятельности Общества, в том числе с позиций использования документации в качестве исторического источника: «благодаря хорошо поставленной отчетности, мы можем составить полное представление о практической деятельности общества» [57].

Непосредственным организатором Общества, определившим программу его деятельности, называет В.Н. Хитрово А.Г. Грушевой [14]. Также в качестве непосредственного организатора определяет В.Н. Хитрово И.А. Воробьева [10, с. 15].

С.Ю. Житенёв отмечает, что мысль о создании Палестинского Общества зародилась во время паломнических путешествий В.Н. Хитрово. При этом он подчеркивает особую роль в создании Общества паломничества в Святую Землю великих князей Сергея и Павла Александровичей и великого князя Константина Константиновича в 1881 г. [16, с. 11].

Отметим любопытную деталь. В информации об Императорском Православном Палестинском Обществе (размещенной в статье «Палестина») в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, датируемой 1897 г., имя В.Н. Хитрово не упоминается, а идея создания Общества связана исключительно с великим князем Сергеем Александровичем [55].

На близость Общества к правительству, причем как на фактор,

облегчавший его уставную деятельность, указывают Е.Н. Мещерская и К.И. Юзбашян [33, с. 5].

В целом ряде научных работ рассмотрен устав Общества, утвержденный императором Александром III 8 мая 1882 г.

В историографии подчеркивается важность решений отечественного законодателя в 1889 г. в отношении правового статуса Общества. В этом году Общество получило наименование Императорского, а в ведение Общества были переданы «обязанности, дела и капитал упраздненной Палестинской комиссии» [12, с. 52].

Укрепление финансовой базы ИППО являлось одной из центральных задач в деятельности Общества в первые десятилетия его существования. Ряд управленческих решений был прямо нацелен на поиск источников финансирования. Данный сюжет подробно исследован в монографии А.А. Дмитриевского и в ряде современных научных трудов [3, 7].

Интерес в рамках темы настоящей работы вызывают вопросы формирования органами управления Общества локальной нормативной базы (в виде документов процедурного и «инструктивного» характера) и принятия ими управленческих решений в финансовой сфере. В частности, речь идет о сборе денежных средств в церквях (посредством установленных там специальных кружек) на нужды Общества, о создании в январе 1883 г. комиссии по кружечному сбору пожертвований. Комиссия действовала на основе инструкции, одобренной Советом Общества [20, с. 202–203].

Один из «узловых» этапов в истории ИППО, на который обращается внимание в научной литературе, связан с реорганизацией Общества после установления в России советской власти. С.Ю. Житенёв определяет сущность деятельности Общества в 1918–1925 гг. как борьбу за выживание. Он пишет об изменении наименования и правовой природы Общества, о замене его руководителя [16, с. 19–20; 18]. В 1918 г. Общество отказалось от наименования Православного; оно приняло новое наименование «Русское палестинское общество», а затем – название «Российское палестинское общество». Выполнение Обществом многих функций прекращалось. Таким образом, статус международной организации Обществом был утрачен. Как отмечает Н.И. Кирей, материально-финансовая основа Общества «оказалась попросту разрушенной» [23, с. 29].

Освещен в ряде научных работ вопрос о возобновлении деятельности Общества на рубеже 1940–1950-х гг. Касаясь обстоятельств, связанных с восстановлением работы Общества, Н.Н. Лисовой прямо говорит в одном из своих выступлений о «высочайшем» указании 1950 г. [41]. Действительно, решение о возобновлении деятельности Общества было принято в самых высоких государственных инстанциях. 25 сентября 1950 г. было издано постановление Совета

министров СССР о возобновлении деятельности Палестинского общества.

Важнейшие изменения в организационно-правовом положении Общества произошли на рубеже 1980–1990-х гг. С.Ю. Житенёв отмечает: «именно в этот период произошли ключевые для РПО события: Общество получило самостоятельность, т. е. вышло из-под опеки Академии наук в 1991 г., вернуло свое историческое название, стало работать по-новому, максимально приближенному к первоначальному, уставу, восстановило одну из своих основных функций – содействия православному паломничеству» [16, с. 25]. Ученый дает также характеристику двух правовых актов, официально определивших в 1992–1993 гг. новый статус Общества и его права на некоторые объекты в г. Иерусалиме: Постановления Президиума Верховного совета Российской Федерации и распоряжения Правительства Российской Федерации [16, с. 26].

Необходимо указать на научные исследования по проблематике развития организационной структуры ИППО на Ближнем Востоке. Данный сюжет рассматривается как в трудах «комплексного» характера, так и в трудах, специально посвященных данному вопросу. В числе последних можно назвать работы Н.Н. Лисового [27, 29–31], Б.Ф. Ямиленца [58], А.Г. Грушевого [15], Р.Б. Бутовой [6], П.В. Федотова [47] и других исследователей.

Отметим то обстоятельство, что в работах по данной тематике, хронологические рамки которых охватывают современный период развития ИППО, рассматриваются юридические и организационные вопросы, связанные с возвращением в российскую юрисдикцию культурно-исторических объектов, объектов религиозного назначения, ранее принадлежавших Российскому государству или Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Данная тематика в значительной своей части относится к сфере внешней политики, включает в себя рассмотрение действий не только Российской Федерации, но и некоторых зарубежных государств.

В отечественной научной литературе рассмотрена «подготовительная работа» в годы Первой мировой войны по дальнейшему развитию организационной инфраструктуры, обеспечивающей активизацию научной деятельности российских ученых на Ближнем Востоке; в частности, разработка проекта по созданию организаций, обеспечивающих на Святой Земле проведение археологических исследований, охрану объектов историко-культурного наследия и создание музеев. Такая деятельность велась в 1915–1917 гг. в рамках ИППО (А.А. Ширинский-Шихматов, В.В. Латышев), а также примерно в этот же период в рамках Императорской Академии наук (В.И. Вернадский, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Успенский и др.). Представители ИППО предполагали создание Палестинского комитета и

Археологического института в составе ИППО, а представители Академии наук – структур в ведении Академии. К.Н. Юзбашян полагает, что «идея археологического института в Иерусалиме, вынашиваемая в 1914–1917 гг.», знаменовала «качественно новый этап в подходе к изучению Ближнего Востока» [57].

Отметим, что данная идея реализована не была; проектируемые изменения организационной структуры Императорского Православного Палестинского Общества не были осуществлены (прежде всего, в связи с внутривосточными и внешнеполитическими событиями того времени).

В настоящее время растет внимание исследователей к вопросам, связанным с открытием региональных структур ИППО, как в первые десятилетия его существования, так и на современном этапе деятельности. В целом ряде работ рассматриваются организационные и правовые аспекты деятельности указанных структур.

По истории и деятельности региональных отделов (отделений) ИППО изданы и научные монографии. В их числе исследования по Московскому отделу [32], Костромскому [21], Владимирскому [8, 24], Нижегородскому [42] отделам, по отделам в Западной Сибири [50], по Донскому и Екатеринославскому отделам [52], отделам Юга Российской империи [53] и др.

В монографии М.Ю. Нечаевой и В.П. Микитюка [36] характеризуются основные направления деятельности, состав членов и должностных лиц местных отделов Общества.

История открытия епархиальных отделов ИППО в конце XIX – начале XX в. в контексте целей и задач этой государственно-общественной организации, динамика открытия отделов, финансовые аспекты деятельности региональных отделов проанализированы в статьях К.Е. Балдина [4], Е.П. Антонова [2], В.М. Воробьева [9], М.Ю. Нечаевой [35], С.Ю. Житенёва [17], В.В. Цысь [50], О.П. Цысь [51], С.И. Бояковой [5], А.В. Горайко [11], Е.А. Шушкановой [54] и других авторов.

В историографии ИППО представлены работы, в которых отражается организация научной деятельности Общества: обозначаются важнейшие научные задачи, указываются проведенные научные форумы, содержатся отчетные материалы о научных проектах и т. п. Если брать в качестве примера последние годы, то научная работа отделений ИППО в 2022 г. прошла под знаком 140-летия ИППО; 2023 г. был объявлен Годом памяти В.Н. Хитрово, основателя и многолетнего секретаря Общества; 2024 г. был объявлен Годом памяти Великой Княгини Елизаветы Федоровны, второго председателя ИППО [16].

Нет сомнения в том, что проводимые в настоящее время научные мероприятия также со временем станут предметом исследований, а работы с их анализом войдут в состав историографии ИППО.

В ряде научных работ деятельность ИППО в интересующем нас

аспекте рассматривается в рамках тем, связанных с развитием в России системы общественных организаций, благотворительности, механизмов социального лифта и др.

Отдельно стоит отметить работы, в которых рассматриваются перспективы использования потенциала цифровизации для активизации научных исследований деятельности ИППО. В частности, речь идет о создании электронной базы источников по истории Общества [34].

Отдельно в нашей статье следует отметить научную работу ряда отечественных исследователей современного этапа истории ИППО. Среди авторов научных публикаций было немало видных ученых, чья научная деятельность стало этапом в развитии историографии ИППО. В качестве примера укажем имена Н.Н. Лисового, С.Ю. Житенёва, А.Г. Грушевого.

Видное место в историографии ИППО занимают труды Н.Н. Лисового. Следует отметить две стороны его научно-исследовательской деятельности: проведение научных исследований и организация издания текстов документов по истории ИППО [27].

Необходимо указать на периодизацию деятельности Императорского Православного Палестинского Общества, представленную и аргументированную Н.Н. Лисовым [26].

Глубокие знания церковной истории, канонического права и вообще канонической стороны рассматриваемых вопросов позволили автору исследовать научные проблемы, как правило, остающиеся вне поля зрения большинства «светских» ученых. Например, Н.Н. Лисовой анализирует трудности в исследовании деятельности ИППО и иных подобных учреждений светскими и церковными историками. Одна из трудностей заключалась, по мнению исследователя, в «институциональной двойственности», в «двойном подчинении» русских учреждений в Святой Земле одновременно государственным и церковным инстанциям [28].

Одной из центральных фигур в современной исследовательской деятельности ИППО является С.Ю. Житенёв. Одной из характеристик его как исследователя является широкий круг тем, находящихся в фокусе его внимания. С.Ю. Житенёв изучает философские, культурологические, политические, исторические аспекты деятельности Общества.

В числе его трудов следует отметить работы, посвященные анализу вопросов роли ИППО как одного из средств обеспечения цивилизационного присутствия России на Ближнем Востоке [19].

Перу С.Ю. Житенёва принадлежат публикации по истории Общества [16]. Ученый предлагает следующую периодизацию истории ИППО: императорский период (1882–1917), советский период (1918–1992), современный период (с 1992) [16].

Основательно проработаны С.Ю. Житенёвым сюжеты, связанные с организационно-правовым обеспечением паломнической деятельности

ИППО.

С его именем связаны подготовка и издание трудов энциклопедического характера. В частности, большую научную ценность представляет фундаментальный энциклопедический труд, который объединил коллектив историков и культурологов по исследуемой теме [56]. В энциклопедии подробно представлена история Общества, даны биографические справки его учредителей, представлен терминологический аппарат. Энциклопедия содержит 1467 статей и определений терминов, характеризующих во всем разнообразии деятельность Общества за 140 лет его существования.

В настоящее время С.Ю. Житенёвым подготовлено новое издание энциклопедии ИППО. Материалы, представленные в ней, размещаются в отечественной информационно-аналитической системе РИНЦ.

Активную исследовательскую и публикационную деятельность по проблематике истории, современной деятельности и историографии ИППО вдет в настоящее время А.Г. Грушевой¹.

Исследователь делает следующий вывод о правовой природе Императорского Православного Палестинского Общества с момента его создания. Общество с «формально-юридической точки зрения» являлось частной организацией, однако с учетом руководящей роли членов императорской фамилии и получения значительной государственной субсидии, ИППО представляло собой одно из «составляющих звеньев» российской государственной бюрократии [14].

Отметим, что Тверской отдел и Тверское отделение вплоть до настоящего времени не стали предметом отдельного комплексного (тем более монографического) научного исследования. Отдельные вопросы, связанные с образованием и деятельностью организационных структур на тверской земле, рассматриваются в некоторых научных статьях. Значительная их часть подготовлена в ходе реализации проекта² в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», запущенной в 2021 г. по инициативе Императорского Православного Палестинского Общества и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Программа реализуется при экспертном участии Российской академии наук.

В числе публикаций указанного проекта можно назвать публикации

¹ Его материалы размещены, в частности, на официальном сайте Императорского Православного Палестинского Общества. URL: <https://www.ippo.ru/> (дата обращения: 28.10.2025).

² Проект посвящен исследованию деятельности ИППО в Тверском крае в XIX – XXI вв. Он реализуется тверскими исследователями с использованием организационного потенциала Тверского государственного университета, Тверского отделения ИППО и Тверского отделения Ассоциации историков права.

тверских авторов С.Н. Смирнова, И.Н. Аксеновой, А.В. Цыгановой и других коллег [1, 43–45, 48–49].

В качестве вывода укажем, что в отечественной науке сформировалась весьма обширная и разнообразная историография Императорского Православного Палестинского Общества. Многочисленные труды ученых созданы в рамках истории, культурологии, права и других наук. В ряде исследований освещены вопросы создания и развития Общества, включая формирование нормативной базы его деятельности, системы центральных органов управления, региональной организационной структуры, системы учреждений Общества на Святой Земле и т.п.

Вышли в свет снабженные научными комментариями высокого уровня сборники документов по деятельности Общества. Подготовлены и опубликованы издания энциклопедического формата.

Тем не менее очевидно, что ряд правовых, организационных и управленческих аспектов в деятельности Общества изучен недостаточно. В первую очередь это относится к истории региональных структур ИППО.

Научное исследование правовых, управленческих и организационно-финансовых вопросов является важным компонентом изучения деятельности Императорского Православного Палестинского Общества. Добротная как в качественном, так и в количественном отношении историография данной проблематики позволяет успешно решать научные задачи дальнейшей научной работы по истории Общества и, что немаловажно, выступает в качестве исторической основы для выработки практических рекомендаций по организации уставной деятельности Общества в настоящее время.

Список литературы

1. Аксенова И.Н. Тверское отделение Императорского Православного Палестинского Общества: история и современность // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах. Двенадцатый ежегодный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций. В 2-х частях. Тверь, 2024. С. 7–11.

2. Антонов Е.П. Якутский отдел Императорского Православного Палестинского Общества в истории Якутии // Гуманитарный вектор. 2024. № 2. С. 62–72 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yakutskiy-otdel-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-obschestva-v-istorii-yakutii/viewer> (дата обращения: 25.10.2025).

3. Балдин К.Е. Из истории финансовой деятельности Императорского Православного Палестинского общества: всероссийские сборы денежных средств в вербное воскресение. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/iz-istorii-finansovoy-deyatelnosti-imperatorskogo-410540?ysclid=m7p4yrmuuo607994294> (дата обращения: 28.10.2025).

4. Балдин К.Е. Создание местных организаций Императорского Православного Палестинского Общества (1890-е гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 4 (12). С. 6–18.
5. Боякова С.И., Юрганова И.И., Антонов Е.П., Николаев Д.А. «Начало, совершенно неожиданно для нас, было положено в самой дальней и самой холодной окраине нашего отечества...»: из истории открытия Якутского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (публикация документов) // Православный Палестинский сборник. 2024. Вып. 123. С. 228–241.
6. Бутова Р.Б. Отношения Православного Палестинского Общества и русской духовной миссии в Иерусалиме в конце XIX - первой трети XX вв. // Православный Палестинский сборник. 2022. Вып. 120. С. 91–102.
7. Ванькин Е.В. О Государственных субсидиях Императорскому Православному Палестинскому Обществу // Православный Палестинский сборник Вып. 119: 140-летию Православного Палестинского сборника и 130-летию Александровского подворья в Иерусалиме посвящается / отв. ред. А.И. Долинин, С.Ю. Житенев. М.: Индрик, 2021. С. 267–277.
8. Владимирское отделение Императорского Православного Палестинского Общества: вчера и сегодня. 1895 – 2021 гг. Владимир, 2021.
9. Воробьёв В.М. Первый казначей Православного Палестинского общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 4. С. 130–142.
10. Воробьёва И.А. Русские духовные миссии и Императорское Православное Палестинское Общество в Святой земле в 1848–1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
11. Горайко А.В. История Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: 1893 год, предоткрытие. К 130-летию создания Пензенского отдела ИППО // Православный Палестинский сборник. 2023. Вып. 122. С. 178–197.
12. Горелова Л.Е., Афанасьева Л.А. Значение деятельности Императорского Православного Палестинского общества для развития медицины на Ближнем Востоке (к 130-летию создания) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 6. С. 51–54.
13. Греков (Палеолог) Ф.К. Императорское Православное Палестинское общество: очерк его деятельности за 1882–1890 гг. СПб., 1891.
14. Грушевой А.Г. Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории с момента основания до 1917 г. // Вспомогат. ист. дисциплины. 2013. Вып. XXXII. С. 472–497 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperatorskoe-pravoslavnoe-palestinskoe-obschestvo-obzor-istorii-do-1917-g/viewer> (дата обращения: 19.10.2025).
15. Грушевой А.Г. Материалы к истории деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в начале XX века (отчёт А.А. Дмитриевского и В.И. Бельнского о состоянии подворий Общества в 1910 году) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 2 (18). С. 153–180.

16. Житенёв С.Ю. Краткая история Императорского Православного Палестинского Общества: 160-летию Великой княгини Елизаветы Федоровны, Председателя ИППО в 1905–1917 гг., посвящается. М.: Индрик, 2024. 88 с.

17. Житенёв С.Ю. Отделы ИППО // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского общества, 1882–2022. 140-летию ИППО посвящается. М., 2022. С. 618–619.

18. Житенёв С.Ю. Преподобномученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна как Председатель Императорского Православного Палестинского Общества // Православный Палестинский сборник. Юбилейный выпуск 123. 160-летию со дня рождения преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны посвящается. 2024. С. 10–17.

19. Житенёв С.Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке // Журнал Института наследия. 2017. № 2 (9) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnoe-prisutstvie-rossii-v-mire-k-135-letiyu-nachala-deyatelnosti-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-obschestva-v-2/viewer> (дата обращения: 18.10.2025).

20. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907 гг.): историческая записка, сост. по поручению Совета Общества А.А. Дмитриевским. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. 382 с.

21. История Костромского отделения ИППО 1898–2020 гг. с именным указателем / Авторы-составители протоиерей Д.И. Сазонов, П.П. Резепин. Кострома, 2020.

22. Каиль М.В. Три поколения в историографическом осмыслении российского присутствия в Святой Земле, конец XIX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 32–47.

23. Кирей Н.И. Этнография арабов Передней Азии и Северной Африки. Краснодар: Краснодар. гос. ун-т, 1996. 391 с.

24. Кузнецов И.В. Социальный состав Владимирского отдела Императорского Православного Палестинского общества в дореволюционный период // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 115. С. 66–78

25. Лисовой Н.Н. «Президенты Палестины». Памяти первых председателей Императорского Православного Палестинского Общества Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Преподобномученицы Елизаветы Федоровны // Православный Палестинский Сборник. Выпуск 100. 2003. С. 103–131.

26. Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX–XXI вв. // Отечественная история. 2007 г. № 1. С. 3–22.

27. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.

28. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 37 с.

29. Лисовой Н.Н. Святая Русь на Святой Земле // *Московская перспектива*. 2003. № 39–40.
30. Лисовой Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // *Отечественная история*. 2003. № 2. С. 19–37.
31. Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. // *Россия в Святой Земле: документы и материалы*. [Сост., подгот. текста, расположение материала, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н.Н. Лисового]. - М.: Междунар. отношения, 2000. Т. I. С. 12–42.
32. Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б., Житенёв С.Ю. Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения. К 140-летию Императорского Православного Палестинского Общества. К 115-летию образования Московского отдела. М.: Индрик, 2021.
33. Мещерская Е.Н., Юзбашян К.И. Столетие Российского палестинского общества // *Палестинский сборник*. Выпуск 28 (91). Культура Ближнего востока древнего и раннесредневекового времени. Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1974. С. 3–9.
34. Нечаева М.Ю. Информационное обеспечение исследований по истории Православного Палестинского Общества: подходы цифровой эпохи // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2016. Вып. 4 (16). С. 151–166.
35. Нечаева М.Ю. Открытие епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2013. Вып. 1 (5). С. 107–133.
36. Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское общество в культурной среде российской провинции. М.: Индрик, 2014. 384 с.
37. Павинский В.С. Православное палестинское общество: предпосылки и цели создания // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2012. Вып. 150. С. 22–25.
38. Перенижко О.А. Этапы и формы культурно-религиозного взаимодействия Палестины и России (XVIII в. – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003. 28 с.
39. Пересыпкин О.Г. Русская Палестина: История и современность. М.: Индрик, 2017. 168 с.
40. Пумпян Г.З. Научно-исследовательская деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (1881 – начало XX века): по материалам изданий ИППО // *Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861)*, 2–3 ноября 2010 г.: Материалы конференции / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 303 с.
41. Сафонов Д.В. Н.Н. Лисовой о своей работе в Российском палестинском обществе в 1974 – 1989 годы // *Bylye Gody*. 2025. 20 (3) [Электронный ресурс]. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1757072486.pdf (дата обращения: 25.10.2025).
42. Святого Духа Благодать. Об основных направлениях деятельности Нижегородского отделения ИППО с момента основания до наших дней. Н. Новгород, 2017.
43. Смирнов С.Н. Деятельность епархиального отдела Императорского Православного Палестинского Общества в Твери в конце XIX века // *Вестник*

Тверского государственного университета. Серия «История». 2023. № 4 (68). С. 71–86.

44. Смирнов С.Н., Аксенова И.Н., Цыганова А.В. Палестинские чтения: из истории деятельности Тверского отдела Императорского Православного Палестинского Общества конца XIX – начала XX вв. // Православный Палестинский сборник. Юбилейный выпуск 123. 160-летию со дня рождения преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны посвящается. 2024. С. 252–260.

45. Смирнов С.Н., Сухарев А.Н., Аксёнова И.Н. Взаимодействие Тверского регионального отделения Императорского Православного Палестинского Общества и Тверского государственного университета по восстановлению истории православного духовенства Тверского края (на примере церковного рода Панковых, XVII–XX вв. // Православный Палестинский сборник. Юбилейный выпуск 121. 120-летию кончины Василия Николаевича Хитрово посвящается. 2023. С. 241–257.

46. Тихвинский С.Л. 90-летие Российского Палестинского Общества, Мещерская Е.Н., Юзбашян К.Н. Столетие Российского Палестинского Общества // ПСЛ. 1986. Вып. 28 (91). С. 3–9.

47. Федотов П.В. «Сообщения ИППО» как источник информации о руководящем составе школ Палестинского общества // Православный Палестинский сборник. 2019. Вып. 116. С. 181–188.

48. Цыганова А.В. Деятельность Тверского отдела Императорского Православного Палестинского общества (1895–1917 гг.): историография и источники // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2025. № 1 (73). С. 67–81.

49. Цыганова А.В. Журналы заседаний Тверского отдела Императорского Православного Палестинского общества как исторический источник о деятельности Тверского отдела в начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XVI Всероссийской научной конференции. СПб., 2025. С. 376–380.

50. Цысь В.В., Цысь О.П. Отделы Императорского православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014.

51. Цысь В.В., Цысь О.П. Финансовые основы функционирования западносибирских отделов Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История РПЦ. 2015. № 1 (62). С. 112–124 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-osnovy-funktsionirovaniya-zapadno-sibirskih-otdelov-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-obschestva-v-kontse-xix/viewer> (дата обращения: 19.10.2025).

52. Шарков И.Г., Томилина Л.Б. Донской и Екатеринославский отделы Императорского Православного Палестинского Общества в конце XIX – начале XX веков: социокультурная и просветительская деятельность на юге Российской империи: монография. 2022. 282 с.

53. Шарков И.Г. Социокультурная, просветительская и организационная деятельность отделов и уполномоченных Императорского Православного

Палестинского Общества на Юге Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: монография. 2024 г.

54. Шушканова Е.А. Императорское Православное Палестинское Общество в Енисейской губернии // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4. С. 168–174.

55. Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского и К.К. Арсеньева; изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIIА. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1897. 500 с.

56. Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг.: 140-летию ИППО посвящается. Сост., ред. и предисл. С.Ю. Житенева. М.: Индрик, 2022. 956 с.

57. Юзбашян К.Н. Палестинское общество: страницы истории // Исторический вестник. 2000. № 6 // сайт Воронежской епархии. 2000. ноябрь [Электронный ресурс]. URL: <https://makekaresus.ru/publikaczii/novomucheniki-i-ispovedniki/43269-yuzbashyan-k-n-palestinskoe-obshchestvo-stranitsy-istorii-nachalo> (дата обращения: 18.10.2025).

58. Ямиленец Б.Ф. Россия и Палестина: очерки политических и культурно-религиозных отношений. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2003. 256 с.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории права, директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

ЦЫГАНОВА Ангелина Валерьевна – старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб.202), SPIN-код: 2615-4684, AuthorID: 649165, e-mail: Tsyganova.AV@tversu.ru

On the study of legal and organizational-managerial aspects of the activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in Russian science (brief historiographical review)

S.N. Smirnov, A.V. Tsyganova

Tver State University, Tver

The purpose of this study is to analyze the historiography in terms of the consideration of issues directly related to the creation of the Imperial Orthodox Palestine Society and its regional structures, the formation of the regulatory framework for the Society's activities, and the development of its organizational and legal form, as well as the adoption of management decisions by government authorities and the management bodies of the IPPO regarding the Society's activities, including decisions on changes in its name, organizational form, and management system. The object of this research is the development of scientific knowledge about the aspects of the Imperial Orthodox Palestine Society's

activities related to the formation of its regulatory framework, the development of its management system, and the regional organizational structure of the Society. The authors focus on works that analyze key management decisions and events that directly influenced the essence of the Society.

Keywords: *Imperial Orthodox Palestine Society, historiography, legal status, regulatory framework, management, and regional organizational structure.*

About authors:

SMIRNOV Sergey – Doctor of Law, professor of the department of Legal Theory, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

TSYGANOVA Angelina – Senior Lecturer at the Department of Social and Cultural Services, Tver State University (16/31 Trekhsyatskaya Street, Tver, 170100, Russia, office 202), SPIN-код: 2615-4684, AuthorID: 649165, e-mail: Tsyganova.AV@tversu.ru

Смирнов С.Н., Цыганова А.В. К вопросу об изучении в отечественной науке правовых и организационно-управленческих аспектов деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (краткий историографический обзор) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 220–235.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.918:347.937

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.4.236

Неуважение к суду в арбитражном процессе: теория и практика

В.Н. Васильченко

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», г. Москва

В статье объектом исследования являются правоотношения сторон (суда, участников судопроизводства, в том числе их представителей и иных лиц), возникающие в арбитражном процессе. Предметом исследования является теоретико-правовой и правоприменительный аспекты проявления неуважения к суду. Выбор предмета исследования определен наличием правового пробела в определении понятия «неуважение к суду», разнородной судебной практики и дискуссиями ученых о данном понятии (перечне действий, свидетельствующих о неуважении к суду). Цель статьи заключается в разработке теоретико-прикладных положений относительно предмета исследования с учетом действующей судебной практики. Конкретные задачи научной работы: провести исследование теории и правоприменительной практики действий, свидетельствующих о неуважении к суду; сформулировать определение и предложить правовые пути для разрешения данной проблемы. Методологическая основа исследования построена на общенаучных методах познания: анализ, синтез, индукция, дедукция и методе сравнительного анализа. Результаты исследования представлены следующими основными выводами. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) не раскрывает содержание понятия «неуважение к суду». В гл. 11 и 19 АПК РФ указаны лишь отдельные неуважительные действия к суду. Правоприменительная практика более подробно раскрывает данный перечень действий, в связи с чем необходимо внести в ст. 119 АПК РФ ч. 5.1 определение понятия «неуважение к суду». Внесение изменений, во-первых, будет дисциплинировать стороны в судебном процессе, во-вторых, способствовать прозрачности принятых судом решений и единообразию судебной практики, в-третьих, повышать авторитет судебной власти.

Ключевые слова: *Госарбитраж СССР, арбитражный процесс, арбитражный суд, судебный штраф, неуважение к суду, АПК РФ.*

Институт неуважения к суду в России не был четко определен на протяжении многих веков. Тем не менее существовали близкие правовые нормы, которые фиксировали формы проявления неуважения к суду. Рассмотрим эти нормы в рамках арбитражного процесса.

Например, в Торговом уставе Российской империи 1857 г. содержался термин «ослушание», который частично совпадает с современным понятием «неуважение к суду». Так, в ст. 1546, 1551, 1746 и прочих регулировались действия суда по наложению судебного штрафа в связи с ослушанием сторон по делу. При повторной неявке без уважительных причин истца или ответчика в судебное заседание по повестке, судом назначался штраф, размер которого зависел от важности рассматриваемого иска или жалобы от 15 до 30 и даже до 150 рублей серебром. Штрафы за ослушание с неявившихся сторон обращались в доход казны. Также штрафы за ослушание имели последствия, т. к. должник не мог воспользоваться отсрочкой от исполнения определения суда в случае, когда он подвергался штрафу за ослушание [2, с. 256–257, 282].

В советском арбитражном процессе (в том числе в Правилах рассмотрения и разрешения имущественных споров органами Госарбитража от 10.08.1934 г., действовавших до 1961 г.) отсутствовало правовое регулирование института судебного штрафа в связи с действиями сторон, свидетельствующими о неуважении к суду. Первостепенным для органов Госарбитража было выявление при рассмотрении дел недочетов, бесхозяйственности, злоупотреблений в деятельности хозяйственных органов и сообщение об этом вышестоящим учреждениям (организациям), а при серьезных нарушениях – в Комиссии партийного и советского контроля и в органы прокуратуры [3, с. 94–102].

Имеющиеся во всех архивных делах протоколы судебных заседаний, решения госарбитражей, как правило, не содержали подробной информации о действиях сторон, свидетельствующих о неуважении к суду (например, Протокол заседания Госарбитража СССР от 25.10.1940 г. по делу №4/1058 на одной странице содержит стороны, предмет, сущность спора и принятое решение госарбитром, при этом подробной информации о действиях сторон, в том числе неуважение к суду, в протоколе не указывается) [4, с. 215].

В современном АПК РФ регламентация способов борьбы с проявлением неуважения к суду впервые находит отражение в гл. 11 (судебные штрафы). В силу ч. 5 ст. 119 АПК РФ суд может наложить судебный штраф за проявление неуважения к суду на участвующих или присутствующих в деле лиц, если данные действия на образуют состава преступления. При этом в гл. 11 АПК РФ (судебные штрафы) отсутствует содержание понятия «неуважение к суду», т. е. конкретный перечень действий, совершение которых влечет наложение штрафа. Примерный перечень можно увидеть в ч. 4.1. ст. 154 АПК РФ (гл. 19 «Судебное разбирательство»), в него входят, в числе прочего: дважды не исполнение требования председательствующего, самовольное нарушение последовательности выступлений, допущение грубых выражений или

оскорбительных высказываний либо призыв к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом [1].

В определении Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 1170-О указано, что определение степени уважительности участника процесса к суду находится в компетенции суда, что вытекает из принципа судейского руководства процессом и способствует формированию уважительного отношения к закону и суду [9].

При этом относительно административных дел, рассматриваемых в порядке Кодекса административного судопроизводства РФ, в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» раскрывается содержание понятия «неуважение к суду» как совершение действий (бездействия), свидетельствующих о явном пренебрежении к установленным в суде правилам поведения (использование в тексте поданного в суд процессуального документа неприличных выражений и др.) [10].

В юридической науке существуют разные точки зрения на раскрытие содержания понятия «неуважение к суду», учеными-правоведами предлагается перечень действий сторон в данной ситуации. Так, по мнению А.А. Жукова, неуважение к суду – это неисполнение стороной по делу законного требования суда (в аспекте гражданского и арбитражного судопроизводства) [5, с. 85–86]. А.Ф. Нурисламов и А.А. Кадикова под неуважением к суду понимают совершение действий, которые препятствуют совершению правосудия [7, с. 85]. Д.З. Оздеаджиева указывает, что под неуважением к суду понимается совершение действий (бездействия), свидетельствующих о явном пренебрежении к установленным в суде правилам поведения [8, с. 160]. В.Р. Кубранова и Д.В. Якунин под неуважением к суду понимают «совершение действий (бездействия), свидетельствующих о явном пренебрежении к суду или установленным в суде правилам поведения, с целью умаления авторитета судебной власти, что, в свою очередь, выражается в нарушении основополагающих принципов, содержащихся в статье 2 АПК РФ...» [6, с. 303].

Из анализа правоприменительной практики к наиболее распространенным формам проявления «неуважения к суду» можно отнести следующие:

1. Нарушение сроков представления доказательств или игнорирование проведения определенных судом действий: так, в деле № А56-98769/2022 судом было поручено истцу провести сверку расчетов, но истцом сверка расчетов не проведена, несмотря на отложенные заседания, в связи с чем суд наложил штраф в размере 50 000 руб. [14]. В деле № А40-202632/2021 ответчик представил объемные доказательства в день основного заседания (более 700 листов печатного текста), что

привело к срыву судебного заседания, суд наложил штраф в размере 100 000 руб. [12].

2. Неоднократная неявка в суд без уважительной причины при наличии определения суда. По делу № А56-96333/2021 свидетель два раза без уважительных причин не являлся в судебное заседание для дачи пояснений суду, в связи с чем суд наложил на него штраф в размере 5 000 руб. [15].

3. Представление в суд документов, содержащих неуважительные, нецензурные высказывания, не относящиеся к предмету спора. По делу № А84-212/2022 представитель истца указал в апелляционной жалобе суждения о профессиональных и личных качествах судей, в связи с чем получил штраф в размере 5 000 руб. [11].

4. Нарушение общепринятых стандартов процессуального поведения: в деле № А40-21753/2021 адвокат излагал позицию невежливо, без должной терпимости, в связи с чем суд наложил штраф на адвоката в размере 2 000 руб. [13] и др.

Таким образом, в каждом конкретном деле судья как правоприменитель разрешает вопрос о наложении судебного штрафа, в связи с чем сложилась разная судебная практика по квалификации данных неуважительных действий к суду.

В целях развития правовой регламентации данного института, во избежание процессуальных злоупотреблений сторон, для поддержания авторитета судебной власти с учетом действующего законодательства, правоприменительной практики и мнений ученых-правоведов, мы предлагаем раскрыть содержания понятия «неуважение к суду» путем внесения в ч. 5.1. ст. 119 АПК РФ следующего содержания:

«5.1. Под неуважением к суду понимается совершение сторонами по делу либо присутствующими в судебном заседании лицами действий (бездействий), свидетельствующих о явном пренебрежении к установленным в суде правилам поведения (нарушение последовательности выступлений (перебивать, пререкаться со сторонами и судом и пр.); высказывание оскорбительных выражений к присутствующим лицам и суду; неисполнение дважды любого законного требования судьи по совершению действий либо предоставлению необходимых документов; призыв к осуществлению незаконных действий; заявление необоснованного отвода суду более двух раз; предоставление в суд недостоверных сведений; неявка в суд без уважительной причины при наличии определения об обязательной явке лица; воспрепятствование проведению экспертизы путем непредставления необходимых документов в материалы дела; представление в суд документов, содержащих нецензурные выражения и нарушение общепринятых стандартов процессуального поведения».

Также не исключено издание Верховным Судом Российской Федерации соответствующих разъяснений относительно содержания

данного понятия и применения мер принуждения для всех видов судопроизводств, т. к. в настоящее время имеются разъяснения только по административным делам.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Торговый устав Российской империи 1857 г. // Свод законов Российской империи 1857. СПб: тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. XI, ч. 2. 613 с.
3. Арбитраж в советском хозяйстве // Сборник важнейших поставленных и распоряжений с вводной статьей «Арбитраж и арбитражное рассмотрение споров» / сост. В.Н. Можейко, З.И. Шкундин. 3-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 368 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 25. Д. 208. С. 215.
5. Жуков А.А. Проявление стороной неуважения к суду в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2022. № 1. С. 84–89.
6. Кубранова В.Р., Якунин Д.В. Проблемы квалификации неуважения к суду в арбитражном процессе России // Форум молодых ученых. 2018. № 5/2 (21). С. 300–304.
7. Нурисламов А.Ф., Кадикова А.А. Неуважение к суду в арбитражном процессе: понятие и формы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-2 (50). С. 84–88.
8. Оздеаджиева Дж.З. Понятие «неуважение к суду» в арбитражном процессе // Закон и право. 2024. № 4. С. 158–160.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 г. № 1170-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малюгина Максима Александровича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 119 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3AMjr7> (дата обращения: 20.08.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218034/ (дата обращения: 20.08.2025).
11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.01.2023 г. № Ф10-6410/2022 по делу № А84-212/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ASZN9> (дата обращения: 20.08.2025).
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2023 г. по делу №А40-202632/2021 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ASYiT> (дата обращения: 20.08.2025).
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2023 г. № 09АП-66814/2023 по делу №А40-21753/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ASZJr> (дата обращения: 20.08.2025).

14. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2023 г. по делу № А56-98769/2022 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ASXya> (дата обращения: 20.08.2025).

15. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2023 г. по делу № А56-96333/2021 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3ASYJz> (дата обращения: 20.08.2025).

Об авторе:

ВАСИЛЬЧЕНКО Виктория Николаевна – соискатель ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1), стажер адвоката Санкт-Петербургской Объединенной коллегии адвокатов (199178, г. Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 32/44), SPIN-код: 1820-3522, AuthorID: 1230561; e-mail: vvv-lawyer@yandex.ru

Contempt of court in the arbitration process: theory and practice

V.N. Vasilchenko

All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow

In the article, the object of research is the legal relations of the parties (the court, participants in the proceedings, including their representatives and other persons) arising in the arbitration process. The subject of the study is the theoretical, legal and law enforcement aspects of the manifestation of contempt of court. The choice of the research subject is determined by the presence of a legal gap in the definition of «contempt of court», diverse judicial practice and discussions of scientists about this concept (a list of actions indicating contempt of court). The purpose of the work is to develop theoretical and applied provisions on the subject of research, taking into account current judicial practice. The specific tasks are: to conduct a study of the theory and law enforcement practice of actions indicating contempt of court; to formulate a definition and propose legal ways to resolve this problem. The methodological basis of the research is based on general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, induction, deduction and the method of comparative analysis. The results of the study are presented by the following main conclusions. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (APC RF) does not disclose the content of the concept of «contempt of court». Chapters 11 and 19 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation indicate only certain contemptuous acts to the court. Law enforcement practice reveals this list of actions in more detail, and therefore it is necessary to introduce the content of the concept of «contempt of court» into Article 119 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, Part 5.1. Making changes, firstly, will discipline the parties in the judicial process, secondly, it will promote transparency of court decisions and

uniformity of judicial practice, and thirdly, it will increase the authority of the judiciary.

Keywords: *State Arbitration of the USSR, arbitration process, arbitration court, judicial fine, contempt of court, APC of the Russian Federation.*

About author:

VASILCHENKO Victoria – applicant at the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (117638 Moscow, Azovskaya St., 2, bldg. 1), trainee lawyer at the St. Petersburg United Bar Association (199178, St. Petersburg, 10th Line V.O., bldg. 32/44), SPIN code: 1820-3522, AuthorID: 1230561; e-mail: yvn-lawyer@yandex.ru

Васильченко В.Н. Неуважение к суду в арбитражном процессе: теория и практика // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 236–242.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Правовое регулирование посмертной репродукции: статус эмбриона и пределы волеизъявления потенциальных родителей

П.П. Дроздов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются теоретические и практические аспекты правового регулирования применения вспомогательных репродуктивных технологий при хранении и имплантации эмбрионов после смерти одного или обоих потенциальных родителей. Кроме того выделяется ряд проблем, которые нуждаются в проработке и формировании предложений по совершенствованию действующего законодательства, связанных с наследственными правами детей, рожденных в результате посмертной репродукции эмбриона, а также права ребенка знать своих родителей. Более того, рассматриваются сложности, связанные с установлением отцовства и материнства в отношении таких детей, и круга субъектов, способных распоряжаться такими эмбрионами, подчеркивается необходимость разработки механизма волеизъявления родителей относительно судьбы эмбрионов.

Ключевые слова: посмертная репродукция, договор хранения эмбрионов, правовой статус эмбриона, вспомогательные репродуктивные технологии, установление происхождения детей, потенциальные родители.

На сегодняшний день технологии развиваются настолько быстро, что уже привычными являются невообразимые еще несколько десятилетий назад явления, одним из которых выступает применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). Одним из таких методов лечения бесплодия является управление процессом зачатия вне тела матери, так называемая процедура экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО), результатом которой является появление эмбриона *in vitro*, т. е. созданного в лабораторных условиях. Кроме того, современные медицинские технологии позволяют не только «создать» такой эмбрион, но и впоследствии его криоконсервировать и хранить в течение длительного срока в случае, если потенциальные родители не готовы на данный момент продолжить процедуру его «вживления» в тело матери и хотят отложить ее до наступления благоприятного для них момента.

Однако, вслед за технологическими прорывами неизбежно следует и правовая неопределенность относительно того, как следует регулировать данные явления. Но еще сложнее ситуация становится в том случае, когда данные проблемные вопросы возникают на практике и требуют должной

оценки в судебных разбирательствах, особенно в случае, если один или оба потенциальных родителя скончались до момента имплантации эмбриона.

Стоит отметить, что благодаря современным технологиям эмбрион можно использовать не только при жизни потенциальных родителей, но и после их смерти. На данный момент наблюдается увеличение количества обращений по вопросу использования криоконсервированного эмбриона после смерти близких родственников, что фактически является применением явления «посмертной репродукции». Привести корректные и объективные данные официальной статистики не представляется возможным, поскольку они составляют семейную тайну, предусмотренную ст. 23 Конституции Российской Федерации [1], однако, особенно в связи с проведением специальной военной операции (далее – СВО), наблюдается увеличение количества судебных разбирательств, связанных с правами детей, рожденных в результате посмертной репродукции, а также новостей, связанных с мерами поддержки семьям участников СВО, дети которых родились в результате применения данной процедуры. Так, губернатор Самарской области после обращения женщины, родившей с использованием генетического материала мужа, погибшего на СВО, поручил обеспечить проведение ЭКО для семей участников СВО за счет региона и фонда Обязательного медицинского страхования [5].

В этой связи особенной проблемой является установление отцовства, а в некоторых случаях и материнства для таких детей, а также приобретение ими всех предусмотренных прав, в том числе на наследование и получение льгот. Также не менее значимой проблемой является определение правового статуса эмбриона и субъекта, приобретающего права на распоряжение им.

По этому поводу высказал свою позицию и Конституционный Суд РФ, обратив внимание на несовершенство законодательства о статусе эмбрионов и детей, рожденных в результате посмертной репродукции. Согласно постановления Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» (далее – постановление КС РФ № 6-П) [8] ч. 1 и 3 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» признаны не соответствующими Конституции РФ в той части, в которой они не предусматривают назначение страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачатому с помощью ВРТ после смерти застрахованного супруга его матери (который при жизни выразил намерение иметь детей с использованием ВРТ и в отношении которого впоследствии в судебном порядке установлен факт отцовства) и, соответственно, рожденному по истечении трехсот дней с момента смерти отца.

Данное постановление является прогрессивным не только потому, что определяет направления развития отечественного законодательства на ближайшие годы, но и является первым шагом по дальнейшему внесению изменений, которые должны защитить права детей, рожденных в результате посмертной репродукции.

Размышляя о правах постмортальных детей, которые после рождения ничем не отличаются от детей, зачатых при жизни родителей, следует обратить внимание на положение, предусмотренное п. 2 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3], согласно которому каждый ребенок имеет право знать своих родителей. Однако, если один или оба его родителя уже скончались до его рождения, а правовой механизм установления отцовства или материнства в отношении таких детей в должной степени не регламентирован действующим законодательством, то данное право является фактически нереализуемым, ведь презумпция отцовства, предусмотренная п. 2 ст. 48 СК РФ, согласно которой отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, действует только в течение указанного периода.

В то же время, учитывая длительный возможный срок хранения криоконсервированного эмбриона, который может достигать 5, 10, а в некоторых случаях и более лет, рождение ребенка от умершего несколько лет назад супруга уже находится за пределами действующего правового регулирования, а презумпция отцовства применена быть не может. Еще сложнее ситуация, если эмбрион был заморожен в период нахождения родителей в браке, а впоследствии до смерти потенциального отца ребенка брак был расторгнут, либо они в принципе не состояли в браке.

В таких случаях даже механизм по установлению отцовства и материнства в судебном порядке, предусмотренный постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [9] (далее – ППВС РФ № 16) не даст суду ответов о том, как верно разрешить такой спор. Единственным решением данной проблемы является установление отцовства в порядке ст. 49 СК РФ с применением молекулярно-генетической экспертизы по заявлению матери ребенка.

Иначе обстоят дела, когда с требованием к медицинской организации обращается не один из генетических родителей, а кто-то из их близких родственников, прося осуществить процедуру имплантации замороженного эмбриона, например, суррогатной матери. В таком случае после рождения ребенка встанет вопрос о том, кого в такой ситуации признать его родителем. С одной стороны, при обращении в орган ЗАГС за регистрацией рождения ребенка того самого близкого родственника-

инициатора применения ВРТ признавать его родителем ребенка было бы абсурдно, потому что фактически это лицо может приходиться ему иным родственником, например, бабушкой. Более того, такой генетический материал следует считать донорским, поскольку лицо, предоставившее его, уже скончалось, а у донора не возникает родительских прав и обязанностей к такому ребенку. Иное противоречило бы п. 32 ППВС РФ № 16, согласно которому рождение ребенка с использованием донорского генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет. С другой стороны, Е.В. Бурмистрова предполагает, что с точки зрения здравого смысла право ребенка воспитываться в семье, предусмотренное п. 2 ст. 54 СК РФ, будет реализовано лучшим образом, если его родителем будет признан близкий родственник, нежели это будет приемная семья или детский дом [4, с. 111]. С такой позицией сложно не согласиться, однако все же такое явление выглядит нелогичным с моральной и правовой точки зрения.

Интересным в данном случае является пример реализации данных измышлений на практике. Так, женщина, чей сын погиб от лейкоза, обратилась в клинику, где хранился его замороженный биоматериал, вместе с донором яйцеклеток и двумя суррогатными матерями, в результате чего было рождено четыре ребенка. Впоследствии она обратилась в орган ЗАГС с заявлением о регистрации факта рождения с указанием ее (фактической бабушки) в качестве матери детей, а ее умершего сына – в качестве отца детей. Однако орган ЗАГС отказал ей в регистрации факта рождения и данный отказ она попыталась оспорить в суде, который также отказал в удовлетворении ее заявления [6]. В данной ситуации возникает вопрос о дальнейшей судьбе этих детей, а также о их праве жить и воспитываться в семье, который остается без ответа.

Еще одним значимым моментом является само разрешение на использование генетического материала и эмбрионов после смерти потенциального родителя. В большинстве случаев при составлении согласия на выполнение криоконсервации медицинская организация, как и сам родитель, не уточняют, что делать с данным материалом после его смерти. Ведь в случае, если за услугой имплантации эмбриона обратится супруга умершего уже после его смерти, а согласие получено не было, то доказать правовым способом, что потенциальный родитель действительно хотел этого ребенка практически невозможно. Конечно этот вопрос можно решить заранее, если, например, отец страдает неизлечимым заболеванием, либо отправляется в зону боевых действий, он может предполагать, что не сможет дожить до процедуры имплантации эмбриона и заранее выразит свое согласие, но в основном этого не происходит.

В таком случае вопрос, как второму потенциальному родителю, либо иным родственникам доказать согласие на проведение такой операции, остается открытым. Единственным вариантом для разрешения такой ситуации на данный момент видится направление заявления в суд. Так, резонансным стало «прецедентное» решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области по делу № 2-5649/2025, которым удовлетворено заявление с требованием обязать «Клинический институт репродуктивной медицины» выполнить процедуру экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) с криоконсервированным биоматериалом лица, погибшего на СВО [11]. Интересным аспектом является тот факт, что заявительница не состояла в браке с погибшим, который предоставил свой биоматериал в клинике для создания эмбрионов, после чего неудачно произошла первая попытка оплодотворения. Тогда же погибший предоставил нотариально заверенное согласие на распоряжение его биоматериалом в случае, если он погибнет или утратит дееспособность, после чего отправился на СВО, где погиб при выполнении боевых задач.

Женщина обратилась в клинику для проведения повторной процедуры с другим эмбрионом, однако медицинская организация отказалась проводить операцию, ссылаясь на то, что для этого требуется подпись обоих будущих родителей, которую погибший предоставить уже не способен. Однако суд, учитывая обстоятельства по делу, а также неоспоримое наличие воли погибшего на использование эмбриона, выраженное в нотариально заверенном согласии, удовлетворил заявление, чем позволил начаться складываться практике о том, как разрешать похожие ситуации в правовом поле.

Тем самым предполагается, что принципиальным в таком случае будет являться наличие выраженного и заверенного установленным образом согласия, которое каждый из потенциальных родителей может дать до начала процедуры. В то же время остается неразрешенным вопрос, как поступать в случае, если такого согласия дано не было?

Представляется, что в целях устранения данной правовой неопределенности следует закрепить на законодательном уровне обязанность медицинских организаций при предоставлении пациенту формы согласия предусмотреть в ней специальное поле, где пациент мог бы выразить свою волю относительно судьбы эмбриона в случае его смерти. Аналогичную обязанность только уже по заполнению указанного поля следует предусмотреть и для самих пациентов. В то же время в этом случае нотариально удостоверенное согласие также будет являться доказательством наличия волеизъявления потенциального родителя для медицинской организации.

Более того, в указанной форме можно было бы предусмотреть и круг лиц, которые по своему желанию смогут воспользоваться правом по распоряжению эмбрионом, однако полагаем, что данное положение

может быть предусмотрено только при наличии нотариально удостоверенной доверенности или иной формы будущего документа, который могли бы выдавать нотариусы, поскольку позволит более верно и четко определить пределы для осуществления прав доверенными лицами.

Также при рассмотрении вопроса посмертной репродукции возникает проблема наследственных правоотношений детей зачатых и родившихся после смерти одного или обоих родителей. Высказывается позиция, с которой сложно не согласиться, что дети наследодателя после его смерти должны иметь право на наследство [7, с. 722]. Такое положение вещей означало бы равные права детей, зачатых как при жизни, так и после смерти наследодателя, и в полной мере отвечало бы интересам ребенка. В то же время в судебной практике нашло свое отражение противоположное мнение.

Так, Московским областным судом по делу № 33-4577/2022 вынесено апелляционное определение об оставлении решения суда первой инстанции без изменения [10]. Как следует из материалов дела, при жизни супруги истца, ими совместно было принято решение стать родителями, прибегнув к процедуре ЭКО, поскольку супруга по медицинским показаниям забеременеть естественным образом не могла. В результате оказания услуги был получен жизнеспособный эмбрион. Однако впоследствии супруга истца скончалась, а при наступлении такого события судьба эмбриона определяться должна истцом в соответствии с информационным добровольным согласием на хранение эмбриона его супруги. Впоследствии был заключен договор с суррогатной матерью и родился ребенок. Нотариусом при обращении истца и судом было отказано в признании наличия наследственных прав у ребенка по смыслу ст. 1116 Гражданского кодекса РФ [2].

Данное решение фактически подтверждает, что при посмертной репродукции ребенок не будет обладать наследственными правами по отношению к умершему родителю, что идет в разрез с позицией, отраженной в указанном выше постановлении Конституционного Суда РФ. Однако полагаем, что, учитывая подход, изложенный в данном постановлении, вполне вероятно, что в законодательство в скором времени будут внесены изменения, которые позволят изменить сложившуюся судебную практику по данному вопросу, чтобы ребенок, рожденный естественным образом, имел равные права с ребенком, рожденным в результате посмертной репродукции.

Таким образом, действующее законодательство по применению ВРТ находится только в стадии зарождения, но предпринимаются значимые попытки урегулировать спорные правоотношения, однако изменения происходят достаточно медленно. Полагаем, что для решения проблем, связанных с определением прав детей, рожденных в результате посмертной репродукции, а также пределов осуществления прав

потенциальных родителей и иных близких родственников в случае смерти донора, необходимо разработать специальное положение в форме информированного добровольного согласие на оказание услуг ЭКО, включив в него право каждого потенциального родителя определить дальнейшую судьбу эмбриона. Более того, необходимо привести наследственное законодательство в соответствие с постановлением КС РФ № 6-П, чтобы дети могли приобретать наследственные права в отношении своих умерших биологических родителей даже в случае, если имплантация эмбриона произошла уже после их смерти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бурмистрова Е.В. Гражданско-правовое регулирование установления происхождения детей при применении вспомогательных репродуктивных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 168 с.
5. В Самаре предложили сделать ЭКО бесплатным для участников спецоперации // Сетевое издание «63.ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/gorod/2024/11/22/74368019/> (дата обращения: 28.11.2025).
6. Московский ЗАГС отказывается регистрировать четверых малышей, рожденных суррогатными матерями после смерти отца детей // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/06/02/surrogat.html> (дата обращения: 28.11.2025).
7. Ниякая М.П. Проблемы реализации права наследования ребенка, зачатого искусственным способом после смерти наследодателя // 25 лет гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частноправового развития: Материалы международной научно-практической конференции (с элементом школы молодого ученого). Тамбов. 2019. С. 719–723.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Московского областного суда от 2 февраля 2022 г. по делу № 33-4577/2022 // Московский областной суд [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=244989116&case_uid=c9d47f9a-e979-4ae7-bdc8-abaa23ba68a7&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 28.11.2025).

11. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 28.07.2025 по делу № 2-5649/2025 // Верх-Исетский районный суд [Электронный ресурс]. URL: https://verhisetsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=517297878&case_uid=2fdf677e-2be3-4efc-b476-cd336797498a&delo_id=1540005 (дата обращения: 28.11.2025).

Об авторе:

ДРОЗДОВ Павел Павлович – аспирант первого года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», email: pdroz dov-sts@mail.ru

Legal regulation of posthumous reproduction: embryo status and the limits of intended parents' will

P.P. Drozdov

Tver State University, Tver

This article analyzes the theoretical and practical aspects of legal regulation of the use of assisted reproductive technologies for the storage and implantation of embryos after the death of one or both intended parents. Furthermore, it identifies a number of issues that require further study and proposals for improving current legislation related to the inheritance rights of children born as a result of posthumous embryo reproduction, as well as the child's right to know their parents. Furthermore, it examines the complexities associated with establishing paternity and maternity for such children and the scope of entities capable of disposing of such embryos, emphasizing the need to develop a mechanism for parents to express their will regarding the fate of embryos.

Keywords: *posthumous reproduction; embryo storage agreement; legal status of embryos; assisted reproductive technologies; establishing the parentage of children; intended parents.*

About author:

DROZDOV Pavel – a first-year graduate student in the Faculty of Law at Tver State University, majoring in 5.1.3. "Private Law (Civil Sciences)", email: pdroz dov-sts@mail.ru

Дроздов П.П. Правовое регулирование посмертной репродукции: статус эмбриона и пределы волеизъявления потенциальных родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 243–250.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 4 (84), 2025

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 15.12.2025. Выход в свет 17.12.2025.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,96.

Тираж 500 экз. Заказ № 235.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. Цена свободная.